

АЛЕКСО ТОР

TEAGHLACH PHABBAU

ИСТОРИЯ
ПЕРВАЯ

БАГРОВАЯ

МАСКА

Что делать Древнему Вампиру в современном мегаполисе? Терроризировать город, соблазнять девственниц и упиваться кровью? Нет, это слишком банально. А вот отдохнуть от человечества, занявшись не пыльной работой — самое оно.

Да только счастье Энди Моррисона длилось не долго.

Когда на пороге его квартиры оказывается Анджела — родственница по живой крови, вся идиллия посмертия рассыпается на глазах. Уж слишком много проблем идёт по пятам за рыжей девчонкой. Энди не остаётся ничего другого, как разобраться со всем самому, ведь угроза нависла и над его Прайдом.

Привет. Я — Энди, и я вампир. Знаю, звучит так, словно я в группе анонимных алкоголиков, но я не пью, по крайней мере, спиртное, и я правда вампир. Опустим красочную историю моего фантастического становления вампиром, хоть там было много такого, о чем можно не то, что книги писать, а сразу фильмы снимать со звездами Голливуда первой величины. Я не стану говорить и обо всех тех испытаниях, свалившихся на мою внезапно бессмертную голову. Давайте лучше обсудим то, что происходит прямо сейчас.

А сейчас я подвешен к стене на одной из многочисленных подземных парковок Индианаполиса в его деловом районе. Глубокая ночь, звуки проносающихся в семидесяти футах над нами автомобилей, исписанные граффити стены, тонкий аромат нечистот — похоже, кто-то недавно тут обмочился — городская романтика. Не подумайте ничего дурного. Наш городок, конечно, не Нью-Йорк, но и не какой-нибудь зачуханный поселок. Нам есть чем гордиться. У нас даже есть действующий симфонический оркестр Indianapolis Symphony, есть консерватория, опера и балет.

Да у нас бурлит светская жизнь!

Правда, сам я предпочитаю обходить ее стороной. Мало ли на какого психа можно наткнуться среди всех этих гламурных Galla [Фразы, произносимые Энди, на гаэльском языке — прим. автора] и накрахмаленных Co-sheòrsach.

Нет, как по мне, так я предпочту провести свои выходные за прочтением кого-нибудь из классиков. Того же Брэма Стокера. Этот старый пройдоха отлично раскрутил популярность нашего милого Князя, растрезвонив всему миру о нам подобных. Мы еще долго работали над тем, чтобы все эти слухи о реальном существовании вампиров слухами и остались. Из-за этого Князь теперь совсем не покидает своих земель.

Скромник, чего уж тут.

Но что-то я отошел от темы.

Сейчас было куда важнее разобраться с насущной проблемой. А она состояла в том, что я буквально ощущал себя мухой в паутине. Мои руки и ноги, широко разведённые в стороны, словно меня собирались четвертовать, сковывали какие-то желеобразные сгустки с сильным запахом...

Я поморщился.

... розовых лепестков в чесночном соусе. Какая гадость. У создателя этой штуковины явно проблемы с обонянием. Ни одно нормально существо и близко не подойдет к подобной дряни, не то, что будет его использовать против кого-либо.

Хотя, возможно, чисто гипотетически, есть и исключения, когда этот «кто-либо» является древним вампиром.

Но на меня, Mo chreach, они вообще действовать не должны!

Я попытался выдернуть конечности, но эта дрянь обхватывала мои щиколотки и запястья похлеще самых дорогих портовых шлях, а в прочности не уступала титановому сплаву с золотым вкраплением. Что бы это ни было, здесь не могли помочь даже мои вампирские примочки. Готов поспорить, что даже Жиль со своим туманом здесь бы не справился.

Ну и какой толк, скажите мне, от того, что ты могущественный вампир, если не можешь

выбраться из какой-то вонючей жвачки?

Тем более, я умудрился разбить свои любимые солнцезащитные очки.

Я с нескрываемой ненавистью глянул на своего пленителя.

Высокий и худощавый, он напоминал мне марионетку, у которой обрезали нити, и теперь она двигалась несколько резко и неуклюже. Одетый в черные спортивные штаны и куртку с повязанным на лицо шарфом поверх капюшона, он походил на неопытного воришку, собравшегося грабить какой-нибудь магазинчик в бедном районе, нежели представителя Охотников. Хотя он, наверное, ощущал себя эдаким синоби-но моно, ниндзя, способным пройти по поверхности воды, даже не коснувшись ее.

Ну-да, ну-да. Я часто встречал таких. Сначала они считают себя равными нам, а потом жмутся в углу и, глотая сопли, просят их не убивать.

Кстати, в том, что этот желторотик является именно Охотников, не было сомнений. Только эта братия не шарахается сразу в обморок при виде настоящих хозяев ночи. Ну, или не вешается на шею, как некоторые фанаты определенного литературного жанра. И поверьте моему опыту — вторые куда страшнее и опаснее. Хотя бы потому, что и не представляют себе, какую угрозу несут их «идолы». Фанатики, они такие.

А вот сидящий передо мной Tolla-thon прекрасно осознавал кто и что я. Как только я угодил в его ловушку, я стал лицезреть лишь его спину. Мальчишка знал, что малейший зрительный контакт, и я буду на свободе, а он отправится к праотцам. Да он даже напялил на голову огромные наушники, лишь бы не слышать моего голоса. Зато я стал невольным слушателем его музыкальных предпочтений.

Моцарт? Бах? Серьезно?! Да даже у меня и то вкусы посвежей будут. Рихард Вагнер, к примеру.

Охотник качал головой в такт музыке (кажется, это было что-то из «Свадьбы Фигаро»), раскладывая вокруг себя содержимое большой спортивной сумки. Естественно, черной.

Мне же оставалось только биться головой об стену, так как пока я не видел возможности выбраться из сложившейся ситуации. Оставшись один на один со своими мыслями, я стал размышлять на тему того, как я вообще влип во всю эту историю.

Телефон разрывался, пытаюсь заставить меня подняться из уютной постели. Да, именно постели. Самой обычной деревянной кровати с самым обычным ортопедическим матрасом. За кучу веков ты начинаешь понимать, что такое настоящий комфорт. Особенно если четверть века провел среди всевозможных гетто, развалин и ночлежек.

Но как бы там ни было, спать я предпочитаю в обычной кровати. Ни в саркофагах, как считают некоторые недалекие ценители загробной культуры, ни на огромных ложах с балдахинами, в складках которых можно расформировать целый взвод. Все это напускное и глупое. А я никогда не терпел ни первого, ни второго.

Экран мобильного пульсировал подобно маяку среди темных вод. В добавок аппарат жужжал от вибрации как целый рой пчел-убийц.

Я лениво высунул руку из-под одеяла, пытаюсь нащупать надоедливый гаджет на прикроватной тумбочке. Одно неловкое движение и чертова пищалка полетела вниз, шлепнувшись в густой высокий ворс ковра.

Я ведь уже говорил, что ценю настоящий комфорт?

Чертыхаясь, я перевалился через кровать, и наконец, нашел надоедливую штуковину. Взяв телефон в руку, я нажал на кнопку вызова, хрипло произнося:

— Seadh!

С той стороны стояла минутная тишина, затем робкий и неуверенной, но очень знакомый мне голос тихо поинтересовался:

— Мистер Энди Моррисон?..

Mo chreach! Я и не сообразил, что спросонья ответил на родном языке. Прочистив горло, я вновь заговорил, но в этот раз на привычном для всех английском. Пусть мой шотландский акцент никуда и не делся, но теперь мою речь хотя бы понимали.

— Да, Рэйчел, это я.

Рэйчел. Милая, тихая Рэйчел Саливан. Миниатюрная, всего пяти футов высотой, с золотистыми волосами цвета спелый пшеницы и глазами, как у ребенка, она как-то умудрялась справляться с целым небольшим войском из писателей, как начинающих, так и бывалых.

— Энди, это точно вы? — голос все еще звучал неуверенно.

— Да, Рэй, это точно я.

— Так какого хрена, Моррисон, у меня все еще нет обещанной рукописи на столе, а я не могу дозвониться до тебя уже несколько часов?!

Теперь из трубки раздавался властный голос грозной валькирии.

У Рэйчел была одна уникальная особенность, благодаря которой она и являлась главным редактором крупного издательства — она могла разогнаться от «милого ангела» до «стервозной суки» всего за восемь десятых секунды. (Серьезно. Это научно доказано и задокументировано.) Это и позволяло ей держать под своим маленьким, но очень острым каблучком взбалмошных, эгоцентричных, уходящих в творческий кризис, но быстро возвращающихся обратно — не без вмешательства самой Рэйчел — авторов.

И теперь была моя очередь оказаться под этим самым каблучком, как какой-нибудь бабочке на игле у фанатика-энтомолога.

— Нет, я все понимаю, — продолжала напирать Рэйчел, — ты у нас особенный, ты у нас талант, но, черт возьми, Моррисон, я и так ублажаю твою прихоть про поздние встречи, так что держи и ты слово про вовремя сданные рукописи.

Я глянул на приоткрытую дверь, что вела в мой рабочий кабинет и где на столе лежала рукопись со всеми правками и изменениями.

— Рукопись готова, как я и обещал, Рэй. Готов принести ее тебе в любое время ночи и, — легкий смешок, — ночи.

В тишине на той стороне я отчетливо представлял, как Рэйчел убирает приготовленную для меня иглу энтомолога. В этот раз я вновь избежал жестокой расправы.

Энди-Рэйчел семьдесят девять-семьдесят четыре. Выигрывать у нее чертовски сложно.

— Тогда чтобы я через тридцать минут лицезрела твою начищенную черепашку в «The Rathskeller» и не минутой позже. И чтобы рукопись была при тебе!

Я был готов уже отключиться, когда Рэйчел вновь заговорила угрожающе спокойным голосом.

— И знаешь что еще, Моррисон?

— Что, Рэй?

С той стороны трубки я слышал, как Саливан набирает в грудь побольше воздуха и успел отвезти телефон от уха как раз вовремя.

— И не смей никогда больше называть меня «Рэй», лысый ты хрен!

Ну, разве она не милашка?

Я выключил телефон, из которого доносились гудки и положил его на тумбочку. Нехотя, я все-таки выбрался из постели. Босые ноги утопали в мягком ковре. Я пошевелил пальцами на ногах, наслаждаясь ощущениями. Как я раньше мог жить без этой прелести?

Я глянул на настенные часы. Половина девятого вечера. Рэйчел подняла меня в такую рань. А ведь я поспал всего часа четыре, не больше.

Да, я сплю днем. Но я это делаю не из-за вампирских стереотипов и клише, а из-за работы. Когда ты можешь встретиться со своим издающим редактором только ночью, то волей не волей, спать ты будешь именно днем. И работать. Много, очень много работать, чтобы заработать себе на кусок с маслом. Фигурально выражаясь.

Я сделал серию упражнений, сочетающих в себе обычную разминку и приемы рукопашного боя. Привычные движения, что не раз спасали меня и отлично поддерживали тело в форме. Я, конечно, не был горой мышц, но и хилаком меня явно не назвать. Множество сражений оставили на мне свой отпечаток, и одним из них была отличная физическая форма. Ну и шрамы, конечно же.

Я быстро принял душ и оделся. Среди моего гардероба нельзя было встретить строгих костюмов или дурацких накрахмаленных рубаш с рюшами и жабо. Я предпочитал стиль милитари — удобный и практичный. Так что, быстро нацепив черные военные штаны, темную водолазку с изображением шотландского флага и берцы, я еще раз глянул на часы.

Без четверти девять.

Осталось всего пятнадцать минут, а до места встречи добираться шесть кварталов. Даже с учётом такси я явно опаздывал. Значит, придется прибегнуть к иным способам.

Достав из шкафа кожаный плащ, я повязал вокруг шеи длиннющий шарф-капюшон так, что он практически полностью скрывал мою физиономию. Пройдя в кабинет, я скинул в рюкзак рукопись и удобнее устроил свою ношу на плечах.

Имея спальню на последнем этаже, я нагло этим пользовался, часто уходя и возвращаясь через окно так, что меня никто не видел. В этот раз я решил не изменять привычке.

Убрав жалюзи, я открыл окно. Холодный ветер ноябрьской ночи ударил мне в глаза. Прищурившись, я повернулся к рабочему столу.

— Чуть не забыл.

Взяв со столешницы очки-авиаторы, я аккуратно выбрался из окна. Балансируя на тонком подоконнике, я опустил стекло. Не хватало еще, чтобы в комнату кто-нибудь пробрался. Без особых усилий я вскарабкался на крышу и встал в полный рост.

На пару с холодным ветром вечер был полон неспешно падающего мокрого снега. Надев очки и проверив лямки рюкзака, я обратился к своим вампирским способностям. Я точно знал, что мои не особо зеленые глаза сейчас пылали цветом крови, отвечая разливающейся по всему телу внезапно пробудившейся силе.

— Поехали.

Взяв упор, я разбежался по крыше и оттолкнувшись у самого парапета, перемахнул через Норд Пенсильвания стрит, оказавшись на крыше дома по ту сторону улицы. Будь я все еще человеком, то разбился бы еще на половине пути, но принадлежность к детям ночи дает свои плюсы. Я продолжил следовать вдоль улицы, перебираясь с крыши одного здания на другое. В какой-то момент мне вновь пришлось вернуться на нечетную сторону улицы, так как с четной дома кончились, сменившись на штаб-квартиру Американского Легиона.

Я отсалютовал, не сбавляя скорости.

Впереди меня ожидала крыша церкви, которую я попытался миновать максимально быстро и аккуратно. При всех наших дрызгах с церковниками, я уважительно относился к подобным сооружениям. В добавок к этому, я был знаком с местным священником. Отличным парнем, хочу вам сказать.

Дальше шел участок с парковкой, что означало чью-то помятую крышу автомобиля. В любой другой ситуации я бы предпочел избежать этого, но меня ждала раздраженная Рэйчел, так что я на полной скорости приземлился на зеленый минивэн. Стекло брызнуло на асфальт, сигнализация вскрикнула в агонии, а крыша неплохо так прогнулась под моим натиском. Я не был таким уж тяжелым, но даже мои родные двести тринадцать фунтов помноженные на тридцать миль в час были страшной угрозой для металлического корпуса. Спрыгнув с искореженного автомобиля на землю, и миновав несколько десятков ярдов, я вновь вскарабкался на крышу жилого дома, продолжая свой путь.

Я перебирался с крыши на крышу, пересекая улицу за улицей, как какой-нибудь Бэтмен. Черный силуэт на фоне темного неба. Благодаря погоде, даже если бы меня кто-нибудь заметил, то принял бы за игру света, не более.

На пересечении Норд Пенсильвания и Норд Стрит мне все таки пришлось спуститься на дорогу — расстояние между домами было слишком большим даже для меня. Стая голодных бездомных собак, роющихся около мусорного бака, проводили меня настороженным взглядом. Так как они были единственными свидетелями моей ночной вылазки, то я не постеснялся использовать флагшток, чтобы взобраться на здание администрации Социального Обеспечения. Добравшись до следующего перекрестка, я свернул на Ист Мичиган Стрит.

Я не любил перемещаться по этой улице, так как все время приходилось чередовать крыши с пробежками по тротуару. Выбрать исключительно одно из двух я не мог. Здания стояли слишком далеко друг от друга, а проноситься мимо людей, которых в это время было тут предостаточно, на скорости в тридцать миль в час было себе дороже. Не хотелось бы читать о себе в утренних новостях. Но так или иначе, я добрался до места встречи, преодолев последние ярды легкой трусцой. Когда я спускался в барную часть, часы как раз показывали девять вечера.

До закрытия был еще час, но в заведении оставалось не так уж и много людей, так что я без труда заметил Рэйчел.

Ее вообще тяжело было не заметить.

На фоне гербовых стягов и всевозможных рогатых голов, миниатюрная девушка в больших круглых очках, выпивающая очередную пинту пива среди опустошенных бокалов, смотрелась слишком вычурно.

Кстати, еще одна особенность Рэйчел Саливан — ее невозможно перепить. Как-то с ней попытался потягаться местный завсегдатай, здоровый немец с честно заработанным пивным брюхом. Так беднягу хватило лишь на половину того, что выпила она.

Рэйчел встретила меня оценивающим взглядом и легким фырканьем. Ей никогда не нравилось, как я одеваюсь.

Опустив шарф, я достал из рюкзака рукопись и положил перед Рэйчел. Она пододвинула стопку бумаг к себе и начала их просматривать. Рэй внимательно прочитывала их, перекладывая из одной стопки в другую. Ее большие карие глаза бегали за толстыми стеклами, перемещаясь от строчки к строчке. Ни единая мелочь не могла от них ускользнуть. Время от времени Рэйчел морщила нос, кивала или же качала головой, что в ее

случае означало высшую форму эмоциональности. Рэйчел отложила в сторону последний листок и аккуратно поправила бумаги.

Пятьсот с хвостиком страниц за каких-то пол часа. Вот что значит профессионализм.

— Неплохо, — сдержанно произнесла Саливан, перекладывая рукопись в свой кейс. — Местами провисает сюжет, где-то слишком много пафоса, но мы все поправим. Скажу прямо, не лучший твой опус.

О, да. Неизменные напутственные слова Рэйчел Саливан. Кто бы и чтобы ей не приносил, речь оставалась неизменной. Она считала, что подобное отношение к авторам и их работам плодотворно влияет на дальнейшую деятельность. И как ни странно, была права. Каждый ее подопечный лезь из шкуры вон, чтобы услышать от нее всего два слова — «отличная работа». Поговаривают, что такое даже один раз было, но достоверных данных нет.

— Я свяжусь с тобой, как только мы определим дату выхода. Всего хорошего.

Рэйчел расплатилась по счету и вышла из ресторана.

Планов на ночь у меня больше не было, так что я решил вернуться домой досыпать. Вампир вампиром, но пробежка под мокрым снегом требовала восстановления сил.

Выйдя на свежий воздух, я решил прогуляться по ночному городу. Сейчас меня не тяготила ни рукопись за спиной, ни Рэйчел в дурном настроении, так что я вполне мог позволить себе насладиться зарождающейся ночью.

Вновь накинув шарф на манер капюшона, я побрел по улицам Индианаполиса.

Я почувствовал его спустя пару минут, как свернул в сторону своих охотничьих угодий. Я не был голоден, но и приводить его к своему дому я не желал.

Я чувствовал его страх и волнение в сорока ярдах за мной. Они кричали о себе, как расплывающееся пятно ярко-красной краски по черно-белому холсту.

А еще его присутствие становилось надоедливо-назойливым.

Я сворачивал с улицы на улицу, и он по пятам следовал за мной. Должно быть мелкий воришка решил поживиться за мой счет. Прости, дружок, но ты выбрал не ту жертву.

Вскоре я добрался до многоуровневой парковки, что время от времени служила мне обеденной зоной. Я свернул, спускаясь на подземные ярусы. Воришка пошел следом.

И это было большой ошибкой.

Я тут же применил *скольжение*, расплывчатым силуэтом переместившись на шестнадцать ярдов вперед. Не сильно далеко, но достаточно, чтобы мой неугомонный преследователь смог потерять меня из виду и начать паниковать. А паника в искусных руках отличное оружие против паникующего.

Как я и предполагал, парень резко вбежал за мной, нервно осматриваясь по сторонам и пошел... в противоположную от меня сторону. Гм. Я рассчитывал немного не на это. Бедняга все таки потерял меня. Для него это потеря заработка, а для меня возможность вернуться домой.

Хотя...

Он был слишком надоедлив, чтобы вот так просто его отпустить. Мне захотелось взглянуть на лицо того, от кого мне пришлось скрываться на своей же территории.

Я незаметно последовал за воришкой.

Скрывать присутствие? Знаю. Умею. Практикую.

На одном из неизвестных мне уровней он остановился, так незащитно подставив мне свою спину. Но Энди Моррисон не из тех, кто нападет со спины. Я не какой-нибудь

Blaigeard. А вот понаблюдать за кем-нибудь со спины было довольно интересно и этим я не брезговал.

И похоже, он это знал.

Только что копошившейся парень резко развернулся, и выстрелил в мою сторону из рогатки. Из рогатки, Мо chreach! Я инстинктивно отбил летящий в мою сторону заполненный чем-то воздушный шарик. Он ожидаемо разорвался, с ног до головы обрызгав меня какой-то светящейся гадостью. Мои руки были в чем-то липком и противном. Я не успел прийти в себя, а у меня под ногами уже оказались самые обычные мраморные шарики. Я легко бы их избежал, если бы в меня вновь не выстрелили шариком-с-чем-то-вонючим.

У этого Tolla-toine была поразительная скорость стрельбы.

Отбиваясь от его детских атак, я не успевал сосредоточиться, чтобы призвать силу одного из Детей Каина. Да, на это требовались секунды, но даже их у меня не было, под таким наглым и грубым натиском. Оступившись, я все таки попал на разбросанные по земле шарики. Равновесия я не потерял, но вот очки случайно уронил. И в ту же секунду этот Trusdar выстрелил в меня горстью шариков не больше виноградин.

Ха! Да это же как дробина для слона.

Несколько штук ударились об меня, разрываясь и освещая все ярким светом.

А вот это уже было плохо.

Световые мини-гранаты градом сыпались на меня, сжигая глаза. Даже простой человек слаб против яркого света, а когда ты один из проклятых, то боль от ослепления переходит на новый уровень.

Я откровенно взвыл, закрывая глаза.

Ощущения стали меня подводить, я плохо соображал что происходит вокруг. Пытаясь все это прекратить, я ринулся туда, где секунду назад находился мой мучитель, но ожидаемо наткнулся только на воздух. В спину мне ударилось что-то мягкое и живое — наглец взял меня на таран. Уронить он меня не смог, но вот сдвинуть с места вполне. Я уткнулся плечом в стену. Развернувшись для ответного удара, я понял, что моя правая рука намертво застряла в бетоне. Я попытался ее выдернуть, но безрезультатно.

А вот паршивец действовал весьма результативно. Он привалился всем своим весом, и вот уже вторая рука крепко сцеплена со стеной. Два щелчка от импровизированной тетивы и вот уже мои берцы прижаты в такой же липкой ловушке.

Я проморгался и слезящимися глазами уставился на закутанное в черное лицо и бутылку, направленную мне в голову.

В следующую секунду я отключился.

Я глянул на осколки бутылки, что валялись прямо под моими ногами. Да уж. Какой-то пацан смог одолеть меня практически голыми руками. Вот так вот живешь три с половиной века, скрываясь от профессиональных Охотников, чтобы однажды быть загнанным в угол молокососом.

А щенок продолжал раскладывать перед собой какие-то странные вещи.

Пластмассовое водяное ружье заполненное чем-то бледно-зеленым, мячики для тенниса обмотанные колючей проволокой, какие-то пробирки и склянки. Кучка уже знакомых мне мраморных шариков лежала на кожаном мешочке рядом с чертовой рогаткой. У последней я заметил снайперский прицел.

Я все никак не мог понять. То ли парень пришел действительно подготовленным, то ли

кто-то жестоко надо мной подшутил, потому что все это уж больно напоминало детские игрушки.

Я вновь направил все свое внимание на жвачку-кандалы. Голова все еще гудела после удара, но это не помешало мне сосредоточиться. Что было сил, врожденных и вампирских, я напряг руки, пытаюсь освободиться.

Мне показалось, или я и вправду услышал легкий треск?

Я по-новому *взглянул* на жвачную массу. *Слух* меня не обманул. От стены на кандалы поднималась трещина. То ли ко мне вернулись силы, то ли чудо-состав переставал действовать. Я склонялся ко второму варианту. А это значило, что сворачивание шеи молодого Охотника было лишь вопросом времени. Оставалось только подождать. А ждать я умел.

Я устроился максимально комфортно, когда мое внимание привлекло движение в нескольких ярдах от меня. В тени что-то промелькнуло. Я бы принял неизвестного гостя за бездомную собаку — очертания и размеры вполне подходили — но против этой версии было несколько странных фактов.

От неизвестного шла горячая волна жажды крови, направленная как на меня, так и на Охотника. И если желание напасть на человека я еще мог понять, то на себя нет. Животные чувствовали во мне хищника и предпочитали обходить стороной, а не нападать.

Ах да, еще кое-что. Я *слышал* дыхание, но не сердцебиение.

И это мне не нравилось.

Я напряг *зрение*, всматриваясь в тень.

Увиденное мною существо отдаленно напоминало человека. Возможно, оно им когда-то и было, но не сейчас. Приземистое, с вывернутыми конечностями, оно на четвереньках ползло в нашу сторону, цепляясь за потолок острыми когтями. Свернутая под неправильным углом голова резко дергалась, будто от ударов тока. Огромная пасть от уха до уха была полна игольчатых зубов в несколько рядов. Глаза монстра были зашиты.

Я знал только одних существ, что были столь же уродливы.

— Мордлак, — выдохнул я.

Mo chreach!

Каким бы крутым вампиром я не был, как бы не превосходил эту дрянь физически, в нынешнем состоянии я представлял из себя отличный деликатес. Да и закуска тоже наблюдалась. Охотник даже не подозревал, что к нам приближается смертельно опасная нежить без тормозов.

Мордлаки были низшими созданиями, движимые лишь одним — инстинктом убивать. Они представляли угрозу как для простых людей, так и для моего племени, поэтому их уничтожением занимались и те и другие.

Я не знал, к какому именно подвиду мордлаков относился этот человек-жук, и соответственно не знал, что именно его могло остановить. Но одна я знал точно — если ничего не предпринять, то эта дрянь полакомится нашими потрохами.

— Хэй! — я изо всех сил кричал, пытаюсь привлечь внимание Охотника. — Хэй!

К сожалению, на мой голос откликнулся мордлак. Сообразив, что его заметили, он увеличил скорость, направляясь прямо к мальчишке.

Я напрягал все свое тело, пытаюсь вырваться из чертовой жвачки.

— Да повернись же ты! — Охотник не столько услышал меня, сколько почувствовал исходящую от меня силу, но все же он обернулся.

И как раз вовремя.

Мордлак совершил прыжок.

Парень отклонился в сторону и дрянь пролетела над ним, преодолев несколько лишних ярдов и ударившись об одну из опорных колон. Охотник с явным непониманием взирал на нежить, но у него хватило ума, прихватить с собой что-то из своих примочек. В руке он держал один из теннисных мячей.

Между Охотником, мной и приходящим в себя мордлаком было одинаковое расстояние и мальчишка наконец заметил мои попытки вырваться и воззвать к нему. Видимо посчитав, что наушники ему теперь больше мешают, нежели защищают, парнишка их снял.

Чем я тут же воспользовался.

— Освободи меня! — выплеск небольшого количества силы и *внушение* возымело эффект.

Или точнее так должно было быть.

Охотник не шелохнулся. Он не ринулся снимать с меня кандалы, рискуя собственной шкурой, лишь бы защитить мою. Ничего подобного. Он лишь крепче сжал в руке мячик, не выпуская из виду мордлака.

— Да освободи же меня, Tolla-toine! — я чувствовал, как кандалы мне поддавались, но слишком медленно. А счет шел на секунды.

Мордлак очухался и пополз к Охотнику. Если он его сейчас сожрет, то мне явно не выжить, так что я предпринял самое гениальное решение.

— Хэй, Blaignard! Иди и сожри меня! — простой крик не привлек бы внимания плотоядного ползунка, так что я влил в него немного *внушения* и *обольщения*.

Симпатией мордлак ко мне не воспылал, но вот более привлекательным ужином я для него стал. Дрянь помотала головой и развернулась ко мне. В открытой пасти нежити я заметил пару глаз. Понятно теперь, куда они переместились. Мордлак пополз ко мне.

Жвачка начала трескаться и осыпаться. Еще пару секунд и я буду свободен. Но этих секунд у меня не было. Тварь атаковала. И в тот момент, когда ее когти должны были впиться в мою плоть, в костлявую спину прилетел теннисный мячик. При ударе, опутывающая его проволока разматалась и намертво впиалась в тело нежити. Сам же мячик распался, облепляя тварь желеобразным составом со знакомым мне запахом розово-чесночного соуса.

Мордлак повалился на спину и взвыл.

Не знаю, на какой частоте орала эта тварь, но силы ее голоса хватило, чтобы сковывающая меня субстанция распалась. Освободившись, я тут же нанес удар ногой по раскрытой пасти. Череп с противным звуком раскололся.

А я разве не говорил, что в моих берцах металлические стаканы в носках?

Мордлак дернулся в последний раз и замер.

Что же. Теперь предстояло разобраться с Охотником.

Я развернулся к парню и встретился с дулом водяного ружья, направленного прямо на меня.

— Послушай, мальчик, — я перенес вес на ноги, готовясь к прыжку. — Опустить эту игрушку, иначе...

За спиной послышался скрежет и Охотник выстрелил. Я успел увернуться от зеленой струи, а вот мордлак нет. С раздробленной головой эта дрянь продолжала атаковать.

Ненавижу такие вечера.

Я приземлился в паре ярдов от Охотника и обернулся на нежить. Не знаю, что именно было в этом ружье, но оно явно доставляло тваре дискомфорт. Его тело дымилось, а в некоторых местах отпали куски сгнившей плоти.

Гадость.

— У тебя есть еще эта дрянь?! — Охотник опешил, понимая, что я обращаюсь к нему.

— Еще на выстрел, — надо отдать парню должное, в его голосе не было ни капли страха.

— Так стреляй же!

— Заряд в стеклянной капсуле в сумке.

Mo chreach! А сумка лежала недалеко от взбешенного мордлака.

— У тебя еще остались те мини-гранаты? — Охотник достал из внутреннего кармана горсть шариков-виноградин. — Отвлеки его, а я попытаюсь достать состав.

Парень кивнул и бросил в мордлака светляков. Как только они достигли цели, весь уровень парковки осветил яркий белый свет. Я же заблаговременно прикрыл глаза шарфом и ориентируясь на оставшиеся чувства, скользнул в сторону сумки. Руки нащупали грубую ткань и стекло внутри. Заряд.

Мне в ногу вонзились кривые когти, разрывая штанину. Я развернулся, открывая глаза, и свободной ногой ударил нежить в торс. Мордлака перевернуло на спину. Я сжал в руке капсулу и со всей силой вогнал ее в грудь тваре, разбивая. Не знаю, как оно это сделало без головы, но существо взвыло и осыпалось на цемент кучкой разлагающейся плоти.

Вся моя одежда была в ошметках его тканей. Придется провести под душем не один час, смывая с себя всю эту гадость.

— Поздравляю, мы это уби... — я глянул на Охотника. Парень держал в руках чертову рогатку заряженную чем-то подозрительно опасным и направленным прямо на меня. — ... ли.

— Руки вверх, — добродушно произнес Tolla-toine.

— Да ты, должно быть, шутишь.

Мы с Охотником сидели друг напротив друга, а между нами покоились его вещи. На меня все еще была направлена заряженная рогатка. В этот раз снаряд напоминал мне обычную стрелу с присоской, вот только древко подозрительно отливало серебром, а на кончике пробегали всполохи самой настоящей молнии. Не знаю, что это была за штука, но проверять ее свойства на своей шкуре меня не прельщало.

Мой же надзиратель чувствовал себя вполне свободно. Словно ему уже ничего не угрожало после победы над мордлаком, парень убрал наушники и опустил шарф с капюшоном, открывая свое угловатое лицо и кудрявую голову. С возрастом, кстати, я угадал. Ему было не больше двадцати-двадцати пяти лет. Суший ребенок. Нет, я понимаю, что среди людей двадцать лет считается уже возрастом совершеннолетних, но для меня, прожившего столько веков, он был ребенком. Ребенком, который смог меня поймать. Дважды.

А еще этот наглец напялил точно такие же очки, что были у меня, защищаясь от прямого зрительного контакта.

— Послушай, Tolla-toine...

Начал было я, но меня нагло перебили.

— Что это за слово такое?

— Прости, что?

— Это слово. И язык. Что это?

— Ты меня что, не боишься?

— Я был бы плохим Охотником, если бы боялся какого-то кровососа.

Мой левый глаз дернулся.

Кровососа? Кровососа?! Да как он смеет?

— Тем более, — продолжал Охотник, — у меня сейчас силовое преимущество.

Наглец многозначительно кивнул на рогатку.

— Так вот, что это за язык и слово?

Мне оставалось принять его игру. И подумать, как выбраться из всей этой ситуации, окончательно не загубив свою репутацию.

— Это гаэльский, один из старых языков, а слово значит...

«Засранец», — подумал я, но вслух произнес:

— ... парень.

— Гаэльский? А разве это не устаревшее название шотландского?

А парнишка не был таким уж глупым.

— Именно.

— Сколько же вам лет?

— Достаточно.

— Никогда не слышал о вампирах, говорящих на этом наречии.

И тут я понял. Он не знал. Он не знал, кого именно поймал. Да будь я проклят второй раз, если был не прав.

На моем лице сама собой расплылась улыбка.

Охотнику это не понравилось. Он удобнее перехватил рогатку, готовый выстрелить в меня в любую минуту.

— Послушай, Tolla-toine...

— Дункан, — вновь перебил меня Охотник. — Меня зовут Дункан.

Дункан как-то неуверенно улыбнулся. Я его понимаю. Редко ягненок представляется волку.

— Хорошо, Дункан. Имя за имя. Так будет честно. Меня зовут мистер Моррисон.

— Я знаю, — Дункан небрежно пожал плечами.

Что за чудо сидела передо мной? Он знал, кто я, но не знал, кто именно.

Я вопросительно поднял брови.

— Я следил за вами. Это довольно просто, учитывая вашу особенность.

Вот почему я был уверен, что он имел ввиду татуировку в виде мишени на весь затылок, а не мою харизматическую внешность, а?

— И как давно, если не секрет?

— Пару месяцев.

Теперь понятно, откуда у меня в последнее время был зуд на спине. А парень хорош. Не каждый Охотник может похвастаться тем, что смог выследить меня. И еще меньше тех, кто ловил меня.

— Из какого ты клана?

А это я зря спросил. Дункан весь подобрался, крепче схватившись за самодельное оружие. Все в его позе говорило о готовности пристрелить меня прямо здесь и сейчас. А ведь всего мгновение назад он был так же расслаблен, как и я. Интересно, чем его так задел вопрос о клане? Но выяснять дальше было опасно. Да и не особо я хотел знать.

— Не хочешь говорить, не надо, — я примирительно поднял руки ладонями вперед. — У меня есть к тебе предложение, Дункан.

— Я не иду на сделки с нежитью.

— Нежитью, была та дрянь, что мы с тобой убили. Убили вместе, сражаясь плечом к плечу. И теперь ты должен отпустить меня, — я говорил серьезным, деловым тоном, как юрист в суде, а не как загнанная в угол жертва.

И Дункана это смутило.

— Почему?

— Потому что я знаю вас, Охотников. Вы воины, а не убийцы. Да, вы охотитесь за нами, отнимая наше посмертное существование, но каждый раз это честное сражение. Я уверен, что ты не сможешь хладнокровно убить человека.

— Вы не человек.

— Но когда-то я им был. Я не похож на того монстра, чьи останки сейчас разлагаются в паре ярдов от нас. Я больше человек, чем тебе кажется.

— Но наш Наставник говорит, что все порождения ночи ужасные монстры, которым нет прощения и доверия, — голос парня предательски дрогнул. Он сам не особо верил в то, что говорил, но чувствовалось, что эти слова он в прошлом повторял неоднократно. — И что мы должны карать их без капли сомнения.

— Но ты сомневаешься, — я не врал и не пытался давить на парня. Я просто хотел быстрее разобраться со всем происходящим и вернуться домой, досыпать. — Только что ты доверил свою жизнь одному из Каиновых Отпрысков. И можешь ты после этого так просто покарать меня?

Дункан молчал. По мельчайшим движениям его тела, лица, я видел, как парень внутренне боролся сам с собой.

— Опустит оружие, — я добавил всего толику *внушения* в свои слова, особо не надеясь на результат, помня прошлый опыт, но в этот раз все получилось. Дункан даже не заметил, как положил рогатку на колени.

Я улыбнулся от уха до уха.

— Дункан, — Охотник поднял на меня лицо, — отпусти меня. Мы только что вместе сражались и нам нет смысла убивать друг друга.

Дункан нахмурил брови, обдумывая мои слова.

— Вы не хотите меня убивать? — парень явно в это не верил.

— Хочу, — честно ответил я и Дункан вновь потянулся к своему дурацкому оружию, — но не буду. Я не убиваю тех, кому обязан жизнью. Кроме того, должен признать, что ты первый за много десятилетий, кто смог поймать меня. Это многое говорит о тебе и твоих незаурядных способностях.

Так же о Дункане многое говорило его снаряжение, но об этом я решил умолчать.

— Вы считаете, что я хорош? — Дункан самодовольно улыбнулся.

А с самооценкой-то у него все нормально. Даже слишком.

— Ты меня поймал и это достойно уважения.

Дункан убрал оружие и встав, протянул мне руку. Ни единый мускул не дрогнул на его лице. Он знал, что находится в опасной близости от хищника, но не боялся меня. Он мне поверил.

Я принял руку, поднимаясь. Рукопожатие вышло крепкое и уверенное.

— Никогда не думал, что так поступлю, — Охотник неловко переминался с ноги на

ногу.

— Все когда-то бывает в первый раз, — я отряхнул плащ, поправил рюкзак и протянул Дункану раскрытую ладонь. — Очки. Свои я разбил по твоей вине.

Парнишка смущаясь снял авиаторы и протянул их мне. У него оказались глаза цвета хмельного эля.

— Простите, — Дункан засунул руки в карманы штанов, став похожим на простого парня с простой жизнью, полностью утратив ауру Охотника. — Не часто встретишь такого вампира, как вы. Знаете, я, наверное, никогда не забуду нашу встречу.

Я надел очки, подняв их на лоб. Слегка маловаты, но временно и их хватит. Дружелюбно положив руку на плечо Дункана, я заглянул ему в глаза.

— В этом я сомневаюсь, — усиливая зрительный контакт, я направил на парня *внушение*.

Когда часы перевалили за полночь, мокрый снег сменился полноценным снегопадом. Я плотнее укутался в шарф, радуясь, что позаимствовал очки у Дункана.

Последний был оставлен мною все на той же парковке. Живой и невредимый. Я держал свое слово. Убивать его я не собирался. Хотя теперь его воспоминания приобрели немного иной вид. По новой версии событий, что я *внушилему*, он выследил злого, ужасного вампира и смело сразил его в неравной схватке Света и Тьмы. Кучка дымящейся плоти мордлака отлично подходила на роль останков благородного вампира.

Обратный путь до дома прошел без приключений. Открыв входную дверь запасными ключами, что я всегда хранил в рюкзаке, я с наслаждением втянул полную грудь теплого, затхлого воздуха. Дом, милый, дом.

Моя квартира располагалась в глубине здания, занимая все три квартиры третьего этажа. Никаких соседей, никакого шума. Идиллия.

Я поднимался по лестнице, когда сначала *учуял* кровь, а затем *услышал* стук бешено колотящегося сердца. Странно. На моем этаже не должно было быть никого, и уж тем более с таким ярким ароматом страха.

На последней ступени я разглядел поджидающего меня гостя. Точнее, гостью.

В грязной и мокрой одежде, дрожа от холода и страха, там сидела школьница. Ее волосы рыжим безобразием разметались по лицу, скрывая его.

Что-то в ней мне показалось знакомым.

— Малышка, — мой голос звучал максимально дружелюбно, но девочка все равно резко дернулась в сторону, вскидывая на меня глаза.

— Мистер Энди Моррисон? — в голосе девочки смешались надежда и подозрение.

Эти же чувства боролись и во мне.

Я не мог отвести взгляда от лица своей покойной жены.

— Мистер Энди Моррисон? — повторило зеленоглазое чудо, хлопая большими глазами в обрамлении густых ресниц.

Я мотнул головой, отгоняя одновременно сладостное и пугающее наваждение. Нет, не могла это быть моя жена. Она умерла больше трех веков назад.

Я по новой взглянул на незваную гостью, что устроилась на ступенях перед моей квартирой. Скулы острее, подбородок ярче выражен, слегка курносый нос — схожие черты, не более. Такое бывает у дальних родственников. Вот вроде и то же самое лицо, но немного другое. Знаете? "Седьмая вода на киселе".

А это значит...

— Кто ты, малышка?

— Анджела Моррисон, сэр.

... что она моя родственница, по живой ветви.

Не удивляйтесь. До того, как стать одним из Потомков Каина, я вполне был живым. И у меня была нормальная семья со стариками-родителями, младшим братом и красоткой женой. Но насколько я помнил, сам я потомства не успел оставить. По крайней мере, среди живых. Значит это дитя было плодом от семени моего брата.

Ранее я уже встречался со своей солнцепереносимой роднёй. Было это лет пятнадцать назад и не при самых приятных обстоятельствах. Не думал, что встречу кого-то из них еще раз столь скоро.

— Пойдем, — я прошел мимо девочки и поманил ее за собой.

Я понимал, что мне предстоит не простой разговор и я не собирался вести его на лестничной площадке. Встав у двери, я намеренно тянул время, ища ключи в рюкзаке. Это позволило мне рассмотреть родню внимательнее.

Невысокая для своих лет, угловатая. Из одежды школьная форма: типичные юбка в складочку, белая рубашка с галстуком, да безрукавка с символикой на груди. В руках она держала рюкзак с такой же эмблемой. Если не ошибаюсь, какая-то элитная школа. Я мало интересуюсь подобным и потому не факт, что был прав. В девчужке не было ничего примечательного, кроме одного — одежда была в дичайшем беспорядке. Фирменные туфли в грязи, гольфы спущены по щиколотку, обнажая царапины на бледной коже. Юбка в нескольких местах разорвана, на рубашке отсутствовало несколько пуговиц и судя по торчащим ниткам, они были грубо вырваны. Жилетка растянута, а галстук еле держался. Моя новоприобретенная родственница нервно оглядывалась по сторонам, дрожала и крепко обхватывала себя руками, напоминая только что вылупившегося взъерошенного птенца. Ее движения были резкими и испуганными.

Почему то мне казалось, что стоит мне хотя бы кашлянуть, ее удар хватит.

Что же с ней произошло, пока она добиралась до меня?

Я наконец достал ключи и открыл дверь.

— Прошу, — я указал Анджеле на открытую дверь, но девочка даже не шелохнулась.

Хм. А идти впереди меня она все же опасалась. Умница. Не подставляет спину незнакомому человеку. Хотя какой из меня человек? Так, лысый вурдалак с претензией на человечность.

Я прошел в квартиру и встал у двери, пропуская девочку вперед. Показательно поднял ладони вверх, чтобы она не думала, что я что-нибудь замышляю. Но если бы даже и замышлял, она все равно не успела бы ни догадаться, ни среагировать.

Малышка несколько минут неуверенно топталась на месте и наконец вошла, не выпуская меня из виду.

Интересное дитя.

Девочка робко оглядывалась по сторонам, но я видел, насколько она была впечатлена.

Еще бы. В том, чтобы быть известным писателем есть свои плюсы. И обычно это восьмизначные плюсы, на которые можно позволить многое.

К примеру, скупить весь этаж, объединив три квартиры в одну просторную. Не без ремонта, конечно же.

Центральная квартира преобразилась, став гостиной. Просторная, выполненная в светлых тонах, она располагала к уюту. Пара белых кожаных диванов и тумба им под стать, с дорогущим телевизором на ней. По углам расставлены декоративные деревья с бутонами вместо листьев. По центру ковер с густым ворсом и стеклянный журнальный столик.

Не очень по-вампириски, правда?

Оформителя для квартиры мне посоветовала всемогущая Рэйчел. Это обошлось мне в приличную сумму для дизайнера и бутылку элитного вина для Рэй, но оно того стоило.

Из гостиной вело четыре двери. Левая в мою спальню, что была соединена с личной ванной и рабочим кабинетом. Запретная зона для всех и вся. Еще никто не входил в эту дверь, кроме меня — ни живые, ни мертвые. Да, я дикий собственник и мне хочется иметь свой личный уголок, но к сожалению, без блэк джека и шлюх. На это квартира была не рассчитана.

Две двери напротив служили для гостевых ванной и спальни. Как бы странно это не показалось, у меня могли быть гости. Более того, в настоящий момент у меня проживал один нахлебник, который к счастью для меня, пропал неизвестно где уже целую вечность.

Правая, к которой я и направился, позвав за собой юную Моррисон, открывала путь на кухню.

Дорогой холодильник и плита, кофемашина, тостер, микроволновка, острейшие ножи и прочие прибабасы — кухня у меня была не просто для вида. Хотя я и был одним из бессмертных с весьма специфической диетой, бывали у меня и нормально питающиеся создания. Тем более, кое-что любил и я.

Чай с кофе, к примеру.

Предложив Анджеле один из барных стульев, я подошел к шкафчику с напитками и открыл его.

Так. Что у меня тут? Чай зеленый с бергамотом. Не, не пойдет. Вкус довольно странный. Не уверен, что подросток будет такое пить. Идем дальше. Черный чай, красный чай, белый чай — прямо не чай, а палитра художника. О, чай с ромашкой. Успокаивает.

Я оглянулся через плечо на рыжую барышню. Мокрая и похожая на потерявшегося щенка с большими испуганными глазами, она нервно теребила рукава рубашки. Не, сейчас подобное успокоительное может ввести ее в еще большую депрессию. И множество сортов кофе, что стояли у меня, тоже мало подходят для поднятия настроения у ребенка.

А это что?

Мое внимание привлекла небольшая металлическая коробочка с коричневыми бабочками на жестянке. Принюхавшись, я уловил аромат шоколада. Должно быть остался с

прошлого налета Евы на мою кухню. Меган разрешает ей есть слишком много сладкого, но в данном случае, я этому только рад. Порошок из какао-бобов отлично действовал на всех представительниц прекрасного пола, что я когда-либо знал.

Найдя в полупустом холодильнике бутылку молока, я приступил к готовке. Разогрев молоко, я добавил туда шоколада, щепотку завалявшейся корицы и немного тертого миндаля. Для существа, которому не нужна нормальная пища, у меня довольно много продуктов. И они даже не просроченные.

Размешав все до однородной массы и дождавшись, когда напиток дойдет до нужной консистенции, я перелил его в высокий стеклянный бокал и поставил перед гостьей.

— Выпей, — я пытался говорить как можно дружелюбнее. Я умею быть душкой, правда.

Анджела пару секунд думала, но все таки решилась. Обхватив стакан обеими ладошками, девочка грела руки, медленно прихлебывая горячий напиток.

— Как закончишь, я хотел бы узнать, что с тобой случилось и зачем я тебе понадобился.

А еще где ее отец, но почему то мне казалось, что из первых двух вопросов я узнаю ответ и на третий.

Анджела резко отстранилась от стола, словно что-то вспомнила, и полезла в свою сумку. Вынырнув из ее глубин через пару минут, девочка протянула мне простой белый конверт. Вот только сургучная печать была не простой. На красном застывшем кружочке была отпечатана разрушенная башня — родовой герб Моррисонов.

Я сорвал печать и стал читать послание.

"Алэйсдэйр Моррисон,

если ты это читаешь, то я уже мертв и в отличие от тебя — полностью. Ты знаешь, что я ненавижу тебя и желаю твоей смерти, как никто другой. Я помню, что случилось 15 лет назад. Я все еще виню в случившемся тебя. Но так же я помню и твои глаза в разрезе маски. И ту боль, что была в них.

Теперь в отчаянье я.

Я узнал то, что полностью поменяет привычный уклад жизни как людей, так и нелюдей. И именно поэтому я сейчас мертв.

Но кроме того, смертельная опасность грозит моей дочери. Ей угрожают силы, которые я не могу победить один. Мне нужна твоя помощь. Ты спас ее раз, так спаси снова.

Она не знает ни о нашем родстве, ни о твоей истинной сущности. Не при каких обстоятельствах она не должна узнать ни того, ни другого. Моя девочка не знает, о той стороне окружающего нас мира, считая все это лишь страшными сказками. Так и должно оставаться. Я последний Охотник в роду Моррисонов. Я не желаю своей участи для дочери. Она не должна знать правды.

Как бы грустно это не звучало, я могу довериться только тебе. Прошу, защити моего Ангела.

Аллан Моррисон, Охотник рода Моррисонов.

PS: Если с ней что-нибудь случится, то я достану тебя даже с того света, лысый ублюдок".

Я отложил письмо и по-новому взглянул на последнюю из рода Моррисонов.

Большеглазое чудо сопело на диване, разметав рыжую копну волос по подушке.

Анджела свернулась калачиком, став еще больше напоминать ребенка, коим она и являлась. Ей не хватало только собственный кулачок приложить ко рту и покусывать его во время сна.

Я принес теплый плед из шкафа и накрыл ребенка. Не мерзнуть же ей.

Вы не подумайте, я не бесчувственный ублюдок. Я мог бы устроить ребенка и лучше, но, во-первых, для этого надо было подготавливать гостевую комнату, которую временно занимает другой жилец. Во-вторых, я не был полностью уверен, что лежащая на диване девочка действительно моя живая родня.

Паранойя нам строить и жить помогает, ага.

Да, она выглядит немного как моя жена, но это всего лишь обозначает, что наши рода когда-то пересекались. Да и магию никто не отменял. Хорошее заклинание иллюзии собьет с толку даже такое существо, как я. И не надо забывать в каком веке мы живем. Пластическая хирургия сейчас весьма хороша. А при соединении двух этих наук, ты можешь быть кем угодно. Хоть четырехметровым волосатым горным троллем под личиной маленькой девочки.

Хорошо. Под личиной очень страшной, четырехметровой девочки.

Я жил достаточно долго, чтобы повстречать на своем пути такое количество существ, что хватит на несколько томов бестиария.

Девочка поморщила во сне нос и перевернулась на другой бок, сбрасывая с себя плед.

Я поднял его и вновь укрыл ее, но в этот раз так, чтобы он больше не сваливался. Я слышал, как ее сердце, на каждый третий удар, пытается ускорить темп, а дыхание становится прерывистым. Чтобы Анджела не перенесла сегодня, это пытались достать ее и во сне. Хорошо, что я добавил в напиток детского снотворного.

Что? Кое-кто небезразличный мне порой страдает от недосыпания.

Убедившись, что гостя спит спокойно и в ближайшее время никуда не денется, я вернулся к себе в спальню. Оставленный телефон покоился на тумбочке. Взяв гаджет в руки, я с интересом узнал, что со мной пытались связаться. Ого. Тринадцать звонков и одиннадцать SMS-сообщений. Первым делом я проверил звонки. Один от Прайда и двенадцать от Вероники.

Это плохо. Очень плохо. Просто мега-супер-армагедически плохо. Она точно была в бешенстве после нашей последней встречи. Точнее, расставания. Нужно будет с ней все уладить, но это чуть позже. Как говорить — перед смертью не надышишься. И плевать, что я уже мертв. Умирать всегда страшно и неприятно. Я вам это ответственно заявляю.

Я открыл входящие сообщения на телефоне. Здесь ситуация была чуть лучше: одно от Рэй, одно от Мерси, три от Прайда с разных телефонов и шесть от Вероники. Если я ничего не исправлю, мне остается только бежать до канадской границы. Хотя она меня и там найдет и запихнет мне кол в... в одно очень нежное место.

Буквально.

Подготавливая себя морально, я решил открывать сообщения по порядку.

"Рэйчел Саливан. +1 347 665****

10:49pm 20**-11-03

Жду от тебя следующей рукописи к концу года. И не смей говорить, что у тебя нет материала! У тебя ВСЕГДА есть материал на ЭТУ тему!"

Милая Рэй. Ей бы спать давно, как и любому нормальному человеку, а она все о делах, да о делах. И себе покоя не дает и, что самое главное, мне тоже. Но так как она была источником моих сбережений, приходилось все это терпеть. Хотя нет. Не терпеть.

Принимать как должное. По крайней мере, так говорит сама Рэй.

Идем дальше.

*"Серах. +1 347 928*****

*11:02pm 20**-11-03*

Запас некоторых необходимых вещей приближается к нулю. Для восполнения запасов потребуется денежная сумма в размере \$4862,49".

Далее шел список с перечислением продуктов, одежды и деталей для прайдовского фольксвагена мультивена и прочим бла-бла-бла. Серах была скрупулезна и напротив каждой вещи прописала ее стоимость до цента и обоснования, почему именно ее и именно в указанном месте. Она ответственно подходила к делу обеспечения Прайда всем необходимым. И не очень обходимым. Мало ли что.

Надо будет, кстати, заглянуть к ним.

*"Макс. +1 347 537*****

*11:15pm 20**-11-03*

Все в порядке. Происшествий не наблюдалось. Все системы в исправном состоянии. Кстати, в подвале завелась крыса. Назвал Джонатан".

Макс был в своем репертуаре. Серьезный в работе, он был душой компании в свободное время. Так что именование крысы меня даже не удивило. В прошлый раз это был паук в гостиной под именем Генри. Хорошо еще, что тараканам имена не раздает. В общем он хороший парень, несмотря на то, что англичанин.

*"Мама Ро. +1 347 322*****

*11:23pm 20**-11-03*

Ева капризничает. Она хочет Вас увидеть. Будем рады, если Вы загляните".

Еще один повод посетить Прайд. Кажется, я знаю, чем займусь в ближайшее время. Если не появятся неотложные дела. А такое бывало часто.

*"Кровавая Мэри. +1 305 178*****

*11:45pm 20**-11-03*

Это был мой Гамма! ><"

Ха-ха. Крошка Мерси. Единственная, кто знает всех своих Гамма в лицо и единственная, кто позволяет им слишком много. Моя встреча с тем Гаммой была для нее как щелчок по носу. Может, это научит ее лучше следить за ними.

Так. С мелочью я разобрался, пришло время отворить ящик Пандоры и взглянуть на ожидающий меня ужас.

Я открыл сообщения от Вероники.

*"Вер о ника. +1 347 396*****

*5:49am 20**-11-03*

Какого черта, Моррисон?"

*"Вер о ника. +1 347 396*****

*6:05am 20**-11-03*

Думаешь, что это смешно?"

*"Вер о ника. +1 347 396*****

*6:27am 20**-11-03*

Это не сойдет тебе с рук!"

*"Вер о ника. +1 347 396*****

*7:13am 20**-11-03*

Я тебе не la babiole!"

*"Вер о ника. +1 347 396*****

*7:56am 20**-11-03*

Я ждала достаточно долго. Надеюсь, ты написал завещание"

*"Вер о ника. +1 347 396*****

*8:02am 20**-11-03*

... "

Последнее сообщение было пустым, а это значило, что Вероника перешла от слов к делу и следующая наша встреча может плачевно для меня закончиться.

Я никогда не умел обращаться с женщинами. Не похоже? Но это так. Никогда у меня не было для них времени в полном смысле этого слова. Ни в далеком прошлом, когда я еще мог распознавать вкус еды, ни сейчас, в период своего посмертного существования.

И в сложившейся ситуации с Вероникой я действительно был виноват. Я пришел и ушел без приглашения и единого слова, просто взяв все, что я хотел. Не удивительно, что она жаждет моей крови. Что же касается сообщений, то по возвращению домой я плотно занялся правками текста. Нацепив на голову наушники и включив на полную "Nightwish", я погрузился в царство словосплетений, где каждое предложение несет либо жизнь и процветание, либо смерть и уныние. Где судьбы решаются волею безумного демиурга за клавиатурой. Где миры содрогаются...

Кхм. Увлекся.

Как бы то ни было, закончив работу, я тут же лег спать, даже не удосужившись заглянуть в мобильник. Кто же знал, что проклятый гаджет был полон гневных сообщений?

Mo chreach!

Меня ожидал очень тяжелый разговор с Вероникой. И случиться он должен был прямо сейчас.

Я набрал на телефоне знакомые цифры.

Гудок. Еще один. Сброс.

Никто и не говорил, что будет просто.

Попытка номер два.

В этот раз она не сбросила, но ответ я получил только после шестнадцатого гудка.

— Внимательно, — голос вроде и спокойный, но я чувствовал, как в нем клочкотал гнев.

(далее разговор на французском)

— Приятно слышать твой голос, моя Пантера, — да, звучит по идиотски, но нужно ведь с чего-то начинать разговор.

— Если тебе ничего не надо, я вешаю трубку, — интонации не стали ни на йоту теплее.

— Не спеши. Ты слишком строга ко мне.

— Думаешь? — в моем сознании тут же всплыло лицо Вероники с вздернутой бровью.

— Мне есть, что тебе сказать, — продолжала Вероника, — но для этого нужно встретиться лично. Ночью. На заброшенном складе. Прихвати с собой урну. Отправлю посылку Омеге.

Мда. Как то разговор не клеился.

— Не спеши хоронить меня.

— Назови причину.

— Потому что я еще не успел принести свои извинения тебе, — только так я мог одновременно и загладить свою вину и перейти к делу.

— Интересно, за что же? — с той стороны я услышал звук пружин. Должно быть Вероника села на диван. У нее в гостиной отличный зеленый диван, просторный, удобный и главное прочный.

В голове сами собой всплыли воспоминания из прошлой ночи. Да, у нее отличнейший диван. И стол крепкий. А вот обои придется менять.

Мда. Что-то я опять не туда ушел.

— За то, что я обошелся с тобой по свински, как с вещью. Это было грубо с моей стороны. Низко. Я понимаю это, — я не лукавил. Это было правдой. Каждое мое слово шло от сердца. Насколько это возможно с учетом моего мертвого тела.

— Что делает тебя?.. — в голосе уже слышалась улыбка.

— Ублюдкой, низменной тварью, скотиной, мерзавцем... — я замолк, ожидая реакции.

— Продолжай, мне нравится.

— ... и грязным подонком, которому одна судьба — прислуживать англичанам, — я скривился.

С той стороны послышался залиvistый смех.

— Хорошо, ты прощен, — отсмеявшись, Вероника вновь вернулась к профессиональному тону, но гнева и след простыл. — Все это очень мило с твоей стороны, но я почему то уверена, что ты звонил мне не ради извинений?

— Потому что ты проницательна как никогда, а я все таки старый сукин сын, — я улыбнулся, понимая, что вновь завладел ее расположением.

— Не такой уж и старый. Нас разделяет всего пара сотен лет, — вновь скрипнули пружины и по изменившемуся тембру я понял, что Вероника встала с дивана и заходила по комнате. — Так что тебе нужно?

— Что ты знаешь об Аллане Моррисоне?

— Решил прознать про родную кровь? Это на тебя не похоже, — послышались шаги по паркету. — Ты же предпочитаешь держаться от них подальше, наблюдая из тени.

— Я бы и дальше предпочитал такой вариант, вот только одна из живой ветки Моррисонов сейчас сопит у меня на диване, — я невольно глянул в сторону двери, отделяющей меня от соседней комнаты с Анджелой.

— Малышка Энджи? — моя собеседница была столь же удивлена, как и я несколько часов назад. — Что она у тебя делает?

— Спит и опустошает мои съестные запасы.

— Но где ее отец?

— Это я и хотел у тебя узнать.

— Сейчас, — звук щелкающей клавиатуры. — Последний раз Аллан отправлял отчет о местонахождении недалеко от Индианаполиса. Он как раз возвращался с патруля.

— И больше ничего? Он не поступал в распоряжение твоего Клана?

— Нет. Здесь сказано, что он даже не прибыл на встречу. Думаешь, что-то случилось?

— Не думаю. Я знаю.

— Что ты имеешь ввиду?

— Анджела заявила ко мне сегодня за полночь, с царапинами и ушибами. При ней было письмо от Аллана. И начиналось оно типичной фразой — "Если ты это читаешь, я уже мертв".

— О, Господи, — судя по звукам с той стороны, Вероника села в кожаное кресло за своим столом.

— Мне нужно узнать, что с ним случилось.

— Конечно. Постараюсь узнать все, что смогу.

— И еще кое-что, — успел я произнести, пока Вероника не повесила трубку.

— Да?

— Что ты знаешь о самой Анджеле?

— Не очень много. Аллан держал ее подальше от нашего мира. Насколько я знаю, это просто добрая девочка, сильно привязанная к своему отцу. Представляю, какой это был для нее шок — узнать, что отец мертв.

— Не уверен, что она знает.

— О чем ты?

— В ее поведении не чувствуется горя и душевной травмы. Настороженность, подозрительность, но не более. Либо не так уж сильно она его и любила, либо она не в курсе. Как бы то ни было, Аллан попросил приглядеть за ней и я это выполню.

— Знаешь что, Моррисон?

— Что?

— Из тебя бы получился классный отец.

С этими словами Вероника положила трубку.

С Вероникой у нас были сложные отношения. Мы не состояли в официальных отношениях, но довольно часто проводили время вместе. Наши профессиональные интересы часто пересекались, но обычно стояли по разные стороны. Но я знал, что на нее всегда можно положиться.

Пока Вероника помогала мне разобраться с одной проблемой, мне нужно было решить другую. Второй раз за ночь мне предстояло покинуть квартиру. В этот раз я решил воспользоваться дверью.

У каждого сильного вампира была своя "семья", свой Прайд. У каждого она была уникальна и легко узнаваема. Кто-то набирал себе лишь представителей мужского пола, кое-кто предпочитал веселую компанию подростков, есть и не брезгающие преступниками.

Мой же Прайд можно было назвать "собранием преданных". Их жизни были сложными, жестокими и каждый из членов Прайда на собственной шкуре испытал предательство. От близких, любимых, от самого человечества.

Мой Прайд был вторым с хвоста по численности. Я никогда не собирался создавать Прайд, рассчитывая провести весь остаток бессмертного существования в одиночестве, но мимо некоторых людей я не мог пройти, взвалив на себя бремя и ответственность за их Судьбы.

Вампиры моего Прайда были самодостаточными личностями. Как их создатель, я лишь время от времени выделял нужные суммы денег и навещал их. У каждого из прайдовцев были свои обязанности, которые они отлично выполняли, свои сильные и слабые стороны. Но как бы то ни было, я гордился ими, и, в какой-то мере, Наверное, любил. Как отец своих выросших детей, покинувших родовое гнездо. Только в нашем случае, гнездо покинул я.

Кстати, то самое "гнездо" находилось в другой части города, расположившись в уютном коттедже, на пересечении Ист Огайо стрит и Норт Саммит стрит. Дом был достаточно просторным, чтобы разместить там хоть с десяток человек, но моих было в два раза меньше, так что места им хватало.

Двухэтажный, с большим чердаком и даже неким подобием башни, гаражом с верхней пристройкой. Болотного цвета стены и коричневая черепица на крыше. Вокруг дома парочка кустов, деревьев, стучащие своими ветками в окна, да клумбы с цветами. Сейчас, конечно, все это выглядит не так привлекательно как летом, но все равно никто и подумать не мог, что в таком типичном доме живут немертвые. Хотя кое-что все таки смущает соседей. Занавески на окнах всегда опущены.

С моим заработком я мог бы позволить приобрести и себе и Прайду роскошнейшие пентхаусы. Я не хвастаюсь, это просто факт. Вот только так бы и они и я привлекали куда больше внимания. А так, просто частичка серого общества.

И плевать, что частичка мертвая.

Да мы поживее многих живых.

Видели бы вы, как мы умеем развлекаться.

Имея все время мироздания, не беспокоясь о таких банальных вещах, как "что поесть?" (еда живет в соседних домах), "во что одеться?" (самые модные вещи), "а вся ли суда за дом выплачена?" (дом в абсолютном владении Прайда), "получу ли я повышение?" (работаю ради того, чтобы развеять скуку), мы по полной могли прочувствовать жизнь, как бы глупо это не звучало. Старшие всегда находили время для младших. Испытавшие на себе предательство, мы как никто ценим верность. Не тратя время на ненужные склоки, ведь это такие мелочи, узнавая друг друга и поддерживая, мы, как ни странно, истинный образчик семьи.

В нынешние времена, когда даже любовь и привязанности выдаются в кредит и под процент, мы находим время для маленьких чудес.

Много ли найдется людей, которые помчатся на другой конец города посреди ночи за букетом любимых цветов для своей старшей сестры? А несколько дней просидеть у кровати ребенка, что мучается кошмарами, не давая возможности выспаться ни вам ни всему дому и не быть на него раздраженным? Сходить всем вместе на все сеансы фильма, который из членов семьи хочет посмотреть только один человек? Шить в ручную игрушку для младшей сестры на Рождество, никогда до этого не брав в руки ничего, кроме оружия, что сеет смерть?

И дело не в том, что у нас больше возможностей. Раз умерев, потеряв все и вся, мы научились ценить то, что по настоящему дорого и важно.

Поднявшись по ступенькам на крыльцо, оставляя за собой следы на успевшем выпасть мокром снеге, я постучался в дверь. Тишина.

Я знал, что в этот момент Макс вглядывался в монитор камеры, что была установлена в фонарике над дверью. Вы думаете, что монитор пуст, я ведь вампир, а мы не отражаемся в зеркалах? Ну, почти.

Я не знаю, что это за система и как она работает, но внутри нас есть что-то вроде встроенного аппарата с помехами, что действует исключительно на людей. Именно из-за этой, видать расовой особенности, люди то нас и не наблюдают в отражающих поверхностях. А вот техника эту систему обходит. Оно и понятно. Когда появился первый из нас, зеркальные поверхности уже существовали, а записывающие — нет.

Я помахал в камеру и сбросил с головы шарф-капюшон, позволяя разглядеть себя. Щелчок и дверь открыта.

Страхнув с себя налипший снег, я вошел в дом. В нос тут же ударил аромат домашней выпечки с корицей, благоухание свежих цветов и свежестыранного белья.

Не самые ожидаемые запахи в доме с нежитью, неправда ли?

Из правой двери показалась Мама Ро. Синий комбинезон заляпан мукой и корицей. На чернокожем лице отразилась ласковая улыбка. Мама Ро кивнула мне и в сторону кухни, зовя за собой. Я ответил на кивок и пошел следом.

Роуз, она же Мама Ро, была той, кто создавал домашний уют в доме Прайда. Хотя по ее внешности этого было не сказать. Достаточно высокая, чтобы находясь рядом с ней у меня начинал развиваться комплекс неполноценности, крепкого телосложения, с обилием пирсинга на лице и татуировок, она скорее напоминала воительницу из далекой Африки, нежели искусного повара и кондитера.

Мы вошли на кухню и сладкие ароматы усилились. Корица, шоколад, ваниль, мед, сиропы ягодные и травяные, орехи и фрукты и еще много всего разного, о названии чего я даже не догадывался. Кухня превратилась в филиал европейской кондитерской. Часть столешниц была заставлена ингредиентами, в раковине отмокали использованные противни, главный стол был усеян корзинками, вазочками, пиалами и просто бумажными кулечками с выпечкой. Судя по запаху, в духовке стояла еще порция.

— Ты неплохо развернулась. Стратегические запасы на случай войны? — я занял один из стульев за столом.

Мама Ро лишь улыбнулась и пододвинула ко мне вазочку с шахматным печеньем. Засученные рукава водолазки открывали вид не только на продолжающуюся по всему телу витиеватую татуировку, но и на всевозможные шрамы — следы былой жизни.

Я подхватил печенюшку и с удовольствием ее захомячил. Вам, наверно, интересно, зачем вампирам еда живых, ведь мы с нее ничего не получаем? Ну, это не совсем верно. Если мы будем питаться пищей живых, мы не получим ни полезных свойств, да и вкуса не особо почувствуем, НО! Во всех блюдах для вампиров есть секретный ингредиент — кровь. Свежая кровь в любом блюде срабатывает катализатором для наших былых чувств и пусть всего на мгновение, мы вновь чувствуем вкус и можем им насладиться. Маленький самообман, но он бывает чертовски приятным.

Хотя такое удовольствие довольно дорогое. Нам пришлось приобретать специальный холодильник для хранения крови, да и не каждый способен готовить блюда так, чтобы в нем оставалась свежая кровь. Но за много лет Мама Ро достигла некоего совершенства. По крайней мере, я не знаю ни одного другого вампира, способного приготовить шоколадный пудинг на крови.

— Не подскажешь, где Меган? — я стащил еще одну печенюшку Они просто божественны. Честно.

Мама Ро сделала несколько жестов рукой, говоря тем самым, что Меган наверху, в комнате Евы.

А я не говорил? Роуз немая. Еще при жизни ей отрезали язык.

— Они спят? — я даже не пытался использовать в этом доме свои способности. Не было толку. Мой Прайд умел отлично *скрывать присутствие*.

Мама Ро кивнула и вопросительно глянула на меня.

— Ты помнишь мою живую семью? — еще один кивок от негритянки, а я стащил себе еще печенюх. — Младшая из этой ветки сейчас спит у меня в квартире на диване. С ней случилось что-то плохое. Как и с ее отцом, — вновь вопросительный взгляд добрых глаз. — Она поживет пока у меня. Но у меня нет ничего для девочки-подростка. А вот у Меган есть.

Мама Ро поняла намек. Стряхнув с себя следы готовки, женщина вышла из кухни, направившись на второй этаж, в комнату младших из моих прайдовцев.

Я же решил пройтись по импровизированному шведскому столу из выпечки. На пятой вазочке я услышал за спиной легкое покашливание. Я обернулся, напоминая сам себе кровожадного хомяка с заначкой за щеками.

В дверном проеме стояла красивая женщина лет тридцати в модном джинсовом костюме. Ее черные волнистые волосы были уложены в изысканную прическу. Хоть смотрящие на меня глаза и были с легким налетом затравленной безумности, принадлежали они сильной, волевой женщине, способной на все что угодно.

— Я случайно, — произнес я с набитым ртом и отставил в сторону пустую посудину.

— Я так и подумала, — Серах скептически окинула меня взглядом. — Коль скоро Вы здесь, надеюсь Вы уже ознакомились с моим сообщением и готовы предоставить необходимую сумму?

— Сумму? — видя легкое раздражение на лице женщины, я как-то сразу вспомнил, о чем шла речь. — Ах, сумма. Да, конечно.

Я полез в карманы плаща, но максимум там нашлась пара десятибаксовых банкнот и несколько центов. Их я выложил на стол и полез по другим карманам. В штанах завалился полтинник, присоединившейся к кучке на столе.

Хм. Здесь явно не хватает.

Сняв с плеча рюкзак, а изучил содержимое каждого отделения. Пусто. Даже в кошельке нашлась лишь пара сотня баксов.

— Кредитки принимаешь? — улыбнулся я Серах, протягивая кусок пластика.

Одна из моих дочерей тяжело вздохнула, закатила глаза и ловко подцепила карточку, незаметно убрав ее во внутренний карман куртки.

— Верну в течение недели.

С этими словами Серах удалилась из комнаты, столкнувшись в проеме с Мамой Ро. Женщины приветливо улыбнулись друг другу и разошлись. Отношения в моем Прайде были очень теплыми.

Мама Ро заметила мелочь на столе и усмехнулась, а я как нашкодивший ребенок виновато опустил голову и убрал деньги в карман. С деньгами я не в ладах.

Мама Ро протянула мне сверток с одеждой. Я мельком заглянул в него — джинсы, пара нижнего белья, футболка.

— Ворчала? — зная характер Меган, я был бы не удивлен.

Мама Ро прищурила один глаз и покачала ладонью.

Я глянул на ворот футболки. На вещах еще были магазинные ярлыки. Каким бы трудным дьяволенком не была Меган, но она была очень отзывчивым дьяволенком.

— Передай ей, что я ей должен, — я уложил вещи в рюкзак и закинул его себе на плечо. — Мне пора. Если что — пиши.

Мама Ро кивнула и помахала мне на прощание, вновь занявшись своей готовкой.

Я надел на голову шарф-капюшон и вышел в морозное утро.

Когда я вернулся домой, моя гостья сидела на диване как прилежная школьница. Плед аккуратно лежал рядом. При моем появлении Анджела нервно дернулась.

— Выспалась? — я попытался двигаться так, чтобы она видела мои руки и не паниковала. Прямо как с загнанным олененком.

— Да, спасибо, — Анджела поерзала на месте, пытаясь незаметно скрыть выдранный

кусок на юбке и грязные носки туфель.

— Если хочешь, можешь принять душ, — я кивнул на дверь ведущую в гостевую ванную. Анджела смущенно опустила голову, скрывая за волосами румяное лицо.

— Если беспокоишься об одежде, то у меня кое-что есть для тебя, — я достал из рюкзака вещи Меган. — Не уверен, что подойдет, но лучше, чем нынешние твои вещи или же что-то из моего.

Моя робеющая родня приняла вещи и, молча поблагодарив, удалилась в ванную комнату. Через пару секунд раздался шум льющейся воды.

Я решил последовать собственному совету. Зайдя в свою спальню, я сбросил на пол рюкзак. Следом полетел плащ. Берцы были сняты на пол пути в ванную комнату. Очки отправились валяться на одеяле. Я дошел до душа, оставляя за собой дорожку из одежды и лишь серебряное кольцо на правом мизинце осталось при мне. С момента как оно было надето, я ни разу его не снимал. Даже во время смерти мне удалось сберець его.

Смыв под струями воды уличную пыль и скопившейся за ночь стресс (да, у вампиров тоже бывает стресс и побольше, чем у некоторых живых), я прошлепал к шифоньеру и переоделся в чистые джинсы и черную футболку с изображением чиби Ктулху — один из подарков Меган.

Вернулся я в гостиную одновременно с Анджелой. Она, так же как и я, была уже в свежей одежде. Вещи были лишь немного велики, рыжая копна мокрых волос аккуратно зачесана назад. Я приветливо улыбнулся (за последний неполный день я только и делаю, что улыбаюсь), родня ответила на улыбку. Она все еще вела себя робко, но аура загнанного зверька рассеялась.

— Может чая, Анджела? — я подошел к шкафчику, доставая пачку элитной заварки.

— Энджи, — тихо поправила меня девочка и уселась за стол. — И да, спасибо. Я с удовольствием.

— Хоть Анджела, хоть Энджи, ангел он и есть ангел, — я пожал плечами и включил чайник, засыпая сухие листья в заварник.

— Мне просто так привычнее. Анджелой меня зовут только в школе, — я стоял к ней спиной и не видел, чем занималась моя родственница, но *слышал* легкий шорох волос. Должно быть, она поправляла выпавшую прядь.

— Это в той самой, элитной и безумно дорогой? — чайник вскипел и я перелил кипяток в заварник.

— Да, именно.

— В ней еще строгие воспитатели, похожие на ведьм из старых фильмов?

За спиной раздался легкий смешок. Неплохо. Такими темпами, я смогу с ней общаться без опасения, что она будет шарахаться в сторону от каждого моего жеста.

— Вы друг папы? — через некоторое время поинтересовалась Энджи.

— Хм. Можно и так сказать, — я переставил на стол заварник с кружками. — Ты что-нибудь знаешь о том, что случилось с твоим отцом?

— Нет, — печально проговорила Энджи. — Я видела его довольно давно, он часто отсутствовал по работе. Мы всегда связывались по телефону или скайпу.

— А что по поводу твоих ссадин и письма? — я прислонился к столу, сложив руки на груди.

— Папа давно мне его уже передал, я просто носила его с собой. Он сказал, чтобы я нашла Энди Моррисона, если я не смогу с ним связаться или случится что-то странное.

Интересно, как давно у одного из Охотников был мой домашний адрес? Надеюсь, остальные из его братии не обладают столь ценными и опасными знаниями.

— И это странное произошло?

Энджи кивнула, не поднимая на меня взгляда.

— Что случилось?

— Я встретила странных людей и...

Девочка резко замолчала и уставилась на заварник. Я проследил за ее взглядом. На металлической поверхности отражалась часть кухни, включая и нас с ней. Вот только для нее меня там не было. *Mo chreach!*

— Не обращай внимание, — попытался объяснить я. — Это просто игра света.

В следующую секунду в меня полетел этот чертов заварник, окатывая меня кипятком. Бессмертие бессмертием, но ожоги это всегда больно.

Я дико взвыл, закрываясь от атаки и взывая к *силе*. Я стоял весь мокрый, в разбухших листьях чая и с заживающими ожогами на руках. На Энджи я смотрел алыми глазами.

Прямо на меня было направлено лезвие одного из моих ножей. Японская сталь, между прочим. Из такой катаны в прошлом ковали.

— Энджи, — начал было я, делая шаг по направлению к Анджеле, но был остановлен уверенным, сильным голосом своей родственницы.

Интересно, куда делась та милая, робкая девчушка?

— Стой, Бастардова кровь!

И знаете что? Я замер на месте. Потому что человек, который понятия не должен был иметь о существовании нашего мира, только что назвал меня именем, что было дано всем вампирам Охотниками.

Я стоял как вкопанный, пытаюсь понять, что только что произошло. Как ситуация стала такой? И Аллан, и Вероника утверждали, что Энджи не знала о мире тьмы. Но судя по реакции девочки, все она прекрасно знала. И поверьте моему опыту — соображала она быстрее многих. Не каждый Охотник видел во мне нежить, а тут какая-то девчонка. Что-то мне везет на гениальных недоучек. То Дункан со своими смертоносными игрушками, теперь Энджи. Да уж. Однако одаренное поколение пошло. Зря на него сетуют седые старики.

Следовало что-то делать. Но что? Будь она обычным человеком, то давно бы уже лежала с разорванной глоткой. Но она не просто человек. Она моя плоть и кровь. Фигурально выражаясь. А я ни при каких обстоятельствах не мог даже помыслить причинить ей вред.

Оставалось только гнуть свою линию.

— Я не понимаю о чем ты, — я держал руки впереди себя, стараясь приблизиться к девчонке, но она не сводила с меня своих испуганных глаз.

Хм. А ведь она меня боялась. Не нужно было даже прибегать к своим силам, чтобы почувствовать ее страх, сильнейшей волной окутывающий меня с ног до головы, словно бушующие воды бьющиеся о прибрежные скалы. Но страх не мешал ей быть уверенной в своих силах. Руки, державшие нож, не дрожали. Кинься я сейчас на нее — получил бы не шуточный отпор.

Двойное чувство. С одной стороны, на меня наставили оружие, что не есть хорошо. С другой стороны, это моя родня и она не боялась чудовища, коим я и являлся.

То ли гордиться, то ли расстраиваться. Ладно, потом решу. Когда закончу со всем этим.

— Послушай, это все недоразумение, — еще один шагок к цели и в мою голову полетел нож. Инстинктивно я прибег к скольжению, отклоняясь в сторону.

Я переместился на пару футов ближе к Энджи, а за моей спиной в стену вонзился остро заточенный нож. Хм. Хорошая сталь. Жаль только подставка с этой самой сталью стояла около моей родни.

Анджела успела схватить еще один нож — тесак — и направила его на меня. Ну да. После такого, тяжело будет упираться.

— Хорошо, я вампир, — я скрестил руки на груди, опираясь на столешницу за спиной. — Довольна?

— Очень.

А у Энджи сильные руки. Натренированные. Тесак вроде и не метательный нож, а все равно неплохо так проскользил мимо моей головы. Ну хоть в стену не вонзился.

— Я не причиню тебе вреда! — еще один нож из набора. — Хватит швыряться моими ножами!

— Обязательно, — эта соплячка схватила четвертый нож и не задумываясь запустила в меня.

Зачем я только послушал Рэйчел и купил набор из шести ножей? Нет чтобы один, но хороший. Тогда бы и снаряды давно уже кончились.

С каждым ее броском я перемещался на пару футов ближе к ней, но и она отступала в сторону на такое же расстояние. Мы устроили вокруг стола что-то вроде ритуальных танцев. Удивительно, но при всем при этом, Анджела умудрилась подхватить свой рюкзак и теперь

он висел у нее на левой руке.

Девчонка схватилась за пятый нож, но я не стал дожидаться броска и скользнул дальше. Стоило мне появиться на новой точке, как в левом боку обожгло. Анджеला тоже не стала запускать нож в пустоту. Просчитав мою траекторию, она кинула на опережение и попала в цель. Первая кровь пущена. Моя и не мною. Пора с этим кончать.

Скользнув к юной Моррисон, я перехватил ее поперек тела в тот момент, когда последний, самый маленький, нож оказался у нее в руке.

— Успокойся! — я не стал применять силу, боясь случайно сломать ребенку что-нибудь, так что Анджеला продолжала вырываться.

Извернувшись, она вонзила лезвие мне в правую ногу, проворачивая его. Этого было достаточно, чтобы я ослабил хват. Анджеला освободила руки и полезла в рюкзак. Через несколько секунд она развернулась ко мне, держа на вытянутой руке открытую пудреницу.

Девчонка легонько дунула, распыляя содержимое коробочки в мою сторону.

И чего она хотела этим добиться? Испугать меня?

Стоило пудре коснуться моего лица, кожу стало жечь, словно меня окатило серной кислотой.

Освященное серебро! Мо chreach!

Каким бы крутым вампиром я не был, освященное серебро было для меня весьма и весьма опасным веществом. Кожа буквально горела, разъедаясь, оголяя мясо, мышцы и кости. Ничем не защищенные глаза кипели, угрожая вытечь. Я схватился за лицо, пытаюсь стряхнуть смертоносную пыль. Ожоги на руках я еще мог вынести, но не на лице. Я воззвал к силе, пытаюсь восстанавливаться и остаться на грани сознания. Сквозь кровавую пелену я успел заметить, что Анджеला удобнее перехватывает свой рюкзак, готовясь ударить.

Что она еще задумала?

Рюкзак со всеми школьными принадлежностями и учебниками ударил точно в...

Мо peileireach!

Задохнувшись, я опустился на колени, еле держа себя в здравом уме, хотя так хотелось погрузиться в спасительную темноту. На периферии зрения мелькнули ноги в джинсах на размер больше и ножки барного стула. Звук треснувшей об меня древесины, был последним, что я помнил.

Когда я пришел в себя, утро за окном уже было в полном разгаре. И дело было даже не в звуках, что окружали меня со всех сторон, врываясь в мое покоренное сознание. Нет. Приход утра я ощущал на инстинктивном, зверином уровне. Как животные прячутся, ощущая приближающиеся природные катастрофы, так и мне хотелось скрыться куда подальше, поглубже и потемнее.

Кожу продолжало жечь, но уже не так сильно. Попытавшись пошевелиться я осознал, что не особо чувствую свои конечности. Я ощущал боль в тех местах, куда попала пудра, в левом боку от прошедшего лезвия. А про правую ногу, из которой продолжал торчать провернутый нож, и вообще не стоило говорить. Но самих конечностей — нет. Я не мог пошевелить ни рукой ни ногой.

Пересиливая сам себя, я смог наклонить голову достаточно, чтобы понять, что продолжаю лежать на кухне спиной на полу, а из моего сердца торчит обломок табурета.

Шикарно. Просто нет слов. Моя новоявленная родственница не придумала ничего лучше, чем попытаться убить меня. И у нее это вполне могло получиться, будь я заурядным

вампиром. Откуда у нее вообще такие познания и навыки? Спрошу у нее, когда найду. Если не убью раньше.

Обращаться к силе было болезненно, но необходимо. Вас когда-нибудь бросали в бассейн с кипятком, предварительно сломав все кости в организме, и заставляли плыть? Если нет, то вы понятия не имеет, что я сейчас испытывал.

Я боролся, и моим врагом был я сам, моя нервная система. Самодельный кол не убил, но парализовал. И лишь тот факт, что я недавно кормился, позволил мне повернуть все эти фокусы.

Я поднимал правую руку, но вес ее был в тысячу раз больше привычного. Она падала вниз, не желая мне подчиняться, но я не оставлял попыток. Я не ощущал окружающего времени, но по привычным звукам с улицы понял, что потратил больше получаса для того, чтобы коснуться скрюченными пальцами гладкой древесины. Зацепившись ногтями за древко, я попытался раскрыть ладонь и ухватиться за проклятую деревяшку. Каждый пройденный дюйм обходился мне движением кола в моем сердце. Я боялся, что от испытываемой боли сотру челюсть до самых десен. Наконец, едва не провалившись в беспамятство, я смог схватиться за ножку. Пол дела сделано.

Оставалось самое сложное — вытащить кол.

Глубоко дыша, собирая в кулак все свое мужество, я дернул древесину в сторону, прибегая к остаткам силы. Окровавленная ножка отлетела к стене, а я взвыл на такой частоте, что стекла в моей квартире задрожали, а соседские собаки испуганно завывали.

Отдышавшись и вновь ощутив все свое тело, я смог вытащить из ноги нож, воткнув его рядом, представляя на месте деревянного пола худое тельце Анджелы. Я был в гневе и жажда мести затмевала мне сознание. Лишь упадок сил спас мою родственницу от неминуемой расправы.

Перевернувшись на живот я смог доползти до дивана и стащить на себя плед. На большее меня не хватило. Закрыв глаза, я попытался восстановить дыхание и хоть какие-то крупинцы сил.

Не верьте тем придуркам, что утверждают, будто от голода вампиры впадают в спячку. Не возможно спать сотни лет, когда в голове стучит лишь одна мысль — убить. Чем крепче наш голод, тем сильнее над нашим разумом преобладают животные инстинкты, заставляющие забыть об осторожности и выходить на кровавую охоту.

Не спал и я.

Провалявшись в полудреме несколько часов, я был поднят голодом, гнавшим меня на залитую солнцем улицу ради капли крови.

Сил хватило, чтобы подняться и добраться до спальни, где я оставил свои вещи. Моих мозгов хватило, чтобы накинуть на себя грязный плащ, что мог скрыть меня от прямых солнечных лучей. Я был словно под дурманом, тело не слушалось меня, движения были резкими и неуверенными. Покинуть квартиру я решил через дверь — высовываться из окна было чистой воды самоубийство. В таком состоянии я бы остался валяться на земле и умер меньше чем за пару минут.

Уходя, я мельком глянул на себя в зеркало. Может люди нас и не замечали в отражениях, но вот мы себя видели более, чем четко. Сейчас я не отличался от киношных вурдалаков — облезлая кожа на лице, красные глаза с кровавыми слезами, открытые раны на теле. Не хватало только кроличьих клыков, как из фильмов семидесятых годов.

Я присмотрелся к груди. Забавно. Своеобразный кол Анджелы угодил точно в центр

прайдовского символа, разворотив цифру до неузнаваемости. Внутри рана зажила достаточно, чтобы дыра в сердце не просвечивала насквозь, но до полного восстановления было еще далеко. Для этого требовались время и кровь. Много крови.

Полагаясь на остаток своих сил, я прислушивался к каждому шороху в доме, медленно спускаясь на первый этаж. Судя по ощущениям, в здание оставалось не так уж и много людей — молодая мать с ребенком трех лет в левом крыле(его ор часто доставлял мне дискомфорт), да пожилая пара на втором этаже прямо подо мной(в их случае именно я был источником дискомфорта).

Накинув на голову плащ, я вышел на улицу. Яркий свет тут же ударил мне по глазам, заставив оскалиться и инстинктивно отступить назад. Сейчас во мне боролся инстинкт самосохранения и голод.

Голод победил.

Медленно ступая по ступеням, я спустился на тротуар. Голую кожу босых ног жгло. Я оставлял на цементе небольшие частички плоти, что тут же испарялись под натиском дневного светила. Мне еще везло, что от меня не шел дым. Хорошо, что сейчас все же начало ноября и солнце особо не грело, оставляя малую надежду на удачное завершение моего рейда.

Ступая вдоль стен зданий, прячась в куцых тенях голых деревьев, я смог добраться до забегаловки по соседству, приютившись у задней двери между мусорных баков. Теперь оставалось только ждать и даже на грани голодного безумства я мог ждать часами. У меня не было нескольких недель для выбора одной цели из сотни тысяч других, для выслеживания ее, подготовки, доведения до кондиции. Мне требовался сейчас фаст-фуд, а не утка по-пекински.

Мои клыки чесались, моля о теплой плоти, в которую они могли вонзиться без промедления. Зуд в горле и груди требовал сладкой крови, что разольется по моему телу, возвращая ему былое величие и превосходство. Охотник внутри меня жаждал действия, но он же и удерживал меня от необдуманных поступков. Атакуй я первого попавшегося прохожего и мне было не выжить. Сейчас я ничем не отличался от проходящих мимо людей. Выбери я кого-то не того и бой был бы проигран.

Кроме того, своим поведением я раскрыл бы тайну, что скрывали тысячи лет.

И потому я ждал, вжавшись спиной в покореженные стенки металлических баков, высматривая свой обед. Люди видели меня и отворачивались, брезгливо морщась. Еще бы. Сейчас я был одним из многих бездомных, коими полны улицы любого из крупных городов нашей страны, да и любого в мире. Как бы не процветало государство, всегда найдутся те, кто смог найти путь на самое дно человеческой жизни. И эта роль мне сейчас подходила лучше всего. Как бы не был противен людям мой вид, они не видели во мне угрозы. По крайней мере настоящей угрозы, а не выдуманной ими.

В своей новой роли я дождался полудня, когда тень сходит на нет, а люди спешат на обеды и знал, что скоро еда перепадет и мне. Так и случилось.

Моим жертвенным агнцем стал местный бездомный-попрошайка. Видя во мне брата по несчастью, он дружелюбно кивнул, пристраиваясь у одного из баков, в поисках остатков. По его заросшему щетиной и волосами лицу нельзя было определить ни возраст ни национальность, а от многослойной одежды на несколько размеров больше пахло нечистотами, мочой и протухшей пищей.

Идеально для меня.

В привычных условиях я не опустил бы до уровня уличных отбросов, но сейчас я был не в том положении, чтобы воротить нос. Тем более, я был точно уверен, что его не бросятся искать. Такие как он никому не нужны — ни обществу, что воротит нос от мерзкого запаха, ни государству, что улыбаясь на камеру обещает светлое будущее, ни самим себе, вечно ноющим о несправедливости жизни, обвиняя в своих проблемах всех, кроме себя, даже не пытаясь что-то исправить. Поверьте моему опыту — если ты чего-то на самом деле хочешь, ты этого добьешься, какие бы преграды Судьба не ставила на твоём пути. Я трехсотлетний мертвец зарабатывающий в год по несколько десятков миллионов долларов. По моему, отличное подтверждение моих слов.

Тем временем бездомный что-то отрыл в мусорном баке и уселся рядом со мной, предлагая недоеденный сандвич. Я отрицательно покачал головой, еще сильнее укутываясь в свой плащ, не желая спугнуть добычу раньше времени. Солнце жгло, но я терпел эту боль, зная, что еще несколько минут и все закончится как для меня, так и для мужчины рядом.

Хищник внутри меня рвался наружу. Следовало действовать, иначе я мог окончательно потерять контроль над собственным телом.

Я попытался подняться для виду и тяжело закашляв, повалился на землю.

— Эй! Приятель, что с тобой?! — была у бездомных одна интересная черта — они реже других бросали людей на произвол судьбы.

Таким был и этот.

Он наклонился надо мною, обдавая своим зловонным дыханием, которому позавидовали бы порождения самых ужасных мест Тьмы и Преисподней. Я ухватился за ворот его потрепанного пальто словно пытался что-то сказать. Бедолага наклонился ближе, столь услужливо подставив свою незащищенную шею. Я видел каждую деталь открывшейся мне плоти — темные пятна от вьёвшейся грязи, царапины и ссадины от нелегкой уличной жизни, вздувшиеся от напряжения вены.

В них то я и нацелился.

Одно легкое усилие и клыки острым лезвием вошли в податливую плоть ничего не понимающего человека. Бездомный попытался вырваться, но первые капли живительной влаги уже успели коснуться моего естества, пробуждая скрытые силы. Я мертвой хваткой вцепился в свою добычу, не позволяя тому не вскрикнуть, не вырваться. Со стороны мы напоминали двух пьяниц, свалившихся под натиском хмеля. Хотя именно пьяным я себя и ощущал. Кровь была не самого лучшего качества — горькая, приторная, терпкая. Та еще гадость, но на безрыбье и рак рыба. Я как эстет, что всю жизнь пил изысканные вина, а ему пришлось залпом осушить бутылку самогона. Но «самогон» сделал свое дело. По мере того, как чужая кровь заполняла меня, разбегаясь по телу, раны стали заживать, откликнувшись на природную регенерацию вампиров. Я чувствовал, как слой за слоем восстанавливалась кожа на лице, как стягивались края ран на груди и ноге, не оставляя после себя даже маломальского шрама.

Спустя пару минут я был полон сил, а на руках у меня покоился труп бездомного. Обычно наше племя не убивало людей, чтобы не оставлять улику своего существования, но в этот раз я не мог поступить иначе. Более того, я убил бедолагу дважды. Первый раз осушив, второй — вырвав сердце и свернув шею. Сам факт того, что человека убил вампир, испивший его крови до последней капли, осквернял труп, обрекая его на судьбу восставшего мертвеца. А это было не в моих интересах. Не желал оставлять после себя бездумного Дельту.

Труп истлел, оставив после себя горсть грязных лохмотьев.

Позаимствовав в этой груде тряпья относительно чистый шарф, я обмотал им голову и поспешил к себе, наплевав на солнце. Быстро поднявшись в квартиру, я избавился от всех вещей и принял душ. Закончив смывать с себя следы крови и запах своей недавней жертвы, я вышел из ванной и взяв с тумбочки телефон, нажал кнопку быстрого набора. На экране загорелась надпись «Зубоскал». Трубку взяли после первого же гудка.

— Сюда. Немедленно. Нужна твоя помощь, — проговорил я в тишину по ту сторону и сбросил.

Впереди меня ожидали поиски Анджелы и к ним нужно было подготовиться. В первую очередь психологически. Я все еще жаждал крови своей родственницы.

Я заканчивал шнуровать берцы, когда во входную дверь поскребли. Обувшись, я подошел к ней и открыл, пропуская в квартиру своего постояльца. Практически трех футов в холке, с сильным и подтянутым телом, покрытым густым буро-коричневым мехом ко мне вошел волк. Вы не ослышались. Именно *canis lupus*. В реалиях современной жизни окружающие воспринимали его за крупного пса, игнорируя даже самую мысль, что в городе может жить самый настоящий волк. Хотя дорогуший ошейник из элитной кожи и золотой гравировкой «Зубоскал» мало напоминали составляющие дикого хищника. Да и серьги-гвозди в ушах смотрелись по пижонски.

Зубоскал остановился недалеко от меня, повел носом и несколько раз чихнул. Зверь подошел к лежащему неподалеку шарфу покойного бездомного и брезгливо отшвырнул его в сторону передней лапой и многозначительно посмотрел на меня своими голубыми глазами.

— Потом поговорим, — я закрыл дверь и подойдя к дивану, взял в руки плед. — Мне нужно кое-кого найти. Ищи.

Я протянул плед волку, но тот лишь фыркнул, усевшись на свою лохматую задницу. Мне некогда было играть в его игры. Свободной рукой я перехватил пасть хищника и сдавил достаточно сильно, чтобы Зубоскал заскулил.

— Слушай сюда, блохастый придурок, — я говорил медленно, выделяя каждое слово и волк знал, что это могло сулить ему большие неприятности. — Мне нужен твой нюх и ты мне его одолжишь. Иначе я пушу тебя на подклад для куртки. Ясно?

Зубоскал кивнул и я разжал хват. Зверь подобрался, скидывая с себя налет беспечности. Мокрый нос ткнулся в плед, улавливая самые тонкие из запахов. Через несколько минут зверь вопросительно глянул на меня и я прекрасно понимал причину его удивления. Запах Анджелы был другим, но аромат нашей крови был немного схож и Зубоскал это понял.

— Давай-давай, Скуби-Ду, вперед, — волк возвел глаза к потолку и покачал головой, но подошел к двери.

Я открыл хищнику дверь и мы покинули мою квартиру. Как только мы спустились на улицу, я накинул на голову свой шарф-капюшон, нацепил очки Дункана, а к ошейнику Зубоскала прикрепил заранее подготовленный поводок. Все таки днем столь крупный пес без присмотра привлекал нежелательное внимание.

Погода нам благоволила. Если утром во время моей охоты светило яркое солнце, растопившее весь ночной осадок, то сейчас небо было вновь затянуто грозowymi тучами, угрожающими разверзнуться в любую минуту. Нам явно пока везло. Если бы золотая звезда продолжала свое царствование, то мне пришлось бы дожидаться потемок, прежде чем

выходить на поиски Анджелы. Непогода подарила нам несколько драгоценных часов.

Волк вел меня вниз по улицам ориентируясь на свой нюх, я же прибег к своим силам, всматриваясь, прислушиваясь, ощущая. Я был живым радаром, пытающимся из кучи информационного мусора вычленив нужную мне информацию. Из сотен живых сердец, чей стук был для меня какофонией перестуков, я желал уловить мелодию одного единственного сердца.

Если вам кажется, что все сердца бьются одинаковы, то вы глухи, как пробка. Каждый стук уникален. Это как отпечатки пальцев — не может быть двух одинаковых. Пусть на йоту, но все они различны. Сила удара, тембр, ритм, мелодика. Сердца это не просто перегонные моторы для крови, нет. Это тонкие инструменты со своей уникальной мелодией, частотой, звучанием. Сущие мелочи заставляют сердце меняться, но ничто не может стереть неповторимую музыку каждого отдельно взятого инструмента.

И сейчас я слышал настоящий оркестр, состоящий из детских сердец-бубенцов, ярко звучащих «тарелок» влюбленных, приглушенных бас-барабанов пожилых. Перебивали их и звуки животных сердец, но я легко отсекал ненужное, концентрируясь лишь на «музыке людей».

Мы шли по хорошо знакомой мне Норд Пенсильвания стрит, огибая спешащих по делам людей. Многие шарахались в сторону при виде Зубоскала, но замечая в чьих руках его поводок, как-то успокаивались. Видимо верили, что я в силах удержать на привязи своего «питомца». Наивные. Изъяви волк желание вырваться на самом деле, то его не смог бы остановить даже я. Их вид тысячи лет противостоял таким как я, то воюя с нами, то оберегая наш покой, так что как обращаться с вампиром он знал. Лишь тот факт, что идущий впереди меня зверь был не чисторожденным, позволяло мне контролировать его. Плюс ко всему, у него передо мной был долг жизни, а с таким хочешь не хочешь, но будешь вести себя доброжелательно.

Впереди показалась молодая девушка в дорогих шмотках от брендовых производителей и с белым обстриженным пуделем на розовом поводке. Зубоскал оторвал морду от тротуара и приветливо завилял хвостом, издав звук очень отдаленно напоминающий тьяканье. Стриженное белое чудо дернулось в сторону, врезавшись в стройные ноги своей хозяйки, испуганно завизжав. Мой поводырь обреченно вздохнул и обошел испуганную парочку стороной.

— Не заставляй меня думать о тебе хуже, чем есть, — я глянул через плечо и усмехнулся. — Ты вообще в курсе, что он кобель?

Зубоскал резко затормозил и с широко раскрытыми глазами глянул на пуделя мечущего одно из деревьев, высоко задрав заднюю лапу. Волк тихо заскулил, понуро продолжив свой путь.

— Ты прав, кругом обман, — посочувствовал я приятелю. — Но почему ты вообще засматриваешься на собак? Тебе мало твоих ежемесячных вылазок по ночным клубам?

Зверь собирался продемонстрировать свое недовольство, но был остановлен потоком ветра, что ударил его прямо в морду. Зубоскал втянул воздух и на перекрестке свернул на Ист Джорджия стрит, уводя меня в сторону кафешек и магазинчиков, расположенных на первых этажах местных зданий. Я уже было подумал, что моя родственница провела утро в одной из забегаловок, но Зубоскал вновь сменил направление, устремившись к зданию из красного кирпича и часовой башней, скорее напоминающему кафедральный собор или церковь, нежели полицейский участок.

— Интересненько, — я ощущал присутствие своей родни в полицейском участке. Стук ее сердца изысканной мелодией пробивался в мое сознание.

Я удобнее перехватил поводок и наклонился к Зубоскалу, потрепав его за ухом.

— Вперед, Лесси.

Зубоскал подобрался, выпятив вперед массивную грудь и уверенно направился к дверям. Я же слегка задрал голову вверх, словно пытаюсь услышать что-то, что никому другому не слышно. Хотя в моем случае так оно и было. Я знал где находилась Анджела и шел прямо к цели.

Мы вошли в здание, но даже внутри участка не привлекали особого внимания. Каждый коп был занят своей работой: разбирали завершённые дела, кто-то записывал показания обдолбанного нарика, успокаивали стержовных проституток, большинство сидело на телефонах или за компами в поисках нужной информации для того или иного дела. Мы на этом празднике жизни были не более, чем фанеркой на заднем фоне.

Ничего. Это временно.

Волк сел у моих ног, я же стал водить свободной рукой впереди себя, ощупывая воздух. Да, я косил под слепого. Но согласитесь, при моей внешности тяжело внушать доверие, а если я слеп, то никто ничего не заподозрит. Спустя пару минут ко мне направился молодой парень, не старше двадцати лет. Судя по лычкам — сержант.

— Простите, Вам помочь? — офицер оглядел меня с профессиональной внимательностью, но татуированный здоровяк в коже с волком на поводке не показались ему такими уж опасными. Люди. Никогда не смогу их понять. И плевать, что я тоже когда то был человеком. Я и себя зачастую не могу понять, так что все честно.

— Не подскажите, где я? — если играть роль, то до последнего.

— Вы в полицейском участке, сер.

Я тяжело вздохнул и покачал головой.

— Понимаете, офицер..., — я многозначительно промолчал.

— Райн, — услужливо подсказал сержантик.

— Офицер Райн, у меня пропала племянница. Хотя как пропала. Ее родители покинули город и оставили ее мне на попечение, но у нас состоялась сора и она убежала. Я постарался тут же ее нагнать, но как понимаете, не в моем состоянии соревноваться с юной девушкой, — я как бы невзначай снял очки и уставился на парня. Щепотка внушения и вместо алых зрачков офицер увидел глаза, затянутые серой поволокой.

— Да, я Вас понимаю, — Райн отвернулся, не желая лицезреть моей обманки.

— Если бы не моя малышка Бетти, — я похлопал Зубоскала по голове и ощутил идущий от него гнев, но лишь мысленно усмехнулся, — то я бы даже не знал, где ее искать. Она привела меня сюда, доверившись своему обонянию. Возможно она у Вас или была тут? Офицер Райн?

— Да, конечно, — парень оторвался от созерцания «малышки Бетти». На его лице читалось изумление и непонимание. Ну да. Не каждый день можно встретить придурка, назвавшего International Mask «жучком».

Офицер Райн подошел к компьютеру и забегал по клавиатуре.

— Не скажите ее примет? Ох, прости...

— Пятнадцать лет. Не высокая. Рыжая. Угловатая. В джинсах и футболке на размер больше, — Райн смотрел на меня с открытым ртом. — Я не всегда был слепым, офицер.

Ага, минут пятнадцать назад стал.

— Так вы проверите? — я улыбнулся, отправляя в парня заряд внушения. Не хотелось и дальше тянуть время.

— Да-да, конечно, — пальцы вновь застучали по клавишам. — Да, утром патрульные нашли девочку, подходящую под Ваше описание. Она была сильно напугана и вела себя немного странно. Отказалась называть свое имя. Ей дали успокоительного и поместили в комнату отдыха. По нашим данным, она все еще в участке.

— Это должно быть моя племянница, — это точно была она. Я знал, что она сидела в соседней комнате. — Я могу ее забрать?

— Эм, простите, а Вы можете как-то доказать, что это именно она?

Вот не вовремя он решил включить паранойю.

— Да. У нее на спине старый ожог. Несчастный случай в детстве, — я попытался говорить как можно спокойнее, но недовольство просочилось сквозь мою маску, заставив офицера шевелиться быстрее.

Райн ушел за Анджелой, я же обратился к волку:

— Свободен, — я отпустил поводок и Зубоскал взял его в пасть. — С меня изысканное мясо.

Волк кивнул и покинул полицейский участок. Я же призвал силу, обволакивая внушением весь участок. Я не был мастером подобных фокусов и не любил их, но нужно было немного подправить восприятие окружающих. Я не мог стереть им память, но вот сменить свой образ в их головах вполне мог попробовать. Теперь все находящиеся в здании были уверены, что давно меня знают как частного детектива.

Всегда мечтал стать детективом. Даже пытался их писать. К сожалению, жанр оказался не мой.

Когда я закончил обрабатывать сознание окружающих, ко мне вышел Райн, держащий за локоть мою родню. Анджела была уставшая и явно не выпавшаяся. Я не собирался ей сочувствовать. Несколько часов назад я испытывал куда больший дискомфорт.

— Вот ее вещи, детектив, — Райн протянул мне рюкзак Энджи. Да, его я тоже успел обработать. Я кивнул, закидывая сумку на плечо и улыбнулся своей родне. А на нее я внушение не накладывал, так что она прекрасно помнила кто и что я. Но судя по отстраненному выражению на лице — успокоительное было качественное. Ну хоть проблем на обратном пути не будет.

— Спасибо, офицер.

Я взял Анджелу за руку и преспокойно вышел на улицу. Погода стояла прекрасная — небо все таки решило напомнить, что сейчас не лето и обрушить на город немного мокрого снега.

Я сделал пару шагов в сторону своего района, а Анджела безвольной куклой повисла у меня на руках. Мда. Отсутствие сопротивления это, конечно, хорошо, но марионетка на руках не ускорит моего передвижения, а лишь создаст дополнительные проблемы. С этим надо было что-то решать.

Не долго думая, я отволок племянницу в ближайший закоулок и толкнув в стену, применил на Анджеле внушение. Всего несколько секунд и вместо пустых глаз на меня взирают полные непонимания и страха, что тут же сменились решимостью. Как только девчонка сфокусировалась на мне, то попыталась повторить трюк с ударом в пах, но была тут же мною остановлена. Молодец. Пришла в себя.

— Успокойся! — я не стал использовать силу, чтобы окончательно не испортить разум

родственницы, но вот свой гнев я не особо сдерживал. Анджела перестала сопротивляться, стоило лишь моим клыкам появиться в паре дюймах от ее лица. — Я не причиню тебе вреда.

— Не убедительно, — голос Энджи на секунду дрогнул, но девочка смогла взять себя в руки.

В чем-то она была права. Я действительно не выглядел как существо, не собирающееся причинять вреда. Я легко удерживал правой рукой оба ее запястья, что были заведены высоко над головой, а коленом блокировал любые действия ее ног. Со стороны я больше всего походил на какого-нибудь педофила, схватившего свою жертву. Да уж. Двоякая ситуация.

— Послушай, я и вправду не хочу...

— Что у вас тут происходит?

Энджи и я обернулись на голос. Она с надеждой, я с раздражением. На выходе из закоулка, ведущего не в самый спокойный район, показалось трое парней. Лет двадцати, может чуть старше. Драная одежда, вызывающие прически, куча железа и стойкий запах неприятностей. В одном из них я признал обдолбыша из участка. Он то с нами и заговорил.

— Пожалуйста, помогите! — Анджела вырвалась из моих рук и бросилась в объятья уличной шпаны.

Серьезно? Неужели эти три недомерка внушают больше доверия, нежели я? Будь я на ее месте, то выбрал бы знакомое зло в лице вампира, нежели незнакомое, в рожах этих Trusdar.

— Идите куда шли, — еще разборок с местной фауной мне не хватало.

Анджела подбежала к своим, так называемым, «спасителям» и остановилась в опасной близости около наркомана. Двое других вышли чуть вперед, мерзко улыбаясь.

— Уйдем, — усмехнулся обдолбышь, — вот все вместе и уйдем. Правда, киска?

Этот Blaignard схватил Энджи за руки и прижал к себе. Вот теперь моя племянница поняла, что выбрала не лучший из вариантов. Она заметалась в объятьях парня, но шпаненок крепко держал ее одной рукой, а второй зажимал рот.

— Видишь? — продолжал смертник. — Она не хочет быть с тобой.

— Отпусти ее, — как назло ветер отогнал тучи, и теперь я стоял, пусть и под слабыми, но лучами солнца. Применять силу было не с руки. Я и так тратил достаточно усилий на постоянное поддержание регенерации.

Эта мразь полезла рукой под футболку Энджи, а двое его подручных достали кастет и «бабочку». Гнев кипел во мне, набирая невиданные обороты. Да, я сам еще минуту назад желал растерзать девчонку за принесенный мне ущерб. Но это было на уровне наказать ребенка за дорогую разбитую вазу. А эти... Этих я желал растерзать на мелкие куски и плевать на закон Омеги и прочие договоренности. Они посягнули на мою кровь и кровью же должны были и расплатиться.

— Кто ты ей? Муж? Любовник? — кривая улыбка на одурманенном лице.

— Дядя, — шпана рассмеялась, а вот в глазах девочки отразился шок. Она поняла, что я говорю чистую правду. Ну да, не каждый день ты узнаешь, что твоей родней является один из вампиров.

Ветер вновь сменился, и тучи заняли удобную для меня позицию, осыпая наши головы мокрым снегом. Я улыбнулся, поднимая очки на лоб и призывая утешение. Волна дикого, животного ужаса коснулась двух недомерков с оружием. В их сознании мой образ сменил самым жутким из того, что только могла придумать их нездоровая фантазия. Парни задрожали, как кучки железной массы. Они наконец поняли, что настоящим хищником был

я, они же стали моей добычей. И добыча не желала попасться мне на клыки.

Trusdar побросали свое оружие и рванули прочь из закоулка. Лишь наррик остался стоять, вертя головой и не понимая, что происходит. Его мозг настолько пропитался ядовитым дурманом, что даже моя сила не могла повлиять на него. Когда недомерок вновь повернул голову в мою сторону, я уже был возле него, применив скольжение. Он не успел ничего сделать, когда я сломал обе его руки, освобождая мою родню. Энджи тут же отбежала в сторону, присев у стены и вжавшись в ее каменную поверхность. Я же схватил орущего придурка за горло, подняв над землей, и сдавил его гортань, перекрывая дыхание. Пара конвульсий и безвольный труп отброшен в кучу мусора неподалеку. Даже если его найдут, никто не кинется меня искать. Базы данных по отпечаткам пальцев нежити у полиции не было.

Отряхнув руки я повернулся к Анджеле. Девочка дрожала и еле сдерживала слезы. Я убил человека прямо у нее на глазах и как бы она не храбрилась, такое тяжело перенести подростку.

Мирнолюбиво улыбнувшись, я протянул ей руку.

— Пойдем, — во мне не осталось даже намек на былые эмоции. Я был спокоен как насытившейся удав. Мой гнев нашел цель для выхода и испарился, как утренний туман. — Я действительно не желаю тебе зла. По крайней мере — теперь.

Анджела лишь сильнее отстранилась от меня. Как же тяжело с женщинами, особенно испуганными.

Я присел на корточки, чтобы казаться визуально меньше, а значит не таким опасным. Более того. Если бы она сейчас решила вновь атаковать меня, то у нее это вышло бы без проблем. И мы оба это понимали.

— Ну а теперь ты мне веришь?

Пара минут раздумий и Анджела неуверенно взяла меня за руку, доверив свою жизнь бессмертному чудовищу.

— Вперед, — я распахнул входную дверь перед Энджи и та без колебаний прошла внутрь. Хорошо, что она не стала проявлять свой характер. Сейчас это могло для нее плохо кончиться. Я еще не достаточно простил ее за кусок древесины в сердце, чтобы спокойно перенести еще один взрыв ее характера.

Девочка заняла диван, на котором спала несколько часов назад. Я же уселся на соседний, бросив рядом с собой рюкзак не задавшейся убийцы. Между мной и девочкой оставалось приличное расстояние, чтобы мы оба чувствовали себя достаточно комфортно. В глазах друг друга мы сейчас были не более чем предполагаемыми убийцами и ни один не хотел провоцировать другого.

Я молчал. Молчала и Энджи.

Девчонка сидела вся подобрившись, от напряжения ее тонкие пальцы впились в обивку дивана, угрожающе растягивая материал. Не ровен час она мне и его продырявит.

Глаза Анджелы, переполненные чувством страха и решимости, бегали по сторонам, словно моя племянница задалась целью запомнить все до последней детали. Не укрылись от ее взгляда и кровавые разводы на полу и груды порванной одежды. Анджела непроизвольно скосила взгляд в сторону кухни и мельком взглянула на меня исподлобья, тут же направляя взгляд на журнальный столик, разделяющий нас.

Готов поспорить, что в ее голове кружились мысли о недавних событиях. Не удивлюсь, если сейчас в ее рыжей макушке анализируются все возможные недочеты предыдущей атаки и формируется план для следующей.

Но я не собирался давать ей еще одной возможности. Вторую стычку могли не пережить мы оба.

— Поговорим? — прервал я наконец это затянувшееся молчание. Нам нужно было многое обсудить, а времени было мало. За последние сутки я потратил слишком много сил, да еще и проворачивал все эти фокусы под лучами солнца. Не самая лучшая практика. Мне требовался полноценный отдых. И судя по Анджеле — ей тоже.

Энджи вжалась в спинку дивана, вызывающе глянув на меня.

Мда. Чувствую, разговор у нас не получится. Нет, я конечно не рассчитывал на душещипательную беседу у камина под пледом с кружечкой какао в руках, но просто поговорить то мы могли? Как минимум пару объяснений я заслужил.

— У нас у обоих накопилась уйма вопросов, я прав? — Энджи вздернула подбородок, что я расценил как положительный ответ. — Но ты ведь не ответишь на мои просто так?

По злобному прищурю я понял, что угадал. Как же сложно с женщинами, особенно когда они запуганные и наглые подростки, с их сложной психикой и «тонким, ранимым внутренним миром». И не спрашивайте, откуда я знаю такие формулировки.

— Тебе нужны ответы. Мне тоже. Пора прекращать эти игры в молчанку. Чем скорее мы со всем разберемся, тем быстрее ты покинешь мою квартиру, — о, а это возымело эффект. Энджи немного расслабилась, но все равно продолжала смотреть на меня с подозрением. Ну хоть так. — Я готов ответить на твои вопросы первым, при условии, что потом получу ответы на свои. Ты согласна?

— Кто вы? — тут же выпалила девчонка, немного подавшись вперед.

Видимо, это можно расценивать за согласие.

— Ты и так знаешь, — я пытался говорить тихо и спокойно, как с испуганным зверьком. — Ты назвала мое имя, когда...

Не успел я договорить, как тут же был перебит резким выкриком:

— Нет! Я не... — Энджи приподнялась на месте, но видя мой неодобрительный и весьма тяжелый взгляд, девчонка стушевалась. Замолчав так же резко, как и заговорив, Анджела снова села на диван, подобрав под себя босые ноги, на которых остались следы незапланированной вылазки девчонки на улицу. Только сейчас я заметил это. Хреновый из меня родитель, не усмотрел. Хотя, с другой стороны, на тот момент меня больше волновало выживание и маленькая месть, так что вполне простительно.

Она молчала, и я не стал в этот раз торопить ее. Я знал, что рано или поздно она вновь заговорит. Я дал волю ее любопытству, позволив ему прорости и теперь оно разрывало ее изнутри ничуть ни меньше моего. Вот только у меня была годами выработанная выдержка, которой подросток не мог похвастаться.

Так что я устроился удобнее, закинув ногу на ногу и раскинув руки на спинке дивана.

Пока я ждал, когда же наконец прорвет мою родственницу, я изучал поведение подростка.

Девушка опустила голову так, что рыжие пряди занавеской повисли у нее на лице. Пальцами обеих рук Энджи теребила висящую у нее на шее подвеску на кожаном шнурке. Даже сквозь темные стекла своих (да, своих. Возвращать их недоохотнику я не собирался) очков, я мог с легкостью рассмотреть самую незначительную потертость на украшении. Подвеска представляла из себя искусно вырезанного ангела (как оригинально для девушки с именем «ангел»). Его крылья раскрыты, образуя некое подобие креста, а руки сложены в молельном жесте. Лик не был абстрактным, а принадлежал конкретному ангелу. Если мне не изменяла память, то был Пенему — ангел-учитель, наставник человечества. На украшении ему прибавили несколько десятков лет и теперь он мало напоминал того веселого мальчугана, стремящегося все потрогать и везде залезть, которого я знал. Но меня смутило не столько несоответствие в исполнении, сколько сам выбор. Обычно представители Охотников, да и обычные люди, предпочитали носить на себе украшения с изображением куда более пропиаренных парней — Михаила и компанию, например. Ну, или кого-нибудь из ангелов-защитник, стражей, таких как Лахабиэль, Яхоэль и иже с ними. Хотя кто их поймет, людей-то. Хорошо еще, что на шее у девчужке висела не какая-нибудь новомодная гламурная вещь без каких-либо претензий на изящество и ценность. Я имею ввиду не денежную ценность, а духовную, когда к вещи по-настоящему привязываешься.

Таким был и кулон Энджи. На нем виднелись следы потертостей, небольшие сколы и даже небольшая трещинка в районе пояса Пенему.

Казалось бы, что все внимание Энджи было сосредоточено на украшении, но нет. Ее зеленые глаза не выпускали меня из поля зрения, отмечая каждое мое движение. Стоило мне поднять очки на лоб и провести рукой по рыжей бороде, как Анджела напряглась и на долю секунд сжала Пенему в своих тонких пальцах.

По исходящей от девушки энергии я чувствовал, что она была на грани и вот-вот расколется.

— Я имела ввиду... — я же говорил, что расколется, — кто вы на самом деле?

Оригинальностью вопрос не отличался, но я был готов к этому. Главное, что на пошла на контакт.

— Люди этого времени знают меня как Энди Моррисона, — я решил ей рассказать достаточно правды, чтобы она стала доверять мне. — Твой отец, как многие другие в нашем клане, знал меня под именем Алэйсдэйр Моррисон.

Упоминание отца заставило Энджи податься вперед и показать свое лицо, отбросив с него волосы.

— Так это правда? — я вопросительно поднял бровь. — То, что вы сказали там, в подворотне?

Я поднял глаза к потолку, пытаясь вспомнить все, что говорил тогда.

— Я про родство, — решила облегчить мне участь Анджела. — Наше с вами.

— То, что я твой дядя? — еле заметный кивок. — Нет.

А это занятно. Не, вздох облегчения вполне понятен, не каждому приятно слышать, что в его семье есть нелюдь. Но что меня смутило, так это то, что сквозь облегчение мелькнуло некая доля... как бы это сказать?... разочарования? Да, это ближе всего. Неужели девчонка настолько одинока, что была бы рада компании многовекового мертвяка?

Да нет. Бред. Показалось.

— Я тебе не дядя, — продолжил я. — Скорее... пра-пра-пра-пра... Короче, очень много «пра» дядя. Еще, наверно, стоит добавить что-то там про дедушку, все таки мне прилично годков накопало, но я во всем этом не особо разбираюсь. Пусть для простоты будет легко и незатейливо — дядя.

О, теперь на лице Анджелы был шок. Я усмехнулся. Ну-ну, это еще только начало.

— Но как так? Вы ведь кровосос! — Анджела спустила одну ногу на пол, усевшись удобнее.

Эх, опять.

— Малышка, я никогда ни у кого ничего не сосал, так что обойдемся без клишешных фразочек, — мои не особо цензурные слова заставила девчонку зардеться.

Ха! Столько лет, а все еще сама невинность. В мое время она была бы уже выдана замуж и имела бы как минимум двоих детей.

— Хорошо, — зло бросила Анджела, — вампир.

— Вооот, можешь ведь когда хочешь, — я миролюбиво улыбнулся. Ну, как миролюбиво. Клыков не показал. — Все просто. Когда-то и я был живым. Когда-то. Давно. Очень. И у меня была семья. Брат, к примеру. И жена, — на которую Анджела весьма сильно походила. — А потом я умер. Бывает.

— Как вас обратили?

Ничего себе. Девчонка смогла меня удивить. У нее такие потрясения в жизни, а она интересуется обращением у вампира напротив. Странная пошла однако молодежь.

— Спрашивать у вампира, как его обратили, все равно что спрашивать о потере девственности. А мы с тобой еще не так близки, чтобы я делился интимными подробностями своей жизни.

И снова тишина. Ну что за чудо ребенок. То прет с вопросами, то стесняшка.

— А отец знал?

— Об обращении? Нет. О вампирской сущности? О, дааа.

Эх, бывые денечки. Ностальгия.

— И он не пытался убить вас?!

Ууу, сколько недоумения в голосе.

— Пытался. И не раз. И не только он. Меня вообще многие пытались убить. Ты в том

числе, — я обнажил клыки, а Анджела смутилась. Неужели стыдно стало? — Но как видишь, — я гордо стукнул себя по груди, — не вышло.

— И отец доверил меня вам... — как-то обреченно произнесла Анджела.

Девочка уже давно спустила ноги на пол, села поближе ко мне и положила руки на подлокотник. Но сейчас она вновь закрылась — ноги накрест, руки сжимают джинсы на коленях, сгорбленная спина. Только лицо все еще открыто и глаза смотрят на меня.

Я подался вперед, немного наклонившись.

— Он доверил тебя мне, потому что был уверен в правильности своего решения. Он знал, что я смогу защитить тебя, чтобы тебе ни угрожало.

— Но почему?

Потому, что я был ему должен.

— Потому, что мы семья. Teaghlach Phabbay, Анджела.

Сейчас вполне уместным было бы обнять ребенка, но я не стал. Я не лукавил, говоря о том, что семья для меня все. Но сейчас у меня была другая семья, и Анджела к ней не относилась. Возможно, когда-нибудь, но не сейчас.

Я снова откинулся на спинку дивана, ожидая.

Анджела закрыла глаза, ее дыхание было глубоким и медленным. Она явно обдумывала все услышанное. Руки вновь потянулись к подвески-ангелу, забегали по шершавой поверхности.

— Как вы нашли меня? — спустя пару минут тишины заговорила Энджи. — Там, в полицейском участке.

— Нет ничего невозможного для вампира, — я решил не раскрывать ей своих секретов. Мало ли, еще решит использовать информацию против меня.

— Как вы смогли выжить после... — Энджи явно не могла подобрать слов, чтобы как можно мягче напомнить мне о своем неудавшемся покушении.

Я решил ей помочь.

— После твоего коварного, вероломного, предательского нападения на меня, который предоставил тебе кров на ночь, чистую одежду и горячую пищу? — для полноты картины, я добавил щепотку внушения, чтобы моя племянница как можно ярче ощутила все то, что испытал несколько часов назад я сам.

И похоже я перестарался.

Девушку прошиб озноб, кожу покрыли крупные капли пота, дыхание участилось и стало прерывистым.

Я прикоснулся к щеке Энджи. Девушка распахнула глаза и попыталась уклониться от меня, но я не позволил. Не отрывая своего взгляда от ее глаз, что сейчас болезненно блестели, я медленно снимал собственное воздействие. Если снять его резко — Энджи могла получить сильную психологическую травму, оставить на самотек — испытает боль физическую.

Когда опасность миновала, я прошел на кухню, мельком бросив взгляд на следы собственной борьбы на полу, взял с полки стакан и наполнив его водой, вернулся на диван. Вложив стакан в дрожащие руки девушки, я помог ей сделать несколько глотков и только после того, как она успокоилась, я занял свое место на диване напротив.

— Можешь продолжать диалог? — короткий, утвердительный кивок. — Вот и хорошо. Теперь моя очередь задавать вопросы.

Анджела забралась с ногами на диван, готовая меня слушать и отвечать.

— Откуда ты знаешь о нашем существовании? Судя по письму твоего отца, он понятия не имел о твоих познаниях.

Этот вопрос беспокоил меня с момента, как Энджи произнесла два заветных слова — «Бастардова кровь».

— Сама прознала. Когда мне было лет пять, может шесть, — девушка говорила на удивление спокойно, без подростковых выкрутасов. — Все дети боятся монстра-из-под-кровати. Я не была исключением. Вот только в отличие от других детей, я со своим монстром столкнулась лицом к лицу.

Я не перебивал ее, позволяя девушке высказаться и самой решить, что мне следует знать, а что нет.

— Однажды ночью я услышала какой-то шорох из-под кровати и полезла туда, ничего не подозревая. Источником шума оказалась какая-то тварь, похожая на паука с цепями вместо лап. Оно схватило меня и потащило за собой во тьму, — Энджи передернула плечами от былых воспоминаний. — Я успела схватиться одной рукой за ножку кровати, а второй подбросить с пола циркуль, которым я отбивалась от чудовища, не переставая звать отца на помощь. К моменту когда он появился, я успела отбить у монстра несколько звеньев из цепи. Папа что-то проговорил и чудовище, громко взвывая, исчезло, оставив после себя лишь несколько ушибов на моем теле. Отец успокоил меня, дал выпить что-то с запахом сирени. На утро он сказал мне, что все было сном.

Я знал этот тип монстров. Бравишь. Мелкие, мерзкие, слабые и чаще всего нападающие на детей или больных. На тех, кто не способен отбиваться. Таких чудовищ мог одолеть даже Охотник-новичок. А этот нарвался на опытного знатока своего дела. Неудачник.

— И ты не поверила ему?

— Поверила, — Анджела пожалала плечами. — Не было никаких следов. Порванная пижама оказалась целой, а ушибы все пропали. Я правда думала, что все это было сном, жутким кошмаром. Тем более, что воспоминания с каждым днем становились все более расплывчатыми.

— И что же заставило тебя изменить свое решение? — мне правда было интересно.

— Кусок цепи. Той, что я смогла отломать от монстра. Спустя пару дней я случайно наткнулась на нее, прибираясь в игрушках. Стоило мне коснуться ее, как воспоминания накрыли меня с головой.

— И отчего ты не побежала рассказывать об этом своему папочке?

— Я побежала. Он был в своем кабинете, в который мне всегда был вход закрыт. Я подслушала разговор отца по телефону, где он рассказывал о случае со мной. Тогда то я и поняла, что папа знал о монстре, но почему-то решил не говорить мне об этом. Я решила поступить так же.

Хм. Даже нечего сказать. Он скрывал наш мир от нее, она скрывала свой от него. Все логично. зуб за зуб и прочая чепуха.

— Где ты обучилась обращению с такими как я?

— Что-то из отцовских книг. К девяти годам я научилась проникать в его кабинет незамеченной. А чуть ранее, не без помощи уличной шпаны, меня записали на курсы самообороны. Так, постепенно, я научилась тому, что умею. Никогда не думала, что эти знания мне действительно пригодятся, — Анджела хмыкнула, ставя пустой стакан на журнальный столик.

Не думала она, как же. Никогда не поверю, что человек, впервые встретившийся с нечистью, будет вести себя столь уверенно. Думается мне, что она что-то от меня скрывала. К примеру, пару убийств представителей более низких ступеней пищевой цепочки нелюдей.

— Что ты знаешь о своем отце?

— Что он довольно известный Охотник. Я пару раз встречала других Охотников. Они, конечно, не назывались таковыми и были в штатском, но их выдавала выправка, взгляд. Знаете, всякие такие незначительные мелочи, из которых строится полная картина? — я кивнул, подтверждая ее слова.

Я прекрасно понимал, о чем говорила моя племянница. Навыки, которыми она обладала, пусть еще лишь на начальной стадии, мог позавидовать любой начинающий адепт Охотников. Как жаль, что по официальной версии, Анджела о нашем мире не знала. Эх, Охотники потеряли такое дарование.

— Ты знаешь, что с ним случилось?

— Только то, что он отправился на очередное задание. Куда, зачем и насколько — не знаю.

Зато, похоже, я знал. Но пока было не время говорить девушке, что ее отец возможно мертв. По крайней мере до тех пор, пока я не буду в этом точно уверен. А для этого нужно было дождаться информации от Вероники.

— Когда я встретил тебя на пороге дома, ты была вся в ссадинах и порванной одежде. Что случилось?

Девушка замаялась, нервно теребя край футболки.

— На меня напала уличная шпана. По крайней мере я думаю, что это уличная шпана. Они вели себя немного странно, но точно были людьми.

— И что же в них было странного?

— Глаза у них были затуманенными. Но после встречи с теми парнями в подворотне около полицейского участка, я поняла, что у этих напавших был похожий взгляд.

— Тебе везет на долбанутых.

— Не то слово.

Вот почему я был уверен, что речь сейчас шла не о наркоманах, а обо мне?

— Как бы то ни было, нам обоим нужно передохнуть, прежде чем ты вернешься домой. Предлагаю тебе поспать. Вечером я отведу тебя, — я поднялся с дивана, подхватив рюкзак Энджи.

— Я могу добраться сама, — Анджела резко подскочила с места, но ее тут же повело из стороны в сторону.

Внушение не прошло бесследно.

— В таком состоянии ты не сможешь и двух шагов сделать сама. Так что не выделывайся и иди спать.

Я открыл дверь в гостевую комнату, забросил туда вещи девчонки, силой затолкнул Анджелу и закрыл на замок со своей стороны. Не хватало еще, чтобы она попыталась улизнуть.

Добравшись до своей комнаты, я без ног повалился на постель, отдавшись на волю сну, который бывает только у нелюдей — сну без сновидений.

Солнце скрылось за горизонт и мой организм, чуткий к смене времени, заставил меня пробудиться.

Если вы считаете, что у нежите не могут затечь мышцы, то вы дико не правы.

Провалявшись весь день в неудобной позе и одежде, я чувствовал себя так, словно по мне проехался самосвал нагруженный тонной свинца. Кроме того, от меня, как и от одежды, несло не маргаритками. Мертвецы, конечно, не особо потеют, но свое тонкое амбре имеют. Чужие очки не по размеру съехали и угрожающие пытались выколоть мне глаз кончиками дужек.

Поднявшись с постели, разминая шею и плечи, я направился в душ. Раздевшись и быстро ополоснувшись, я вспомнил о госте в лице рыжего урагана и, переодевшись в домашнюю одежду, вышел в гостиную. Из-за двери гостевой комнаты доносились монотонные звуки сильно напоминающие удары чего-то металлического о древесину.

Интересненько.

Отворив замок, я резко открыл дверь. К моим ногам тут же повалилась Энджи с металлическим кубком в руках.

— Здрассте, — проворчала Анджела. Поднявшись с пола девушка отряхнулась и всучила мне миниатюрный кубок. Гравировка на нем гласила «#1 PICKUP'S MEN». — Ну и вкус вас.

Проговорив это, Анджела направилась в сторону кухни, я же переводил взгляд с кубка у меня в руках на комнату, в которой провела денёвку (вампирский аналог ночевки) девушка.

Стены комнаты были увешаны рекламными плакатами различных компьютерных, и не только, игр и фильмов, вперемешку с виниловыми пластинками в рамках под стеклом. Широкая двуспальная кровать была завалена грудой коробок от компьютерных и приставочных игр, музыкальных дисков, кассетных видео фильмов, и судя по тому, что все это было сдвинуто в одну кучу на край кровати, Анджела таки спала на шелковых простынях. Пол просматривался лишь частично за всей той свалкой всевозможных приставок, гаджетов, геймпадов и черт его знаете еще чего. Единственный стол служил площадкой для размещения дурацких наград и похабных миниатюр. Правая дверь была приоткрыта и вела в ванную комнату, где на туалетном столике покоилось кладбище всевозможных украшений и аксессуарных причиндалов, а шкаф с одеждой ломился от ярких шмоток дорогих брендов.

И все в этой комнате было бы нормально, будь вы пятнадцатилетним гормонально переполненным подростком, кроме пары нюансов — наличия всюду собачьей атрибутики.

Рядом с джойстиком лежали собачьи пищащие игрушки, а ошейники соседствовали с игровыми дисками. Я уже молчу про коллекцию поводков, висящих на стене рядом.

Я молча закрыл дверь и пройдя на кухню следом за племянницей, поставил дурацкий кубок на стол перед Энджи. Меняхватило только на:

— Это не мое.

Судя по скептическому взгляду Анджелы, она мне не верила. Я бы и сам себе не поверил, не будь это все кошмаром наяву.

— Нет, правда, — попытался я оправдаться, параллельно заваривая чай и выискивая на полках холодильника что-нибудь съедобное, не вампирского происхождения. — То гостевая комната, а мой нынешний... — я немного замялся, выбирая цензурное обращение для постояльца, — гость обладает весьма своеобразными увлечениями.

Тишина и больше ничего. Как-то не клеился у нас разговор. Я тут распинаюсь, объясняю что да как, а в мою сторону нет даже мельчайшего комментария. Да хотя бы фыркнула, в конце-то концов! Может после еды будет получше? Да где здесь что?! О, хлопья!

Я высыпал шоколадные хлопья в миску, залил их остатками молока и поставил на стол перед девушкой. Рядом уже радовал своим ароматом горячий чай.

— Когда я смогу вернуться домой? — Энджи даже не прикоснулась к тарелке с хлопьями, но вот чай приняла.

Я долго смотрел на нее, решая, что же ответить, но ничего умного или же остроумного не приходило мне на ум. Потому я молча встал напротив нее так, чтобы ножи оказались ближе к моим рукам (повторения прошлого инцидента мне не хотелось) и вальяжно попивая чай из своей кружки, небрежно бросил:

— Когда придет время.

Пара недовольных глаз были мне ответом.

— И когда же придет это самое время?! — Анджела ее сдерживала голос в рамках приличного тона, хотя злость все равно проскальзывала.

— Когда я решу.

На самом деле, причин держать у себя Анджелу дальше я не видел. Да, ее отец просил меня защитить ее, но, во-первых, пока не было причин особо ее от чего-то защищать — армии раздосадованных демонов на пороге своего дома в поисках рыжей нахалки я не наблюдал, во-вторых, при необходимости я мог защитить ее и на расстоянии, стоило только выяснить где именно она живет и слегка изменить траекторию своих ночных вылазок.

А это идея. Нужно будет только с обговорить это с Максом. И Зубоскалом. Возможно даже с Птичкой, но это только в крайнем случае.

— Ты уверена, что не голодна? — я решил хоть как-то поддержать разговор, но Энджи оставалась непреклонно-молчалива.

Ну и ладно. Не хочет говорить, мне же лучше. Без лишнего шума в своей жизни я отлично проживу. И я даже не обижен на ее поведение. Хотя... не, очень даже обижен.

— Послушай, — в мой голос добавились ледяные нотки и это не прошло незамеченным. Юная Моррисон наконец-то вновь взглянула на меня и в ее взгляд вернулись оттенки страха и настороженности. То, что надо, — мне плевать, что ты не считаешь меня за достойное существо и потому имеешь наглость вести себя со мной столь неподобающим образом, но не забывай, что я старше тебя, предоставил тебе кров, предлагаю еду и помимо всего этого, прихожусь тебе родней. Может добавишь в свой милый голосок хоть капельку уважения?

Стыдливый румянец весьма симпатично смотрелся на немного бледном лице девушки. Анджела помялась немного, прочищая горло.

— Простите, — выдавила она наконец из себя.

Уважения там, конечно, ни на унцию, но и наглости с вызовом в голосе поубавилось.

— Так что лучше, — я был весьма доволен своей маленькой победой. Да, это было по детски, но надо же как-то старикам развлекаться? А молодежь отличная цель для подобного рода развлечений. — Я повторю свой вопрос: есть будешь?

— Нет, — снисходительный взгляд с моей стороны и недовольный с ее, — спасибо.

Я мне лишь оставалось пожать плечами и вылить содержимое тарелки в раковину, чем немало удивил племянницу. Ну да, нормальный человек поставил бы еду обратно в холодильник, с ней же ничего не случилось, но такое не прокатывает с вампирами и многими другими нелюдьми. Не знаю точно почему, может это как-то связано со строением нашего организма на генном уровне (да, я знаю такие заумные слова), может волшебное «просто», но если уж мы едим человеческую, живую пищу, то только свежеприготовленную. Для нас она может считаться свежей от часа, до пары суток, не

больше. Чем кропотливее был процесс приготовления, чем дольше для нас удерживается свежесть продуктов. Помните стратегический запас выпечки в доме моего Прайда? Так вот, большинство из него будет в конечном итоге выброшено на помойку на радость падальщикам. Перевод продуктов? Да. Но так ли нам нужна человеческая еда? Нет. Просто прихоть. Как я уже говорил — приятный самообман.

Судьба хлопьев была предрешена еще в тот миг, когда первый из них коснулся отполированного дна миски — быть съеденными сейчас или уничтоженными через час в лопастях измельчителя.

Я глянул на настенные часы. Стрелки медленно подползали к семи вечера. Вполне можно было выдвигаться на улицу.

— Собирайся, — я прошел мимо Анджелы, жестом маня ее за собой. — Пришло время возвращаться тебе домой.

Энджи тут же промаршировала в гостевую комнату за своими вещами, громко хлопнув дверью. Никакого такта у ребенка.

Вернувшись в свою спальню, я быстро переоделся, не забыв свои излюбленные плащ и шарф-капюшон. Люблю я их, ага. Вот только очки Дункана я решил не брать. Все таки они были мне малы и жутко неудобны. Надо было прикупить парочку новых «авиаторов».

Когда я вышел из комнаты, Энджи уже ждала меня у выхода, нетерпеливо постукивая ногой по стене в прихожей. Вот не умеют юные поколения ждать. Ни капли выдержки.

Мы покинули квартиру и быстро спустились вниз, выйдя на улицу. Погода была на удивление приятной — легкий снежок, минимум солнца, ветер, норовящий проникнуть под одежду. Я вздохнул полной грудью, наслаждаясь погодой. Красота. Вот только Анджела моего энтузиазма не разделяла. Из теплых вещей на ней была лишь футболка Меган.

Вот все таки хреновый из меня родитель. Чувствую, если бы мой Прайд уже не был мертвым, то точно бы сдох либо от холода, либо от голода. Хорошо, что весь груз ответственности взвалили на свои сильные плечи Мама Ро и Серах.

Я мог бы, конечно, вернуться обратно, поискать что-то более или менее приличное и дать ей надеть, но нет. Не хотелось. Она сама была виновата, так спешила поскорее избавиться от компании нежити, что не озаботилась о собственном благополучии. Ну вот и пусть теперь страдает. Тем более, не так уж на улице и холодно. Всего двадцать шесть градусов по Фаренгейту, переживет.

— Веди, — я намеренно проигнорировал тот факт, что Анджела переминалась с ноги на ногу, обхватив свои дрожащие плечи руками.

Энджи удобнее перехватила лямки своего волшебного рюкзака и направилась вверх по улице.

Знакомый, однако, маршрут. Не удивлюсь, если мне по дороге вновь встретиться Дункан. Интересно, как там этот паренек? Редко мне попадались столь интересные экспонаты среди Охотничьей братии. Обычно это закорючатые старики, не способные сделать шаг в сторону от принятых много веков назад норм. С такими было не интересно. При виде нелюдя они сразу же пытаются убить его, даже не интересуясь как его дела или кто он такой вообще. Пытался я как-то завести светскую беседу с одним из таких пару десятилетий назад. Даже достал из закров памяти парочку анекдотов, но Охотник не оценил моих стараний, попытавшись пристрелить меня серебряной пулей, как какого-нибудь заплесневевшего оборотня. Я, конечно, не остался в долгу. Вероника меня потом неплохо так отчитала за того неудачника, ведь все таки ему пришлось ампутировать после

меня обе руки. Иногда я бываю чересчур обидчивым.

Мы продолжали свой путь до дома живых представителей клана Моррисонов, и к моему удивлению и недовольству, этот путь был так же и до дома моего Прайда.

Не хорошо, очень не хорошо. Аллан не только знал расположение моего жилища, но и моих «детей». Как он смог? Сколько времени потратил на все это? Ни одно существо не могло выследить ни меня, ни мой Прайд без нашего желания. Мы лучшие в плане скрытности. Ни разу еще Охотник не мог отыскать нас.

Мысль, яркой вспышкой, озарила мое сознание.

Аллан был не единственным. Дункан. Он смог выследить меня всего за пару месяцев, а ведь он еще щенок. Что же говорить о таком опытном охотничьем псе как Аллан? Неужели наши способности перестали работать или же это просто было совпадением, неудачным стечением обстоятельств? Возможно с Дунканом так и было. Я не отметал шанса, что мальчишка случайно стал в прошлом свидетелем моей охоты, патрулируя территорию, которая совпадала с моими угодьями. Но вот с Алланом это явно не совпадение и не случайность.

Когда мы остановились напротив дома по Саус Ист стрит двенадцать пятьдесят два, то я лишь сильнее убедился в своей теории. От дома Аллана было равное расстояние как до моей квартиры, так и до «гнезда». Четкий треугольник на карте. Достаточно близко, чтобы следить и достаточно далеко, чтобы не быть замеченным самому. Умно. И опасно.

— До свидания, — Энджи поспешила домой, но я резко схватил ее за руку, останавливая.

Она этого не ожидала.

Я тоже.

Ведомый каким-то непонятным даже для себя порывом, я достал из внутреннего кармана плаща шариковую ручку (я же писатель, куда я без пишущих предметов?) и быстро написал на ладони Анджелы несколько цифр.

— Это мой номер телефона, — пояснил я. — Если что-нибудь случится, сразу же звони мне. Как ни как я обещал Аллану присматривать за тобой.

— Вряд ли он мне пригодится, — Энджи попыталась стереть номер, но мой тяжелый взгляд заставил ее передумать. — Ладно. Но не ожидайте, что я им воспользуюсь.

— На то и расчет.

Я выпустил девушку из своих рук и она тут же поднялась по ступенькам крыльца, скрывшись за дверью.

Постояв еще пару минут и дождавшись, когда в окнах загорится свет, я направился обратно в город. Ночь только набирала обороты, а дел как таковых у меня не было. Интересно, чем бы себя занять?

Юппи!

Прыжок. Еще прыжок. Зацепиться за флагшток и перемахнуть ограду. Ловко уйти из под фар автомобиля. Взобраться по стене, карабкаясь за счет карнизов. Кувырок по крыше. Пробежка по парапету. Спугнуть птиц с памятника. Проскочить сквозь брызги фонтана. Финиш.

Так, хватит рубиться в приставку и пора выдвигаться на патруль.

Забрав из кабинета свою амуницию, я вновь воспользовался окном в качестве выхода и направился прочесывать местные окрестности.

В мои охотничьи угодья входит, если честно, весь город. Да, жирновато, не спорю, но обычно так и бывает с вампирами — город-пастбище. Иногда даже соседние поселения входят, но мне лень. Мне даже город полностью не охота исследовать, чего уж про пригороды говорить. Нет, я честно исполняю свои обязанности и проверяю всю территорию, но тратить ночь на это не хотелось, так что я делил Индианаполис на сектора и выборочно гулял по ним. И в отличие от обычных прогулок, в этих я использовал полный набор своих способностей, совершенно скрывая себя от мира живых.

Я медленно следовал из точки в точку, ловя отблески уличных фонарей, что скользили по медной поверхности маски, скрывающей мое лицо. Вы спросите, зачем взрослому самодостаточному мужику в полном расцвете сил и совсем без комплексов маска? Ответ прост — так надо. Маска не была дешевым аксессуаром или же дурацкой прихотью. И спор я никому не проигрывал, нет. Как и любой вампир, а уж тем более как глава Прайда и один из Двенадцати, я обязан был скрывать свою личину. Каждый использовал свой метод. Чаще всего просто применялось внушение или около того. Но я не любитель спецэффектов, а потому решил выбрать маску — дешево и сердито. А порой и довольно пугающе.

Прогулявшись по уединенным уголкам города и даже умудрившись напугать целующуюся парочку, как какой-нибудь персонаж дешевого ужастика, я решил пройтись до места недавнего знакомства с Дунканом.

Преодолев несколько миль, я наконец выбрался к подземной парковке. Обратившись к силе я в каком-то плане «прощупал» окружающую территорию на наличие чего-нибудь интересного. Хм. Пусто. Странно.

Вы, наверно, даже не понимаете, почему меня столь сильно удивляет отсутствие на стоянке хотя бы чего-то? Сейчас ведь поздний вечер и совсем не обязательно, чтобы здесь что-то было, не так ли?

Нет, не так.

Вокруг не было ничего. Совсем. Как бы это объяснить? Знаете это тонкое ощущение, когда вы находитесь в окружении техники, вы ее ощущаете на каком-то тонком уровне, словно ваши собственные магнитные волны синхронизируются с ней и стоит лишь вырубиться электричеству, как на вас наваливается пустота, хотя внешне ничего не изменилось? Так и с нелюдями и всем, что чуждо миру людей. Каждое магическое действие оставляет после себя такой тонкий след. Его тяжело найти, если не искать намеренно, но он все равно ощущается прозрачной поволокой на внутренних чувствах. А с учетом стычки двух нелюдей и Охотника, которого тяжело назвать простым человеком, с учетом того, что им приходится в себя вводить, чтобы хоть на йоту приблизиться по способностям к тем тварям, с которыми они сражаются, след должен был быть весьма ощутимым. Но его не было. Если бы я не был прямым участником тех событий, что должны были его оставить, то я и не подумал, что здесь что-то произошло. Но я знал о случившемся. Мо chreach! Я был тем самым случившемся! Вокруг должны были бушевать волны, сравнимые с электромагнитными колебаниями, но здесь стояла такая тишина, будто кто-то стер все данные.

Я не успел зацепиться за последнюю мысль, так как в кармане завибрировал телефон.

Достав мобильник, я прочитал незнакомый номер на экране. Мой номер знали от силы человек десять и номер каждого из них был у меня в записной книжке. Единственная, кого там пока не было, это Анджела, чей номер я не удосужился записать.

Неужели и вправду Энджи? А как же и «не надейтесь»? Как бы то ни было, я ответил на

звонки.

— Внима... — я даже не успел договорить фразу, когда с той стороны раздался выкрик

Энджи:

— Помогите!

Дальше последовал шум падения, какие-то неясные выкрики и звуки борьбы, после которых в трубке раздавались гудки и сообщение об обрыве связи.

Не раздумывая, я бросился к дому Анджелы. Я преодолел огромное расстояние необычайно быстро даже для самого себя. Уже на подходе, а обратился к силе. Я слышал за стеной дома шесть сердцебиение и лишь одно из них было мне знакомо. Моторчик Анджелы работал на дикой скорости, угрожая выскочить от волнения и страха. Но не только ее страх я учуял. Кто бы ни находился сейчас в доме вместе с девчонкой, они были не самыми храбрыми ребятами. От них смердело страхом за милую. Для себя я отметил, что Анджела держалась куда лучше.

Незваными гостями, судя по звуку сердец, были мужчины не старше двадцати пяти лет. Если расположение комнат в доме хоть немного напоминало проектировку «гнезда», то Энджи находилась на кухне первого этажа. Рядом с ней был один человек. Еще один в комнате по соседству. Трое изучали второй этаж — двое справа и один слева.

С них то я и решил начать.

Я обошел дом, чтобы найти удобный путь наверх и местный архитектор мне его предоставил — над задним входом был приделан довольно удобный для меня козырек. Им то я и воспользовался. Взобравшись наверх и дождавшись подходящего момента, я вцепился в оконную раму и оттолкнувшись со всей силой от стены, влетел в стекло ногами вперед. Берцы с металлическими «стаканами» угодили точно в грудину одного из домушников, заставив того впечататься в своего поделника, что так кстати оказался на его пути. Я не сомневался, что проломал первому кости, а вот второй пока еще был жив, хоть и без сознания. Я быстро исправил оплошность, свернув тому горло.

Шум не остался незамеченным.

Третий смертник уже спешил в мою сторону. Я не стал его дожидаться, решив встретить на полпути. Я выхватил нож из рук трупа и стоило двери распахнуться, как нанес удар по диагонали, пытаясь рассечь противнику брюхо. Мо chreach! У недоумка в руках оказалась бита, которой он блокировал мой удар. Не давая ему времени на оценку ситуации, я перехватил нож и вогнал его по самую рукоять в глазницу Blaignard. Тот умер на месте.

Внизу чувствовалось волнения и нарастающая паника.

— Иди проверь! — приказал хриплый голос около Энджи.

Из предполагаемой столовой в мою сторону поспешил четвертый участник проникновения.

Я решил встретить его у лестницы.

Парень медленно поднимался по ступеням и судя по тонкому свисту рассекаемого воздуха, ему оружием служила цепь. Неплохо. Как только затылок и конец цепи оказался у меня перед глазами, я тут же перехватил ржавую железяку, резко дернул, заставив бандита выпустить ее из рук, и обмотал вокруг его шеи. Тот забился в моем захвате, пытаясь освободиться, но я лишь сильнее оттолкнулся от пола и, перекинув цепь через ветвистую люстру, сыграл с ним в висельника. Его шея переломилась за долю секунд.

Остался один. С ним я решил встретиться лицом к лицу.

Спустившись на первый этаж, я вошел на кухню и тут же схлопотал пулю,

сопровождаемую испуганным вскриком Энджи. Как же окружающим нравится дырять мои футболки. Свинец угодил мне в легкое и мог бы меня убить, не будь я уже куском омертвевшей плоти.

Мой несостоявшийся убийца стоял в нескольких ярдах передо мной и удерживал в трясущихся руках пистолет. Опасная игрушка.

Я сделал шаг в его сторону и схлопотал еще немного металла. В этот раз в живот и плечо. Прилично так парня разносит. Не быть ему новым Вильгельмом Теллем. Хотя через минуту не быть ему и живым.

Я продолжал наступать, а стрелок безостановочно жал на курок.

— Сдохни, сука! Сдохни! — еще три пули, в этот раз лишь одна попала меня, задев кисть, и барабан закрутился в холостую.

Когда я приблизился к нему в плотную, парень уже успел слиться со стеной за спиной, а воздух наполнил запах аммиака.

Слабонервный.

Медленно опустив дрожащие руки Trusdar, продолжающие сжимать бесполезное оружие, я впился клыками в податливую плоть на горле. Эти Tolla-thon заставили меня применять силу и были мне должны за это. Опустив свою жертву до того, как из его тела уйдут последняя пинта крови, я оставил его мучительно умирать. Под взглядом стекленеющих глаз, я подошел к Анджеле.

Девушка вся дрожала. На руках, где веревка врезалась в кожу, проступили бисеринки крови. Глаза и рот Энджи были закрыты и я не спешил снимать повязки.

Я прикоснулся к плечу девушки, тихо проговоря:

— Это я.

Мой голос достаточно успокоил Анджелу, чтобы она позволила отвязать ее от стула и вывести из дома со все еще завязанными и глазами и ртом. Как только мы оказались на улице, я тут же убрал маску в рюкзак за спиной — не хватало Энджи еще переживаний — снял повязки и усадил племянницу на ступеньки крыльца, жестом показав никуда не двигаться с места. Получив слабый, но утвердительный кивок, я достал телефон.

В этот раз Вероника взяла трубку после первого же гудка.

— Да?

— Пришли Чистильщиков на адрес Аллана Моррисона. Он должен быть у вас в базе, — без всяких предисловий попросил я.

— Нападение нежити?

— Людей.

— Но почему тогда?..

— С ними разбирался я.

— Ясно, — в голосе Вероники скользнули недовольство и гнев. — Сейчас будут.

Вероника положила трубку, не желая больше говорить. Я ее прекрасно понимал. За пять человеческих трупов мне еще предстоит отчитаться, но это будет потом. Сейчас меня больше волновало состояние Анджелы.

Я подошел к ней и уселся рядом. Я знал, что нам нужно было уходить как можно быстрее, но я давал ей возможность прийти в себя.

— Что случилось? — как можно тише поинтересовался я.

— Я вернулась домой... с вами... — сбивчиво начала Энджи. — Я была одна... хотела перекусить, когда услышала шум... Они вошли с заднего входа... Я не знала кто или что

они... Я думала, что справлюсь сама, но по голосам я поняла, что их было слишком... я испугалась и позвонила вам...

На ресницах заблестели слезы. Какой бы сильной не была Анджела, она оставалась ребенком, девушкой и в первую очередь человеком, а людям свойственно бояться и в этом не было ничего плохого или постыдного.

Вдалеке послышался шум приближающегося автомобиля.

— Нам пора, — я поднялся, помогая встать и Энджи.

— Куда? — от пережитого девушка не особо хорошо понимала, что происходит.

— Туда, где ты будешь в безопасности, — и я знал только одно такое место.

По ночной улице мы направились ко мне в квартиру.

Как в старом плохом фильме, где сценаристам было лень придумывать что-нибудь новое и оригинальное, я вновь открывал двери своей квартиры для взъерошенной и напуганной племянницы. Я знаком с ней чуть больше суток, а она уже стала частым гостем моей скромной обители. Слишком частой. Особенно с учетом обстоятельств, после которых она попадает ко мне.

В этот раз я не стал поить Анджелу расслабляющим чаем или отправлять спать. Она пережила сильный шок и ей нужно было успокоиться, абстрагироваться от проблем. Поэтому я усадил ее у телевизора и включил кабельное. Переключив на комедийный канал, а всучил пульт полусознательной девушке и ушел на кухню, оставив за собой дверь открытой, чтобы спокойно наблюдать за подопечной. Убедившись, что Анджела не смоеется с моего дивана на поиски очередных неприятностей на свою тощую задницу, я достал мобильник и позвонил Веронике. Если мои подсчеты были верны, то она сейчас как раз должна была находиться в доме Аллана с группой Чистильщиков.

(дальше разговор на французском)

— Что все это значит?! — без предисловий начала Вероника. Говорила она на французском, что подчеркивало глубину ее недовольства.

С той стороны слышались голоса и звуки сирен. Насколько я помнил, Охотники имели своих людей во всех сферах влияния, а Чистильщики в частности дислоцировались среди полицейских и скорой помощи.

— То, что видишь, — я так же перешел на язык лягушатников. Так можно было сохранить хоть какую-нибудь секретность.

— Я вижу пять трупов, которых явно убил не простой человек. А опытный специалист среди Незнающих, мог бы заподозрить что-то явно неладное.

Незнающими Охотники и мы, представители иного, темного мира, называли обычных смертных. Тех, кто все это, я имею ввиду разнообразную чертовщину, считает не более, чем страшными сказками, выдумками или же сущим бредом. Но бывало, что и среди Незнающих обнаруживались единичные личности, волею случая узнавшие о второй грани монеты. То, что я провернул в доме Анджелы вполне подпадало под такой вот случай, способствующий раскрытию нашего существования.

Что весьма грубо с моей стороны.

— Эти *Vlaigeard* напали на Анджелу. Мне нужно было что-то сделать. Я сделал, — я пытался говорить как можно спокойнее, но чувствовал, как рвутся наружу сдерживаемые под замком эмоции.

— Ты мог вызвать полицию. Нас, в конце концов! — гнев трепетал в каждом слове Вероники.

Замок сломался.

— Я в силах сам защитить свой Прайд! — рык оглушил дизайнерскую кухню. Я глянул на Анджелу, но девчонка продолжала смотреть телевизор.

— Она не твой Прайд! Она живой человек! — мой выпад не произвел на Охотницу ни малейшего эффекта.

— Она моя кровь и плоть! — цедил я сквозь тиснутые зубы, угрожая к чертям собачьим

стереть клыки.

— Вот как ты заговорил? — тихо и приглушенно Вероника тянула слова. — А не потому ли она оказалась во всей этой ситуации, что ты попытался избавиться от нее?

Глубоко вздохнув и досчитав до десяти, я попытался взять себя в руки. Полная хрень, конечно, и больше напоминает отсчет таймера в бомбе, но бывали случаи когда и эта медитативная муть срабатывала.

— Не спорю, — теперь в моем голосе было на пару процентов меньше ярости. — Но о помощи она попросила именно меня. Как бы не было прискорбно, но я все, что есть у нее.

— Вот тут ты можешь быть прав.

А вот на этой фразе всякий намек на гнев и раздражение улетучились из интонаций Вероники. Да и мой пыл сразу как-то угас, не оставив после себя не то, чтобы тлеющих угольков, но даже медленно рассеивающегося дымка.

— О чем ты?

— Я проверила место нахождения Аллана.

Мы оба перешли на более деловой и привычный нам тон.

— Нашла что-нибудь?

— Только то, что он пропал с наших радаров с неделю назад и больше не объявлялся. О нем никто ничего не знает. Ни единый Охотник не пересекался с ним.

С той стороны трубки слышались недовольные возгласы, должно быть разбуженных соседей. Моя собеседница отвлеклась на них и послала куда подальше. Кажется, она использовала хинди.

— А что по-поводу информации? — напомнил я о своем присутствии. — Насколько я помню, Охотники обязаны отправлять ежедневный отчет о проведенной работе. Особенно такие оперативники, как Аллан.

Минутная тишина по ту сторону трубки.

— Ты весьма хорошо осведомлен о нашей работе, — прозвучало не очень довольно.

— Всегда нужно знать своего врага лучше, чем самого себя. Безопаснее для жизни, — попытался я отшутиться, хотя как говорить — «в каждой шутке есть доля правды».

— Ты прав, — после небольшой заминки, согласилась Вероника. Кажется, я смог ее хоть немного убедить. — Но как бы то ни было, последний отчет датируется недельной давностью.

— Когда вы еще знали примерное местоположение Аллана?

— Точно.

Я задумался. Если бы у меня кто из Прайда не подавал признаков жизни... ну, хорошо... признаков существования хотя бы пару дней, этого вполне хватило бы для разворачивания полномасштабной поисковой операции. И дело не в том, что я слишком сильно пекся о своих «детях», нет. Просто мы держались друг за друга и каждый член Прайда был важен и ценен. А тут целая неделя...

Пока эти мысли блуждали в моей голове, я успел скинуть на пол рюкзак, снять плащ с шарфом и бросить их на стол. Не очень аккуратно, но за чистотой в доме следил не я, так что не мои проблемы.

— И никого не смутило, что один из лучших Охотников не выходит на связь? — наконец озвучил я свое удивление.

— Именно потому, что он лучший, это никого и не смутило, — тяжелый вздох. Не сомневаюсь, если Вероника сейчас массирует висок. — У Аллана было в порядке вещей

связываться с нами лишь по окончании задания или только в крайних случаях.

— Вот только похоже в этот раз случай оказался слишком «крайним», — придерживая трубку плечом, я достал из закров, не обработанный еще кровью, мед. — С чем в этот раз работал Аллан?

— Да как обычно — выследить и зачистить группу мордлаков. Ничего из ряда вон выходящего.

— Ты в этом точно уверена? — пиала и десертная ложка заняли свое место рядом с даром пчел на столике для завтраков.

— Так говорят записи о его последнем деле.

Я вот даже не сомневался, что Охотники знали так мало. В конце концов, даже о моем существовании было известно далеко не всем и Аллан был одной из причин этого.

— А сама ты видела переданные им данные?

— Нет. Сестры не допускаются до подобной информации.

Тоже весьма странный и не привычный для меня порядок, принятый следи Охотников — скрывать информацию от других членов братства. Нет, я не спорю, что благодаря этому информацией о Двенадцати обладают лишь единицы и это играет нам на руку. Но это информация иного, высшего уровня. А тут? Бытовые данные о предполагаемых противниках. Вы же на войне, в конце то концов. Вы сражаетесь с порождениями Тьмы и Хаоса. Да каждая скрытая мелочь может стоить жизни не одному десятку неофитов. Да к тому же, подобная секретность не способствует налаживанию доверия среди Охотников. Вот потому они вроде и братство, но каждый сам за себя.

Конечно, свое мнение по этому вопросу я оставил при себе.

— Но у тебя ведь есть связи, чтобы копнуть глубже?

— За кого ты меня принимаешь? — наигранная обида и следом, я чувствовал это, губы Вероники расплзлись в улыбке Чеширского кота. — Конечно есть. Хочешь узнать, чем занимался Аллан перед исчезновением?

— Да. Кроме того, тогда, возможно, мы сможем выяснить жив или он все еще или его послание было все таки актуальным.

— Ты так беспокоишься за свою живую кровь?

Если бы я так беспокоился за теплокровную родню, то не пытался бы скрываться от них на протяжении не одной сотни лет.

— Скорее за свои нервы, — достав из холодильника остатки молока, я вылил их в кружку и поставил подогреться в микроволновке. — Если мы сможем выяснить, чем занимался Аллан и это поможет выйти на его местоположение, то тогда я смогу избавиться от компании Анджелы.

— Ты ведь только что говорил, что ты у нее один, а уже хочешь избавиться?

— Да, один. Вот только при всех своих супер способностях я не могу следить за ней двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Так что я все таки предпочту передать ее с рук на руки в самое ближайшее время.

— Чем тебе так не угодила твоя родственница? Милый ребенок.

— Этот милый ребенок прям таки магнит для всяких Trusdar. Только на моих глазах она нарвалась на таких дважды, а пока впервые добиралась до меня, тоже не осталась без ненужного внимания Blaignard.

Я уже молчу про ее попытку убить меня.

— А ты не думал, что это совпадение?

— В нашем мире не бывает простых совпадений и ты это прекрасно знаешь, — микроволновка пикнула пару раз, сообщая о готовности молока.

— Думаешь, что-то серьезное?

— Вполне может быть, — я достал довольно горячую кружку и водрузил ее на поднос. — Особенно на фоне пропажи ее отца. Но пока это все дела смертных и я не желаю вникать в них сильнее, чем уже есть. Не мое это — людей защищать. Для этого подходят какие-нибудь более братские организации.

Борода скрыла мой смешок.

— Подожди, — недоуменно произнесла Вероника, — ты же не предлагаешь нам о ней заботиться?

— Почему бы и нет? Она все равно знает о вашем, да и нашем, существовании, — мой взгляд уцепился за торчащий из стены нож, который я тут же поспешил извлечь.

— Но Аллан говорил... — неуверенно начала Охотница, но я ее тут же перебил:

— Аллан об это даже не догадывался.

— Даже если и так, у нас нет свободных людей для того, чтобы присматривать за ней, — Вероника отдала распоряжение кому-то из подчиненных.

— А как же неопиты? У них еще нет серьезных вызовов. Вот пускай они и нянчатся.

— У них есть своя работа. Тем более, что с неопитами у нас плохо обстоят дела. Новичков давно не было.

Тоже верно. Такая работа как Охотник не предлагается первому встречному и объявления о наборе не разместят в газете или же в сети, так что рекрутский процесс происходил медленно и степенно, что означало малый процент новобранцев. А как хорошо им было в средневековье. В чертовщину не то, что верили, легенды о всяком непонятном передавали из уст в уста и в неопиты брали любого мало-мальски одаренного олуха. Кстати, об одаренных олухах.

— А как же Дункан? Он не показался мне таким уж старым.

— О ком ты?

— Дункан. Молодой Охотник, с которым я пересекся на днях, — правда он об этом не помнил, но это мелочи. — Худощавый, наглый, взъерошенный, весьма находчивый.

— Моррисон, у нас нет Охотников, подпадающих под твое описание. Да и данных о встрече с нелюдями на днях не поступало.

— Ты уверена?

— Ты ставишь под сомнение мои профессиональные навыки?! — ну ведь точно сейчас Вероника приняла свою самую профессиональную выправку.

— Конечно, нет, — злить Охотницу лишний раз не хотелось.

— Так кто же твой новый друг?

Вот и мне было это интересно.

— До этой минуты я считал его одним из вас. Теперь — даже не представляю. Но вряд ли когда-нибудь мне представится возможность, расспросить его.

К сожалению или нет — молния дважды в одно место не била, а встречи Охотников и нежити это как раз как удар молнии.

— Чем ты сейчас займешься? — моя собеседница вернула разговор в первоначальное русло.

— Пока буду приглядывать за Энджи, — я глянул на поднос с легким природным успокоительным. — Все равно ничего другого мне не остается. Но прошу тебя как можно

скорее узнать всю возможную информацию об Аллане.

— Конечно. Ты ведь понимаешь, что Старейшины еще спросят с тебя за сегодняшнее?

— Всегда, пожалуйста. Меня давно не пугают старые маразматика.

— Забавно. О тебе они так же отзывались.

— Как мило с их стороны помнить обо мне.

— Еще бы. Ты же их любимец, среди всех Двенадцати.

— И они не забывают мне об этом напоминать.

С той стороны вновь послышались голоса. Вероника отвлеклась на них, раздавая указания, и отключила связь.

Ну что же. Из разговора с Вероникой я понял, что ничего не понял. Аллан влез в какие-то неприятности, что теперь, возможно, преследуют и его дочь. Или же все это на самом деле чистой воды совпадения и у Анджелы просто дико не везучая карма, притягивающая различную чернуху. Хорошо еще, что пока только человеческую.

Энджи продолжала сидеть на диване, тупо уставившись на экран телевизора, так и не выдавив из себя ни единого звука. Что странно, с учетом того, что транслировался очередной повтор сериала «Friends». А они никогда не могли надоест. Это я вам заявляю как существо, смотревшее их в оригинальном выходе и продолжающее пересматривать до сих пор.

Засунув мобильник в один из многочисленных карманов своих брюк, я удобнее взял поднос и вышел с ним в гостиную. Племянница встретила меня стеклянным взглядом. Мда. Куда же подевалась та нахальная девица, что без проблем завалила... почти завалила одного из бессмертных? Неужели горстка человеческих отбросов страшнее кровожадного вампира?

Да меня это оскорбляет до глубин темной души!

Поставив поднос с вечерней трапезой на журнальный столик, я занял свое прежнее место на соседнем от Анджелы диване.

— Сейчас ты выпьешь молока с медом и отправишься спать, — я не собирался с ней сюсюкаться, а потому мой голос был предельно деловым и серьезным. В нем не было места сочувствию или еще каким глупым эмоциям. — Как бы это не было противно нам обоим, но пока я не разужнаю, что произошло с твоим отцом и где он, тебе придется быть здесь. Возражения не принимаются.

Как оказалось, на возражения у Энджи просто не было сил. Девушка вяло кивнула, добавила пару ложек меда в молоко и стала медленно его помешивать.

Ладно. Хотя бы так.

Я еще пару минут провел в гостиной, наблюдая за монотонными движениями ложки в белом напитке, но вскоре оставил племянницу наедине с кабельным телевидением, отправившись в свою спальню. Я продолжал слушать, отслеживая местоположение Энджи в радиусе квартиры. Уже в душе я услышал, как девушка выключила телевизор и хлопнула дверь гостевой спальни. Дождавшись, когда дыхание и сердцебиение Анджелы успокоится, сообщая о ее сне, я отправился в кабинет немного поработать.

Кажется, у меня появилась пара идей для следующего романа.

Мои пальцы бегали по механической клавиатуре, отстукивая замысловатый ритм, в котором каждый человек балующийся творчеством, легко мог узнать набивание пары сотен слов.

Последнюю пару часов я не отрывался от работы и строчил идеи, составлял планы и прописывал кое-какие мелочи. В общем занимался всем тем, что так любила моя

ненаглядная Рэйчел. Она просила что-нибудь новое — я ей это дам. А если повезет — то в больших количествах. Как правильно заметила Рэй — для этих тем у меня всегда были идеи.

Анджела, к счастью для меня, спокойно спала в соседней комнате, не отвлекая меня на разборки с очередными местными отморозками. Я продолжал поражаться тому факту, насколько умело этот ребенок мог находить неприятности не только на свою задницу, но и с улыбкой ими делился для задниц соседних. Прямо юное дарование на добровольных началах. И где же только сыскать еще одного такого же, одаренного?

Хотя, что это я? Я ведь встречался с таким же дарованием на днях, правда «дарованная» область была немного другой — с легкостью выводить из себя старых вампиров. Опять таки, кто еще лучше в этом — Дункан или Анджела — можно было смело спорить.

Кстати об Дункане.

Вероника сказала, что таких у них и в помине не было. Я был уверен в памяти Охотницы. Вероника была одно из немногих, кто добросовестно выполнял свои обязанности. Она с легкостью могла перечислить поименно всех Охотников и пересказать их личные дела так, словно они стоят у нее перед глазами. Что наводило на законный вопрос — кто такой Дункан?

Давайте размышлять логически.

Мальчишка знал, что я вампир, хоть и не знал о моем статусе. Нахал обладал всеми данными для того, чтобы быть неплохим Охотником. Он даже мог принадлежать одному из самых сильных кланов. Кланов... А ведь вопрос о принадлежности к клану заставил его напрячься. Может потому, что он и не принадлежал к какому-либо клану?

Да ну, бред. Охотники это не та сфера, где можно купить самоучитель и познать все тонкости дела в подвале родительского дома между выполнением домашнего задания и просмотром «Спанч Боба».

Тем более, что Дункан заикался о некоем «наставнике», который фанатично предлагает высекать каждого нелюдя. Я не спорю, что большая часть нашей братии, и я не имею ввиду исключительно вампиров, является мало привлекательно субстанцией и достойны только вил в глаз да пылающий факел в задницу. Ну так, чтобы соблюдать каноны.

Но были и вполне себе так безопасные создания. Не, все они тоже не прочь, конечно, поживиться чем-нибудь человеческим, но зачастую это могла быть, к примеру, прядь волос. Согласен, не всякому человеку приятно однажды проснуться и узреть в отражении не шикарную шевелюру, а нечто, напоминающее сдохшую крысу, но ведь это не повод пускать мелких проказников на удобрение.

Яркие вспышки за окном заставили меня оторваться от созерцания монитора и взглянуть на происходящее за стеклом.

Несколько ослепительных пятен маленьким смерчем пронесли туда-сюда, оставляя за собой след подобно миниатюрным кометам. Обыватель мог посчитать их каким-нибудь видом светлячков или просто игрой света, но я видел их истинный облик. Ощетинившиеся звездочки, бледных оттенков зеленого и голубого, с двумя парами разномастных крыльев — одни стрекозы, другие птички; с цепкими, крючковатыми ручками и такими же ножками; с фасеточными глазами, не упускающими из виду любую блестящую безделушку и улыбкой, такой очаровательной, что ей обзавидуются потомки пираний и барракуд — не кто иные, как пикси. Эти озорники были не больше цента, но их пронырливого, озорного характера вполне хватило бы не на одну стодолларовую купюру. Пикси были кем-то вроде сорок-клептоманов мира нелюдей. Они тащили все мало-мальски блестящее и сверкающее, порой

не особо разбирая, к чему же на этот раз протянулись их трехпалые ручонки. Если у вас внезапно пропали часы, запонки, ключи, серьги, кнопки и прочие отсвечивающие мелочи знайте — десять к одному, что это проказничают пикси.

Конкретно у этих вылазка оказалась не очень удачной. Судя по резкому подергиванию некоторых крылатиков, умники умудрились залезть в электрический щиток. Я же говорил, что их привлекает все яркое, а нет ничего ярче, чем электрические искры в ночи.

Один из пикси на полном ходу врезался в фонарный столб, разбросав вокруг себя сноп искр, недоуменно потряс головой и последовал следом за удаляющейся стайкой собратьев, время от времени ощущая на себе короткое замыкание.

Этой ночью малыши оставят после себя неплохой магический след.

Мысли снова вернулись к пропавшему следу от моей встречи с мордлаком. Ну не мог он просто так исчезнуть, не мог.

Руки уже пару минут безвольно висели над клавиатурой, ожидая нового потока творческих идей, но судя по всему, мой муза и вдохновение соизволили бросить меня и отправиться по своим делам. Неблагодарные.

Ну коль писательская сторона моего естества оставила меня на произвол судьбы, пора было вновь вернуться к основному своему занятию. А именно — патруль вверенной мне территории. Особенно с учетом того, что Анджела прервала меня.

Сохранив файл и отправив компьютер в режим ожидания, я вышел из своих покоев и бесшумно ступая, дабы не разбудить племянницу, забрал плащ и шарф с кухни. Из валяющегося рюкзака я вытащил и надел маску. Немного подумав, я вернулся в свой кабинет и открыл дверцу стеклянного стеллажа.

— Ну, здравствуй, старый друг.

Хранимый там предмет был старинным и вполне считался самым верным моим соратником. Мы вместе пережили очень многое еще в те далекие времена, когда я мог почувствовать на своей коже обжигающее тепло солнца, а крови он испил поболее моего.

Эфес плавно лег в ладонь, а лезвие звонко рассекло воздух. Я ощущал вес клинка и чувствовал его тепло. Когда говорят о личностных сущностях в предметах, особенно в таких старых, как этот, люди не врут. Клеймор был недоволен долгим простым, его мучила жажда, но он так же как и я был рад нашему союзу.

Я закрепил ножны своего друга за спиной так, чтобы они не мешались мне при перемещениях и я в любую минуту мог воспользоваться оружием. Меч занял свое законное место и я поспешил воспользоваться окном как дверью.

Я не был параноиком, но что-то частота моих встреч со всякими недомерками безоружным как-то возросла в последнее время. Я не хотел рисковать лишней раз. Лучше иметь и не воспользоваться, чем не иметь при необходимости.

Погода за окном была идеальной для скрытного перемещения. Падающий мокрый снег целенаправленно превращался в бурю из колких льдинок. Они врезались в меня, разбивались об полированную маску, стремясь загнать меня под крышу, загнать обратно в тепло, но это было выше их сил. Разбежавшись, я перемахнул на соседнюю крышу. Несколько минут спустя я уже находился на хорошо знакомой мне парковке и спускал на нужный мне уровень.

Как и несколько часов назад, здесь было глухо. Все таки слишком тихо. Я обошел вдоль стен и остановился у той, к которой был прикован. Ни трещин, ни сколов, ни лепкой гадости. Я перевел взгляд на цементный пол. Место, где сдох мордлак сияло чистотой. Да до нашей с Дунканом стычкой здесь было куда грязнее. Даже осколков стекла нигде не было

видно.

Ладно. Хорошо. Если бы были убраны лишь физические доказательства нашего нахождения здесь, меня бы все вполне устраивало, ведь это означало бы, что Чистильщики выполняют свою работу и не зря едят церковные сухари. Да вот только убирать магическое присутствие Охотники еще не научились. Они даже понятия не имеют с какой стороны подойти к этому вопросу. Таким навыком, стирать или скрывать свое присутствие, обладает очень малое количество живых и мертвых существ. За свое посмертное существование я сам с этим сталкивался только один раз и это чуть не стоило мне головы. А тут посреди оживленного города, под носом у вампира и Охотников. Здесь явно было что-то не чисто.

И чтобы разобраться, мне нужно было обратиться ко всем своим силам. А этого делать я не любил. Использовать в личных целях магию я откровенно считал слабостью. Когда ты не способен положиться на самого себя и прибегаешь к дешевым трюкам, ты спекся как личность. Не спорю, в повседневной жизни я использую вампирские способности, но как бы так объяснить?.. С посмертием мы получаем некий «бонус». Мы начинаем превосходить обычных людей в плане физических данных, к примеру, или же немного влиять на их сознание. Но это то, что необходимо нашему виду для выживания. Благодаря этим силам живется спокойнее и смертным и уже давно почившим.

А еще у каждого из моих братьев и сестер была одна легко узнаваемая, индивидуальная черта, передаваемая и их Прайду. Знаете, как в фильмах показывают — вампир обращается в стаю летучих мышей или там туман? Так вот, я знал тех, кто умел так делать.

Я никогда не задумался, почему у кого-то имена та способность, а не другая, но должно быть это как-то связано с подсознанием и личными предрасположенностями. У людей ведь тоже так. Есть те, кто из-за всех сил пытается, к примеру, стать чемпионом мира по бодибилдингу, но на всю жизнь остается ботаником. Тебе это либо дано либо нет.

Моей визитной карточкой была способность полного скрытия своего присутствия. Все вампиры обладали ей, но только я и мой Прайд могли скрываться не только от простых смертных, но и нам подобных. Бывали у меня прецеденты, когда даже стоя клыки в клыки, молодые кровососы не признавали во мне одного из глав Прайда.

Но даже так, я использовал порядка десяти процентов возможных сил. Знаете, как в компьютерных играх две шкалы: одна с жизнями (правда у меня они уходит далеко за рамки предполагаемого монитора), а другая с маной (тоже не маленькая, но все таки не в форме перевернутой восьмерки). Ежедневно с этой самой «шкалы» отнимается совсем понемногу, даже почти не заметно. Ну, по крайней мере до тех пор, пока меня не пытаются убить. Тогда то да, на восстановление уходит практически все и даже больше.

Того, что у меня сейчас было, вполне должно было хватить на единственный фокус, который умею делать, почему-то, исключительно я. Даже мои прайдовцы не обрели этого дара. А заключается он в возможности, при затрате определенного количество сил, на обнаружение скрытого любой сложности. Так сказать обратная сторона моего «бонуса».

Я размял шею и встал, заняв хороший упор. Закрывать глаза. Глубоко вздохнуть полной грудью. Прокусить ладонь и дождавшись первых капель крови, резко выбросить руку вперед. Открыть глаза, что к этому моменту приобрели оттенок дорогого рубина, и по новому взглянуть на окружающий меня мир.

Я чувствовал пространство вокруг себя через только что пролитую кровь. Она пульсировала, считывая информацию на тонких гранях, словно какой-нибудь нано-магический жучок. И все, что получала кровь, получал и я.

Я увидел еле уловимый намек на мой собственный след. Он тянулся по всему периметру помещения белесой дымкой. Старые следы почти рассеялись, а новые напоминали пар от чайника. Металлический привкус был четким и легко узнаваемым. Тут же, сильно заглушенный, словно его уперто пытались стереть, а в конце концов просто засосали в пылесос, след мордлака — липкий, вязкий, как тина на болоте со сладковатым запахом разложений и гниения. То еще, я вам скажу, ощущение. Чуть в стороне проглядывается след Дункана — словно закат он горит оранжевой вспышкой. Да только эту «вспышку» неплохо кто-то так «заляпал». И скорее всего этим неизвестным был обладатель колкого, как шиповник, следа цвета... да я даже не знал название этого цвета. Словно кто-то по пьяни смешал все самые мерзкие цвета и получилось это. И мерзких не в плане слишком ярких или броских, нет, а в плане отвратительных на вид даже для обитателя ночи. Оказывается, есть не только запахи, от которых выворачивает на изнанку, но и цвета.

И этот след был везде, пересекая все точки, где больше всего отметились и мы пару дней назад. Он словно перекрывал собой другие следы, а затем уходил на улицу. Но там не было смысла искать его дальше. Он слишком легко терялся на фоне тысяч таких же отпечатков жизнедеятельности других существ.

Я покачал головой, сгоняя излишки силы и мир вновь приобрел привычные очертания. Я выяснил все что хотел, убедился в чужом вмешательстве и больше мне здесь делать было нечего.

Я достал из кармана мобильник и глянул на экран. Единственный полезный мне виджет отсчитывал время от закатов до восходов. Еще парочка часов. Я вполне мог уже возвращаться домой, где меня ожидала по утру встреча с новым соседом в лице Анджелы.

Кстати, об Энджи.

В прошлый раз она оставалась всего лишь на ночь, но даже тогда мне понадобился комплект новой одежды. Сейчас же нам предстояло прожить вместе пару дней, ну может недель, и парой вещей с чужого плеча она явно не могла обойтись. Ей были необходимы вещи. Вновь обращаться к Прайду я не хотел. Это не их проблемы, что проблемы теперь есть у меня. А значит, мне нужно было срочно раздобыть кучу шмотья и не только. Грабить магазин а-ля «все для нервных девушек-подростков» я не собирался. Придется найти другое место. И такое имелось.

Выбравшись со стоянки, я направился к дому Аллана.

Я добрался за считанные минуты и решил повременить, с проникновением, проверяя на наличие посторонних. В дом могли как забраться воры, так и остаться кто-то из Охотников. Внутри оказалось пусто, но на фоне ритма спящих сердец, я услышал странную для такого времени активность и возбужденность. Любопытство заставило меня пройти даль и забраться на крышу соседнего дома.

На тихой улочки в окружении веселеньких домиков черный минивен, словно сошедший с экрана телевизора в момент трансляции «The A-Team», смотрелся явно лишним. Нет, это, конечно, могли быть чьи-нибудь родственники или даже какая служба, если бы не отсутствие опознавательных знаков и абсолютно черные стекла. Возле машины было трое человек, еще один за рулем. Водитель был спокоен как пересытившийся москит на берегу водоема, а вот двое его коллег явно начинали нервничать и злиться. Двое, потому что третий явно был не одним из них. Ну как-то не вязались у меня в сознании накачанные качки в черном, у которых даже мускулы имели свои мускулы, со стариком в разорванной одежде и запахом экскрементов. Хоть бездомный и был слабее, просто так влезать в незнакомый и

пугающий автомобиль он не горел желанием. Старик крепко держался за ствол дерева и ногами отпихивал от себя внучатых племянников Халка. Эти же двое ниндзя-на-допинге пытались оторвать его от спасительного древа, но при этом прилагали не так уж много сил.

Наблюдая за этим, я думал о двух вещах. Во-первых, почему бездомный все еще не привлек к себе внимание местных криком или громким шумом и, во-вторых, почему ему все еще не сломали руки-ноги, если он так нужен этим увальням? Я не имею ничего против старика, но согласитесь, ведут его похитители весьма не логично. Это все равно, что пытаться рыбачить на пустую палку и надеяться, что рыба сама запрыгнет к тебе в ведро.

Неподалеку кошка запрыгнула на мусорный бак, случайно скинув крышку. Это словно что-то переключило в качках. Один из них достал из кармана шприц и впрыснул его содержимое в шею старика. Тот еще пару секунд по сопротивлялся и обмяк. Если бы не еле уловимый стук его сердца, то он вполне сошел бы за мертвого. Ребятки перехватили свою ношу и закинув в грузовик, поспешили убраться с места преступления. Забавно, что в мире, где среди людей живут твари ночи, одиннадцать из десяти (да, да, их всегда больше, чем может показаться на первый взгляд) человеческих пропаж висят на самих людях. Поверьте моему опыту, люди, как никакая другая раса, умеют неплохо сокращать собственную популяцию. Им даже посторонняя помощь не нужна. Если бы не высокий уровень рождаемости, то вскоре и нам не было бы чем кормиться.

Проводив минивен взглядом, я вернулся к дому Аллана. Не очень героически, правда? Но я героем и не был, я вампир. Я не собирался бросаться в погоню как персонаж какого-нибудь комикса, чтобы спасти незнакомого мне человека. Не факт, что я бы и знакомого то спас. Да, у меня было оружие и способности. Да, я мог его освободить и заменить слегка память. Да я даже мог сделать так, чтобы эти трое усыновили старика и вечно опекали его, мог, но не собирался. Почему? Да потому что меня это никоим боком не касалось. Так что когда я, не особо разбирая, скидывал в свой рюкзак вещи Энджи, совесть меня не беспокоила на тему судьбы старика, Детям ночи нет дела до проблем живущих под солнцем, у нас и своих хватает.

Когда я вернулся в свою квартиру, до рассвета оставался еще час и я надеялся провести его с максимальным комфортом, а именно вздремнув.

Громкий и резкий вскрик вывел меня из царства Морфея, заставив вернуться в столь обременительную реальность. Внутренние часы умоляли не обращать внимание на внешний раздражитель, мягко намекая, что сейчас не самое подходящее время для пробуждения — каждая клеточка моего тела зудела от солнца за окном. Пусть я его и не видел, но я точно знал, что оно там. Называйте это шестым чувством. Ну, или у меня очень чувствительный датчик в...

Крик повторился и за ним последовал звук разбившейся вазы.

Не дают поспать в этом доме старому больному вампиру. Хоть в пансионат для ветеранов съезжай.

Из гостиной все чаще слышались посмертные звуки легко бьющихся вещей.

Я нехотя поднялся с постели и с ноги распахнул дверь.

— Mo chreach! Что здесь творится?!

Две пары глаз — зеленые и голубые — устремились на меня с другого конца гостиной.

Я тяжело вздохнул, в уме проклиная всех знакомых мне богов прошлого и настоящего.

— Анджела, опусти стул, — когда она только успела стащить его с кухни? — Как бы странно это ни звучало, он не кусается.

Загнанный на спинку дивана и как-то умудряющийся там балансировать, Зубоскал утвердительно закивал косматой головой и дружелюбно завилял хвостом, угрожая упасть со своего постамента в любую секунду.

— Но это же волк!

Ага, еще это не просто волк, а особо наглый и в конец оборзевший. Хотя и волк из него так себе. Вот только я решил не просвещать свою племянницу на этот счет — не хватало еще, что бы и в лохматого полетело что-нибудь опасное. И серебряное. Поэтому я решил не выдавать своего постояльца.

— А еще это мой домашний питомец.

Еще никогда не наблюдал столь синхронного удивления. Брови моих собеседников поползли поближе ко лбу, а вот нижняя челюсть устремилась вниз, на встречу с полом.

— Ваш... «домашний питомец»?.. — наконец смогла вымолвить Энджи.

Ее недоверие и скепсис даже как-то задели меня за живое. Ну, или за мертвое — на живого то я мало тяну. Да и принудительное пробуждение не делало из меня добродушного милягу.

— Я вампир, кого хочу, того и завожу как домашнего питомца. Захочу, будет волк. Не захочу — пятнистый саблезубый хомяк, — раздраженно бросил я.

Последние слова заставили Анджелу опустить таки стул, а Зубоскал рухнул на пол издавая звуки, подозрительно смахивающие на смех. Ну, ничего, гостиница для блох, я тебе это еще припомню.

— Что здесь вообще произошло, что вы заставили меня проснуться в...

Я на автомате поискал глазами хоть что-нибудь тикающее.

— Семь утра?!

Это кем надо быть, чтобы так измываться над вампиром? По всем законам мироздания, мифов и даже дешевых уличных романчиков я, как представитель детей ночи, должен спать

в это время. Спать, но никак не разнимать двух подростков.

— Я слушаю, — Зубоскал было дернулся открыть свою пасть, но мой тяжелый взгляд заставил его прикусить язык.

Насупившись, Энджи начала рассказывать:

— Он вломился в комнату и набросился на меня! — обвиняла Энджи лохматого во всех грехах. — Сначала он попытался разодрать одеяло, но ему это не удалось и тогда он нацелился на мое горло!

Девушку трясло от гнева, а виновник паники потупил взор. Пряма сама невинность.

— Если бы не мои тренировки, — продолжала Энджи, — я бы не спаслась! Я смогла сбросить его с себя, оттолкнув обеими ногами. А дальше в ход пошло все, что было под рукой.

Я оглядел пол. Ваза, вроде какой-то там династии. Расписное блюдо ручной работы. А вот за эти вот статуэтки я особо дорого заплатил дизайнеру. Неужели нельзя было швыряться чем-нибудь дешевым?

— Все? — поинтересовался я на всякий случай. Вдруг, Энджи решила утаить что-нибудь из спасения своей жизни.

— Все, — утвердительный кивок и яростный взгляд в сторону Зубоскала.

А тот в свою очередь виновато отводил слегка затуманенный взгляд. Зная его, я мог ярко представить, что на самом деле произошло. Блохастый вновь заявился под утром с одной из своих ночных вечеринок и не разбирая что да как, огреб по полной. Если вы думаете, что ваши домашние питомцы тихие и примерные зверюшки, хочу вас расстроить — это не так. Я сам бы в это не поверил, если бы однажды ночью этот ушастый не устроил в моей квартире настоящий собачий бордель. Первый и последний раз за время всего моего существования я наблюдал подобное действие: громкая музыка, разорванные подушки и разбитая посуда, вой на всю округу, кульбиты и танцы на задних лапах, кругом остатки корма и запах марихуаны (где он ее только достал?) Хорошо еще, что я тогда не нашел в своей спальне особо разгорячившуюся парочку. Тоже мне, устроили филиал Лас-Вегаса. С тех пор Зубоскал пытался вести себя как можно тише и приличнее. Ну и да, все свои «попойки» он проворачивал подальше от квартиры.

Как он попал «пьяный» в закрытую квартиру? Легко. Чтобы постоянно не работать для лопухого швейцаром, я установил специальный замок как раз на уровне его морды. Такой, что не найти, если не знать, что искать. Стоит Зубоскалу туда подставить свой ошейник, в котором установлен датчик, как считывается информация отворяющая замки, независимо от того, что дверь закрыта на ключ. Говорите, такое не возможно? Все возможно, когда у тебя не ограничены финансы и самый лучший в мире механик-программист. Точнее, лучшая.

Но вернемся к случившемуся. Отворив таким же образом свою дверь (такие замки есть на всех дверях в квартире, кроме моих спальни и кабинета), он, конечно же, сразу сиганул в кровать. Что-что, а комфорт этот слюнявый переносчик паразитов ценит превыше всего. И, само собой, он попытался забраться под мягкое одеяло, вот только не тут-то было. В постели обнаружился чужак. Любой бы подумал о плохом, но только не этот линяющий кобель. Судя по «попытке вцепиться в горло», что было ничем иным, как попытка облизать, Зубоскал принял Энджи за одну из своих суч... кхм... барышень. Да только «барышня» оказалась другая и смогла за себя постоять. И если он испытал на своей шкуре хоть в половину того, что и я, несколько дней назад, то любое опьянение с него давно уже вышибло.

Может, Зубоскал и сам виноват, но... Нет. Никаких «но». Он это заслужил.

Что же касается Энджи, то ей, как и всем представительницам прекрасного пола, свойственно додумывать и перевернуть факты. Что с нее взять — женщина. Пусть и еще маленькая, но проблемы от нее весьма велики.

— Успокойся и хватит бросать в его сторону все эти взгляды. Убить не убьешь, а вот зрение можешь попортить, — как же болит голова от всего этого. — Никто тебя убить не пытался. По крайней мере, не в этот раз.

— Но он напал!.. — начала возмущаться Энджи.

Не трогать. Не трогать, это твоя родня.

— Он просто собрался лечь спать у себя в комнате, — перебил я ее, нетерпеливо.

Анджела отрыла рот, чтобы вновь начать спорить, но замерла. Кажется, смысл моих слов все таки дошел до нее. Девушка покосилась на дверь за спиной, на Зубоскала и вновь взглянула на меня.

— У себя... в комнате? — скепсис и шок. Милота.

— А я говорил, что это не мое.

Анджела опустила на пол, продолжая ошарашено осматриваться по сторонам. Зубоскал, чувствуя свою вину и причастность, аккуратно подошел к ней и ткнулся мокрым носом в голое плечо. Энджи, не глядя на него, запустила руку в густую волчью шерсть.

— Вот и разобрались. Ясность на будущее — Анджела спит в комнате, а ты, — шепотку внушения в голос, — на диване в гостиной. И никаких возражений, уяснили?

Два синхронных кивка.

— Тогда я спать. И не приведи Господь — и не смотри на меня так, рыжая — вам снова меня побеспокоить.

Я захлопнул дверь и тут же напоролся на рюкзак с вещами Энджи, что я захватил у нее из дома. Что бы их всех, живых и мертвых. Распахнув дверь, я молча бросил рюкзак к ногам Анджелы, все еще сидевшей на полу в компании поскуливающей волчьей морды, и вновь скрылся в своей спальне.

— Сон, — бормотал я, снимая одежду, — мне нужен сон.

Еще никогда кровать не казалась мне такой шикарной и удобной.

Еле уловимый, на грани сознания стук. Что-то среднее между весенней капелью и отбойный молотком.

Я продолжал лежать в своей кровати, уткнувшись лицом в подушку.

Стук стал настойчивее и к нему добавились удары ногой по крепкой древесине.

Спать. Спать, так будет безопаснее для всех. Для гости в первую очередь.

Теперь каждый удар сопровождался негромким: «Хей!»

Родная кровь, помни об этом, старина Энди...

— Хей, мистер! — удар. — Хе-е-ей! Ми-и-исте-е-ер! — еще парочка ударов.

Держись Энди, держись.

— Мистер Отвергнутый!

Еще серия ударов с такой отдачей, что моя древенчатая защита стала сдавать позиции.

Вскочив с кровати я резко распахнул дверь.

— Я не «хей», не «мистер» и уж точно не «мистер отвергнутый»!

Анджела замерла с занесенной рукой для новой серии ударов и открытым ртом. Причем последнее было не от того, что я прервал ее на полуслове, а скорее от моего вида. Ну да, не

каждый день юная, чистая душа наблюдает голого мужчину на столь близком расстоянии. И плевать, что я нежить. Тело у меня еще хоть куда.

Лицо Энджи заливалось пунцовой краской со скоростью звука.

Mo chreach!

Я поднял с пола штаны и быстрым движением натянул их. Будь передо мной кто другой, я бы продолжал радовать внезапного зрителя столь щедрым зрелищем, но все таки Энджи была моей кровью и плотью. Пусть и довольно далекой.

— Что тебе надо? Я разве не ясно выразился? — девушка продолжала пребывать в коме. Я пару раз щелкнул пальцами у нее перед глазами: — Ау? Есть кто?

Энджи встрепенулась, словно мокрый воробей, пару раз моргнула и уставилась на меня. Хм. Ее глаза бегали по моему голому торсу, пытаюсь найти точку для продолжения дальнейшего диалога. Даже при всем ее смущении, девушка умудрялась буквально на секунду замирать на каждом из моих шрамов, коими я был богат: рассеченное вражеским клинком брюхо — если бы не умелые лекари, то я не дожил бы и до двадцати; две рваные раны на левом боку, точно под ребрами — подарок от молодого хряка в мои пятнадцать — молодчик оказался весьма жирноват и сочен; решетка шрамов разной глубины на правой руке чуть выше локтя — верткий попался Sasanach; шрам-ожог на левом плече — память о мушкетной пули, задевшей вскользь. Были и еще шрамы, но зеленые глаза уже не обращали на них внимания, замерев на уровне моего сердца. Там, где должна была красоваться сквозная рана или хотя бы уродливый шрам, были лишь витиеватые узоры цветы засохшей крови, складывающиеся в рисунок, который могли понять лишь подобные мне. Целостность моего сердца явно смутила Энджи, заставив ту наморщить лоб в раздумьях. Я усмехнулся и Анджела, вновь, как по команде, забегала глазами по моему телу. Наконец ее взгляд остановился на серебряном кольце, что я бессменно носил на мизинце правой руки. Так что во время разговора глаза Анджелы были направлены не на меня, а на дверной косяк над моей головой.

— Я хочу есть.

И из-за такой малости меня вновь подняли с постели? Бесчеловечно.

— Еда в холодильнике, холодильник на кухне, кухня в комнате. Извини, карты не дам, так что полагайся на свои топографические способности, — раздраженно бросил я, скрещивая руки на груди, заставив тем самым Анджелу смотреть на меня.

Личико моей племянницы, что все таки отдалено напоминало мне о моей покойной жене, выражала крайнюю степень презрения. Помню, у моей было такое же, когда мы с братом, после неплохой пирушке проснулись в хлеву среди свиней. Эх, были же времена.

— Холодильник не работает, а все, что там было — пропало.

Я взглянул поверх головы Энджи. Зубоскал, сидящий у кухонной двери и прекрасно слышащий наш разговор, утвердительно кивнул, поморщив морду.

Странно. Еще вчера все прекрасно работало.

Подвинув Анджелу, я прошел на кухню и внимательно обследовал кухонную электронику. Около морозильного гиганта ощущалось явное присутствие чего-то магического. Не к добру вспомнились недавние пикси. И когда только успели?

Я обернулся, чтобы узреть направленные в мою сторону одинаково голодные и выжидающие взгляды.

— Потерпишь до вечера, — я не горел желанием соваться под лучи солнца.

— Я не нежить, мне надо есть, чтобы не умереть, — раздраженно бросила девица.

— А мне надо спать, чтобы не случайно поубивать наглых рыжих пигалиц. Но что-то мы оба не получаем желаемого.

— Я хочу есть!

— А я спать. Закрыли тему, — я направился в свою спальню.

— Не хотите идти сами, отпустите за едой меня, — бросила мне в спину девчонка, заставив замереть на месте и резко развернуться:

— Чтобы потом опять тебя спасать?! Нет уж.

Я скрестил руки на груди. Племяшка тут же повторила жест.

Мда. Упрямство у нас в крови.

Мы прожигали друг друга взглядом, пытаюсь настоять на своей точке. Наконец, Анджела не выдержала:

— В конце концов, мне нужна не только еда, но и одежда.

Я немного опешил.

— Я же принес тебе целый рюкзак.

Анджела подошла к рюкзаку, лежавшему на диване и бесцеремонно высыпала его содержимое на стеклянный столик. Летний купальник, пара шортиков, которые больше походили на широкий пояс, три носка и один гольф, три бюстгалтера с рюшами, сандаля и кроссовок и наконец розово-голубая вязанная шапочка с помпоном.

Как-то я совсем не глядя вещи собирал. С такими пожитками она вообще никогда не выйдет из квартиры. С одной стороны, тогда она не будет влипать в неприятности, с другой — постоянное расстройство моей нервной системы.

Кроме того, как бы мне ни было противно от этого, девчонка была права — ей нужна еда. Молодой организм требует куда больше, нежели старый и окрепший. Я легко мог судить об этом по аппетиту Евы. Не ребенок — бездонная яма.

Отпускать ее домой было, на самом деле, вполне безопасно. Если Охотники и не были в самом здании, то уж по округе рассыпать наблюдателей они точно сподобились. Но до дома еще нужно было дойти, а Анджела неплохо так притягивала неприятности. С ней бы какого провожатого...

Я скосил взгляд на слишком уж довольную рожу Зубоскала. Наслаждаешься зрелищем, разносчик бактерий? Ну-ну.

— Я отпущу тебя хоть за едой, хоть за шмотками, — Анджела победоносно вздернула подбородок вверх, — но только в сопровождении этого лопухого.

Две недовольных мины.

— Я не хочу! — Энджи по-детски топнула босой ногой.

— А в чем проблема? По-моему, вы неплохо спелись на почве выпрашивания еды. Говорят, совместное времяпрепровождение позволяет сблизиться и лучше понять друг друга. Кроме того, — продолжил я, — если с вами что-то случится, он сможет помочь. В конце концов, он же обо..., — я остановился на полуслове и глянул на волка. Уши Зубоскала стали торчком, ловя каждый звук, — обожающий приключения волк.

Парочка скептически переглянулась. Оба были обижены друг другом и недовольны сложившейся перспективой.

А вот меня это вполне устраивало. Хотя бы на несколько часов я мог избавиться от двух источников своего раздражения, абсолютно не беспокоясь за их сохранность. Клыкастый действительно мог постоять и за себя и за другого. Не зря он уплетал свой корм.

— Вот и договорились, — я быстро прошел к себе, достал из валяющегося на полу

плаща бумажник и протянул его Энджи, увязавшейся за мной. — Синяя кредитка, код карты — двадцать пять ноль восемь. Запомнила? — рыжая голова неуверенно кивнула. — Вот и отлично. Свободны.

Я выставил племянницу из спальни и захлопнул дверь с такой силой, что на стене задрожала и осыпалась краска.

Пара минут тишины и с той стороны двери послышались быстрые сборы, звук шагов по паркету — легкие волчи и тяжелые, подростковые, открывающаяся и закрывающаяся входная дверь с не меньшей силой удара.

Девчонка с характером под стать нашей крови. Я был уверен, что в этот раз с ней ничего не произойдет, да и с покупками она справится. Любой современный подросток с легкостью оперировал кредитками покупая все нужное и не очень даже тогда, когда не знал PIN-код, а уж когда он состоит из даты твоего рождения — сами боги велели.

В какой-то момент в голове мелькнула мысль, а не обанкрочусь ли я за эту пару часов?..

Телефон трезвонил и вибрировал, угрожая устроить на тумбочке землетрясение в миниатюре. Звук нарастал с каждой секундой, превращаясь из незначительного шума на заднем плане, от которого ты с легкостью отмахиваешься, словно от надоедливой мухи, до воя разъяренного пчелиного роя, готового к атаке неприятеля.

Я не знаю, кем был тот смертник, посмевшийся вывести меня из состояния кратковременного покоя, но жить ему осталось не так уж много.

— Mo chreach! — проорал я в трубку.

В ответ лишь тишина. Неужели так просто напугал кого-то? Но трубку то не вешают.

— Успокоился, Моррисон?

Знакомый голос и знакомые интонации. Да вот только подача совсем иная.

— Что тебе потребовалось от меня? — я сел на крови, недовольно сбросив с себя одеяло.

— Встреча.

Я глянул на экран телефона. Судя по времени и тишине в квартире, моих подопечных не было около трех часов. За сохранность родственницы я не беспокоился — когда надо, Зубоскал прекрасно сходил за сторожевого пса. А при необходимости и за бойцовского. Но вот пробуждение в солнечное время дня меня нервировало.

— Это так срочно? Ты не можешь подождать до вечера?

— Внизу тебя ожидают.

В трубке послышались гудки.

Кому и где я в прошлом перешел дорогу, если мне не дают выспаться в моем собственном посмертии?

Разминаясь на ходу, я выбрал из шкафа самые приличные вещи имеющиеся в моем распоряжении — пара новеньких армейских ботинок, военные штаны зимней камуфляжной расцветки и черная футболка, на которой спереди был английский флаг с изображением руки с торчащим средним пальцем, а сзади красовалась надпись «F*ck Englishmen». Намотав вокруг шеи свой излюбленный шарф-капюшон, я набросил на плечи плащ и прихватив с тумбочки очки-авиаторы, вышел из квартиры.

В этот раз через дверь.

Как и было сказано по телефону, внизу меня уже ждали — два приличного вида бугая. Мальчики стояли по обе стороны от выхода. Правый был типичным перекаченным

стероидами быком. Прямо образчик мужественности. Нет, даже не так. Завод по производству тестостерона будет ему ближе. Внешность такая, что любой портрет из базы данных полиции или Интерпола будет ему как влитой. Лысый череп (не такой красивой формы, как у меня) покрыт сеточкой шрамов, руки-ноги не уступают по толщине конечностям слона, костюм из элитной ткани трещит по швам, прося пощады и молча сокрушаясь над своей судьбой. Никаких темных очков — и правильно, зачем портить такую «красоту» ненужным аксессуаром? Под кустистыми бровями уютненько расположились хаотично бегающие свинячьи глазки, пытающиеся уследить за всем и сразу. При виде меня, на лице этого малахольного бычка расплзлась кривоватая ухмылка, обнажившая ряд неровных зубов. Этот бастард союза человека и тролля не боялся меня, ощущая свою мнимую силу. И я слышал его сердце, что рвалось из груди, подобно псу, почуявшему аромат легкой добычи.

Этого переростка я не знал, чего нельзя было сказать о его спутнике.

В нем не было проявлений силы внешней, но одного взгляда брошенного на него хватало, чтобы понять — этот матерый волк даст фору не одному десятку волкодавов. Аккуратно уложенные иссиня-черные волосы с едва проявившейся сединой на висках, элегантный костюм без изысков и дешевых понтов, сидящий точно по фигуре, очки в строгой оправе, тонкая трость орлом на навершии — этот облик больше подходит банковскому клерку, нежели хладнокровному убийце. С другой стороны, по настоящему сильные мира сего, никогда не кичатся своими возможностями, предпочитая скрывать их до последнего.

Уильям, а именно так звали этого охранника, поприветствовал меня кивком и раскрыл над моей головой непроглядный черный зонт, загораживая от нехоти пробудившегося солнца.

— Мистер Моррисон, — Уильям жестом указал на припаркованный у дома черный Cadillac Fleetwood Eldorado 1967 года выпуска.

— Привет, Уил, — я протянул старику руку. Тот, не медля ни секунды, ответил на рукопожатие.

Уильям боялся меня. Боялся, до дрожи в коленях, до холодного стука зубов в тишине, до путешествия души в сторону пят. Боялся, но никогда этого не показывал. Своим профессиональным чутьем он понимал, что в схватке один на один он мне не соперник, но точно так же понимал и я, что эта добыча мне может слишком дорого обойтись и грань между охотник-жертва в данном случае совсем туманна.

Сердце Уильяма отбивало ровные удары. Ничто не могло заставить его биться хоть на йоту быстрее.

— Прости за футболку. Не знал, что эскортом будешь именно ты.

Убийца отмахнулся, мол, ничего страшного. Будучи англичанином, Уильям относился к тому редкому виду, когда англиканская кровь делает из человека порядочного джентльмена, а не порядочную свинью.

Бугай справа громко втянул воздух через нос, напоминая о своем существовании.

— Новая игрушка? — указал я на гориллу.

Мою шутку не оценили.

Лицо тролля налилось кровью и угрожало вот-вот лопнуть от внутреннего давления. Меня попытались бы расплющить прямо тут, на пороге собственного дома, но вовремя вмешался Уильям, спасая жизнь незадачливому коллеге.

— Мистер Грегори...

Надо же. У быко-гориллы было имя и он даже заслужил уважительное «мистер».

— ... извольте открыть мистеру Моррисону дверь.

Грегори тяжело задыхался, недовольный подобным раскладом, но поспешил выполнить поручение старшего.

— Прошу прощения, мистер Моррисон, за недостойное поведение своего подчиненного.

— Не переживай. Сейчас просто тяжело найти достойные кадры, — я дружелюбно улыбнулся, невзначай обнажая клыки. — Остается только возвращать самому.

— Мы, пока, предпочитаем старые методы найма. Но если что, мы всегда знаем, где вас найти.

Все таки приятно иногда вести разговоры с умным человеком, знающим себе цену.

Уильям не лукавил, упоминая наличие данных о моем местоположении. Конечно, по прибытию на место встречи, я воспользуюсь внушением, но когда в следующий раз вновь понадобится их нанимателю, то Уильям будет первым, кто вспомнит обо мне все. Все же его память я правил по меньшей мере раз пять и кое-что уже начинало давать сбой.

А вот молодняк был слабоват и не выносил и единичного вмешательства в сознание. При повторном упоминании обо мне у них начинались жуткие головные боли и шла кровь носом. Бедняги. После двух таких эксцессов наниматель Уильяма решил, что проще отправлять за мной каждый раз нового бойца, чем оплачивать счета за повальное лечение людей у психиатров и прочих работников медицинской сферы.

Как только я занял заднее сиденье авто, Уильям поспешил закрыть зонт и сесть на пассажирское сиденье возле водителя, коим был малыш Греги. С моей стороны стекла были предусмотрительно тонированы до непроглядной черноты. Меня и сопровождающих разделяла преграда из бархатной ткани. Тоже черной.

Я раздвинул края занавески, что заставило Греги нервно глянуть в зеркало заднего вида, в котором я один черт не отражаюсь и резко крутануть рулем. Повезло еще, что дорога была пустой.

— Мистер Грегори, — голосом Уильяма можно было дробить айсберги, — будьте любезны внимательнее следить за дорогой и не отвлекаться по пустякам.

Здоровяк кивнул и вцепился в руль обеими руками-граблями.

— Вас, мистер Моррисон, я попросил бы не нервировать моего человека. Было бы не очень приятно отскребывать ошметки мозгов с лобового стекла.

Уточнять чьи именно он не стал, но всем в машине стало не по себе, кроме самого Уильяма. Он был мастером своего дела и порой заставлял усомниться в своих силах даже такого монстра, как я.

Ехать в тишине я не хотел, потому, откинувшись на спинку сиденья, я решил себя развлечь разговорами «ни о чем».

— Ну как Греги, работа нравится?

— Мистер Моррисон! — голос Уильяма охладел еще на пару градусов. — Я же попросил.

— Я не нервирую, я интересуюсь. Смотри на это, как на вклад в искусство. Считай, что я собираю материал для своей новой работы.

— Как пожелаете, но прошу — ничего провоцирующего.

— Богом клянусь, — я сложил ладони в молитвенном жесте и возвел очи вверх.

— Каким именно? — саркастично уточнил Уильям.

Я улыбнулся, подобно голодному хищнику, хотя мои собеседники и не могли этого видеть.

— Ну так что, Греги? Большой Брат дал добро на болтовню со мной. Нравится работа?

Большоголов с сомнением глянул на начальника. Пульс Грегори участился, но теперь это было признаком пошаливающих нервишек. До паренька наконец стало доходить, что я не так прост, как показалось ему вначале.

— Нормуль.

Смотри-ка, говорящий.

— И заработок тоже?

— Агась.

— И места интересные? И люди новые?

— Бывает.

Да уж. Интеллектом это создание не блещет. Интересно, а предложение длиннее одного слова он вообще способен генерировать?

— Как думаешь, — начал я самым елейным голосом, на который был только способен, — успеешь меня остановить, если я сейчас попытаюсь свернуть тебе шею?

Машину снова повело в сторону, так как Грегори на ходу попытался развернуться в мою сторону, но вовремя спохватился и вновь вцепился в руль. Я же заработал неодобрительный взгляд от Уильяма.

— Мистер Моррисон!

— Все-все, молчу, — но молчать мне абсолютно не хотелось. Меня вывели из состояния сна, я же буду выводить их из состояния спокойствия. Не одному же мне страдать. — Ну, а что нового у тебя, Уил?

— Все по старому, мистер Моррисон.

— Как жена? Как дети?

— Живы-здоровы. Люси занялась вышивкой и раздает свои творения всем знакомым. Не желаете приобрести милую композицию с весенним полем на рассвете?

— С удовольствием. Вставлю в рамку и повешу в гостиной. В следующий раз непременно привези.

— Непременно. Николас поступил в колледж и наслаждается свободой от родительского дома, — продолжал рассказывать Уильям, делаясь личным с интонациями любящего семьянина. — А малышка Кетрин со дня на день должна осчастливить всю семью первенцем.

— Поздравляю, — искренне произнес я. — А здоровье твое как?

— Не жалую, благодарю.

Я замолчал, а затем, не меняя интонации, поинтересовался:

— А колено?

— Вашими молитвами, мистер Моррисон, Вашими молитвами.

Уильям не подал виду, но я заметил, как руки убийцы сжались вокруг рукояти трости.

— Прибыли, — бросил Грегори, глуша двигатель.

Мой эскорт первым покинул машину, чтобы в следующую минуту открыть дверь и раскрыть над моей головой все тот же черный зонт.

— Прошу, — Уильям учтиво следовал рядом, не позволяя солнцу коснуться моей кожи. Хромота абсолютно не мешала ему держать со мной один темп.

Грегори недовольно сопел в паре метров от моего затылка.

Местом, в которое меня привезли, оказалась уютная кофейня отделанная в бежево-коричневых тонах. Круглые столики на две-четыре персоны да мягкие кресла. Приглушенное освещение и аромат свежесваренного кофе располагали к умиротворению и неспешным беседам. В кофейне, помимо работающего за стойкой баристы и девочки-официантки, что встретила нас на входе, был всего лишь один посетитель.

Человек в дорогом черном костюме, сидящий за дальним столиком и попивающий двойной эспрессо, приходился моим сопровождающим хозяином.

Точнее, хозяйкой.

Рэйчел Саливан оторвалась от стопки каких-то документов и одарила меня лучезарной улыбкой.

— Нет! Отпустите меня!

Девочка пыталась вырваться из рук нападавших, но что может слабое дитя, против трёх взрослых мужчин? Не стесняясь в методах, один из них вывернул упёртой жертве руки. Хрустнули суставы. Из глаз ребёнка брызнули жгучие слезы.

— Нет!.. Умоляю!..

Речь несчастной постоянно прерывалась вскриками. Опухшее от ударов лицо давно уже потеряло свою былую привлекательность, превратившись в один сплошной раздавленный овощ.

— Нет!.. Мама!.. Папа!..

Второй истязующий кромсал одежду девочки острым ножом, не заботясь о том, что с каждым ударом рассекал не только лёгкую ткань летнего платьица, но и хрупкую кожу жертвы.

— Отпустите меня!.. Я хочу домой!.. Домой!..

Третий мужчина, что всё это время удерживал ребёнка в своей стальной хватке, резко оттянул заляпанные кровью белокурые волосы жертвы и обнажив жёлтые, кривые зубы, впился в нежную плоть.

— Это всё?

С десятков мелких кристаллов с бледно-сиреневым светом медленно кружили над шершавыми лапами.

— Да, Мастер Крови.

— Негусто.

Кобольд пожал хрупкими, на первый взгляд, плечами и выжидающе смотрел на меня янтарными глазами без зрачков и век.

Стоящее передо мной существо в высоту было от силы метр и больше всего напоминало вставшую на задние лапы чумную, облезшую и немного взъерошенную таксу: участки голой, чешуйчатой плоти шли попеременно с клочками бурой шерсти, не давая точно определить, к кому же именно относится данный вид — к млекопитающим или же пресмыкающимся.

Из одежды, если её вообще можно было так назвать, на мелком были обрывки полиэтиленовых пакетов, картон, связанные проволокой разбитые бутылки. Замри он в темноте и даже подошедший в упор человек примет его всего лишь за кучу мусора. Запах от них исходил соответствующий.

Кобольды стояли бы на одной из самых низших пищевых ступенек среди нелюдей, если бы не одно большое, существенное «но». Насколько они считали всех вампиров Мастерами Крови за наше умение «читать» живительную влагу, так же и их, в полной мере, можно было назвать Хозяевами Каменных Душ. Стоило кобольду прикоснуться к камням, он мог буквально «прочитать» и показать «память» любого булыжника.

Я никогда не понимал, как они это делают, но для себя нашёл такое объяснение: всё в нашем далеко не радужном мире имеет свою частоту, энергетику. Кобольды, благодаря какому-то внутреннему камертону, свободно резонирует с частотой камней, перерабатывают её, изменяя, наверное, полярность и, пропуская сквозь свои кристаллы, создаёт некое

подобие голограммы. Да и кристаллы должны быть особыми. Обычные дешёвые камушки, такие как александрит там, или же рубин не подходят. Кристальные камни, прозванные среди нечисти «призмами памяти», были столь же редки, как и гули-вегетарианцы — где и как они зарождались, знали только кобольды. И потому, несмотря на свою природную хрупкость перед лицом вышестоящих монстров, кобольды неплохо процветали, используя свои способности для сбора любого типа информации.

Вот и я решил воспользоваться навыками одного такого крысо-ящера.

— Лиц не видно, — я раздосадовано почесал бородку.

Кривохвост слегка повернул лапы и парящие кристаллы изменили свои позиции. Изображение зарыбило, как старый телевизор, меняя ракурс невидимой камеры.

Лучше не стало.

— Ладно. Спасибо и на этом, — я достал из кармана дохлую крысу и кинул кобольду. Каннибализм или нет, но Хозяева Каменных Душ не брезговали мясом разносчиков чумы.

Кривохвост ловко поймал её крепкими челюстями и незамедлительно начал пережёвывать, успев спрятать призмы среди своих мусорных одежд.

Покинув заброшенный завод, я направился вверх по улице, в сторону центра города.

«Город-в-городе» — так назывался район старых заводов и полуразрушенных зданий, в котором я прибег к помощи кобольда. Целый мир со своими законами и порядками в отдельно взятом мегаполисе. Готов поспорить, в каждом уважающем себя городе, который кичится своим положением и имуществом, есть такой райончик, что словно покрасневший прыщ на заднице элитной порнозвезды привлекает к себе ненужное внимание. Объект, от которого хочется избавиться, да всё руки не дотягиваются. А в тех редких моментах, когда руки нужной длины, «прыщ» внезапно оказывается гнойным фурункулом со всеми вытекающими последствиями. Таким был и этот район, кишевший мерзавцами и отбросами всех мастей, начиная от мелких воришек и заканчивая борделями переполненными подсаженными на наркотическую дрянь секс-рабами. И самое жуткое было не то, что кто-то, в конце концов, попадал сюда из внешнего, цивилизованного мира (это было не редкостью), а то, что многие уже рождались здесь с гноем вместо крови. Неудивительно, что такое «милое» местечко стало прибежищем — да что там! — настоящей «землёй обетованной» для представителей тёмного племени. Потому происходящее здесь меня не особо удивило.

Вот уже несколько месяцев в городе орудовали психопаты, похищающие детей и сжирающие их. Сначала, это была одна девчушка за месяц. В следующем месяце пропавших стало уже трое. Затем снова всего одна жертва. Хищники меняли место расправы и количество убитых, но оставались верны своим предпочтениям — девочки лет десяти-двенадцати. Местные силы правопорядка окрестили их «Индианаполискими каннибалами», я же считал, что это дело лап кого-то из мордлаков. Но как люди не могли найти на месте голодных расправ улики человеческие, так и я не мог найти следов пребывания потусторонних сил. Даже глубокое прочтение следов выявляло лишь грязные, мерзкие потоки, словно я в канализационные воды с головой нырял. Идти по такому следу было для меня слишком тошнотворно, да и рассеивался он слишком быстро. Будь я кем-нибудь из Лунного племени, то поиски не составили бы труда, но обоняние вампира никогда не было столь острым, как его принято представлять в дешёвых экранизациях. А заключать

договор с одним из блохастой братии я не спешил. К сожалению, межвидовая неприязнь, столь часто используемая в мировой культуре словно дешёвая шляха, была не выдумкой. Не знаю, чем им так не угодил Отец Крови, но «лунатики» и «кровавики» друг друга не переносят.

За четыре месяца было найдено, в той или иной степени обглоданности, семнадцать тел. Много, неправда ли? Такое не могло не привлечь внимание общественности, Охотников и меня. Кто-то действовал на моей территории и я собирался положить этому конец.

Слабый толчок в бок и тихий голос:

— Простите.

Я проводил взглядом врезавшегося в меня мальчонку. Худощавый, в вещах на размер больше, да и те последней свежести, кепка по типу «копполы» — словно сошедший со страниц Оливер Твист. Ночь давно перевалила за два часа, так что вряд ли мальчишка был домашним. Скорее всего местный бродяжка, коими кишели здешние районы. Сбежавшие на улицу или же родившиеся прямо на ней, детишки промышляли мелким воровством для дальнейшего выживания и весьма преуспели в своём деле — мало кто из пришлых оставался при своих деньгах.

Я кинулся ощупывать свои карманы.

Так и есть. Этот маленький Tolla-toine обчистил меня. Гоняться за ним я не собирался, как бы ни хотелось — этот район был для меня пока ещё плохо изведанной территорией и искать здесь ребёнка, даже со своими сверхспособностями, тот ещё геморрой на задницу.

Эх, а там ведь были кредитки, наличные и документы. Серах явно будет вне себя от ярости.

Раздосадованный ухудшающейся ночи, я побрёл на ближайшее охотничье угодье.

— Хреновые у вас документы, мистер Моррисон.

Дождь заливал мне за шиворот и медленно, но верно портил настроение с каждой каплей. Нет, я, конечно, любил дождь, так как его тучи становились отличным щитом от лучей солнца, но пять часов подряд простояв на одной точке, словно каменное изваяние, всякая любовь проходит. Даже самая пылкая.

Для неё становится слишком холодно и склизко.

Поправив ворот плаща, я обернулся на голос.

На мусорном баке сидел мальчишка из «ГВГ» (так местные сокращённо называли «Город-в-городе»). Укутанный в мусорные пакеты поверх изношенной одежды он мало чем отличался от знакомого мне кобольда. Ну, может только лицом. У пацана наглости было куда больше, чем у крыса.

Нахал держал в руках мой бумажник, небрежно перебирая содержимое.

— Да вас бы словил первый же патруль с такой халтурой и упёк за решётку.

Я отвернулся. Мне было не до мелкого засранца.

— Не знаю, сколько вы заплатили за этот кусок дерьма, но явно переплатили. Ему цена баксов двадцать.

Мне тут же вспомнилось лицо того мошенника, что делал мне документы и цена в две тысячи зелёных. Губа непроизвольно дёрнулась, обнажив клык.

— Линии кривые. Печать смазана, — продолжал «Оливер». — Порядковый номер

вообще из воздуха взят. Да эти бумажки максимум, что на подтирание в сортире сгодятся.

— Много ты понимаешь, — непроизвольно буркнул я.

— Я — нет, — честно признался малец. — А вот некоторые из моей семьи живут за счёт этой работёнки. Я бы познакомил, да не с руки сейчас.

— Что, выгнали из дома за грязный язык?

— Язык у меня почище вашего, — недовольное шмыганье. — Сам ушёл.

Сдаётся мне, что семья этого нахала была только рада избавиться от такого сынишки.

В воздухе повисла тишина. «Оливер», судя по шелесту за спиной, развлекался с моим бумажником, раздирая его словно пёс кусок свежего мяса. Не знаю, что он нашёл в нём такого интересного, главное — отстал от меня. Я же не сводил взгляда с улицы, пытаюсь уловить хоть малейшие признаки остаточного следа. Правду говорят, что текущая вода худший враг магии. Дождь прибывает к земле обычные запахи, следы, чего уж говорить про сверхъестественные, куда более утончёнными элементами этого мира. Так что даже со всеми своими сверхштучками сейчас я ничем не отличался от смертного сталкера, выискивающего свою цель по объедкам в мусорном баке.

— А у вас есть семья? — неожиданно напомнил о своём существовании маленький прохвост.

Я же продолжил его игнорировать. Но похоже, моё молчание ему никак не мешало.

— Нет, вряд ли, — «Оливер» неплохо управлял с диалогом и сам. — Будь у вас семья, вы бы здесь не ошивались.

И кто из нас ещё ошивается? Пристал, как пиявка на болоте и медленно, но верно пьёт мои нервы. Не будь мой маленький Немезида ребёнком, давно бы уже валялся в куче мусора без сознания и без пары пинт крови.

— Может, жена? Или любовница? Любовник?..

— Жена, — вырвалось из моих уст, к удивлению, меня самого. — Была.

— Бросила? — понимающе-снисходительные интонации.

— Умерла.

Как-то внезапно тихо стало за спиной. Мальчишка даже перестал шуршать моими же поддельными документами.

— Простите, — неловкое бормотание, тут же сменившееся на прежнее лукавое любопытство: — А дети?

— Двое, — судя по всему, стоять мне под этим дождём ещё и стоять, так что я решил принять участие в беседе. Какое-никакое, но развлечение. — Дочери.

— Вы поэтому здесь?

— В смысле?

— Ну, из-за этих маньяков-каннибалов. Они девочек предпочитают. Боятесь за своих девчонок?

— Можно и так сказать, — не буду же я ребёнку всю правду выкладывать. Тем более что это была не совсем ложь.

Сзади послышался стук и хлопанье воды. Парнишка подошёл и встал совсем рядом, абсолютно не боясь меня. Либо я теряю хватку, либо пацан пережил достаточно в своей жизни, чтобы не ощущать в полной мере исходящей от меня *ауры страха*. Отличная врождённая, если можно так сказать, способность. Её пассивного воздействия вполне хватало для отпугивания мелкой нечисти и человеческой шпаны, а при усилении хватало сил морально побороться и с умелым хищником. Но «Оливер» словно и не ощущал её совсем.

Хотя при таком ливне это было и не удивительно. Способности прибавались к земле, как тараканы тапком.

— И давно вы тут так замачиваетесь? — Оливерахватило лишь на минут пять от силы. Вот незатыкаемый сопляк. Не зря его родня сбагрила куда подальше.

— Достаточно, — буркнул я. Моё терпение иссякало с каждой каплей, попадающей на моё лицо.

Хочу домой. Там, конечно, не пентхауз, но всяко лучше. Как минимум — там сухо и тепло.

— Достаточно для чего?

Нет, серьёзно, вот чем я провинил Богов? Не отвечаем. Это был сильно риторический вопрос. Знаю я тут один десяток божков, которым я, мягко говоря, дорогу перешёл не так и не тогда.

— Чтобы понять, что здесь ничего нет, — всё, пора сворачивать вахту.

— А как же они?

Оливер указал тощей ручонкой в сторону мусорных баков.

Возле отходов кружилось трое подозрительных типов. Ну, как подозрительных? Для этого райончика вполне себе типичные жители — рваные обноски, слои грязи и вонь, которую ни один дождь не скроет. Именно то, что я искал. И самое главное — следы крови. Уж что-то, а кровь я мог определить с любого расстояния и в любом состоянии. Считайте это профессиональным навыком.

— Стой тут, — велел я пацанёнку.

Мелкий, на удивление, не стал препираться, а молча кивнул, вытирая нос перепачканным рукавом.

Насколько хватало моих *сил* после многочасового замачивания, я незаметно подобрался к своим жертвам. Хотя, чего я скромничаю? Они бы всё равно не смогли меня заметить, если бы даже смотрели на меня в упор — *скрывать присутствие* я умел идеально.

Полы так называемых одежд были в крупных пятнах крови. Жаль я не умею определять, кому принадлежит кровь.

Что? Вы думали иначе? К вашему сведению я вампир, а не аппарат из медицинской лаборатории и только на взгляд не могу определять группу крови и её принадлежность. На глазок — нет, а вот если попробую на зубок, то как минимум могу различить животное прямоходящее от ползающего. Но что-то не прельщало меня эти обноски облизывать. Да и не к чему это. Есть метод куда лучше, старый как мир.

Я схватил ближайшего к себе мусорника за грудки и придавил к стене. Двое других тут же ринулись прочь.

— Стоять! — и добавим для убедительности *подчинения*.

Бродяги лишь припустили сильнее.

Мда. В такую погоду от моих *сил* толку мало. Да, я вампир. Да, обладаю дополнительными плюшками, которые неподвластны простым смертным. Вот только я не особо часто к ним прибегаю, чтобы они были развиты на должном уровне. Ну не люблю я всю эту абракадабру. И нечего смотреть на меня с укором. Вон, в смертных тоже заложены дикие потенциалы, да вот только я не заметил повального стремления становиться супергероями.

Пойманная жертва трепыхалась у меня в руках, безрезультатно пытаюсь освободиться. Наивный. Этот тщедушный был никем, по сравнению с моими были врагами.

Минуточку. Что-то он как-то сильно слабоват.

Пару раз встряхиваю ношу. Из-под замоток на лице слышится откровенный плач. Да в этом убогом веса фунтов девяносто-сто. Такой не справился бы даже с ребёнком, да и каннибальская диета располагает к более мышечно-массовой структуре тела. Всё-таки родное мясо усваивается лучше. А этот ел, похоже, последний раз с неделю назад.

— Кто ты такой? — спросил удав у мыши.

В воздухе запахло аммиаком. Мо chreach! Только этого мне ещё не хватало.

Встряхиваю бродягу ещё раз и заставляю того смотреть мне прямо в глаза.

— Кто. Ты. Такой? — вливаю *силу* в свои слова.

— Д-д-джерри, — хриплый голос человека, кутившего не один год.

Хех. А с мышью я не прогадал.

— Это ты с дружками охотишься на детей?

Бродяга с такой силой затряс головой, что я уж думал, она у него оторвётся.

— Что ты знаешь о похищениях?

— Ни-ни-ничего.

Так я ничего не разужнаю. Пару раз стукнул жертву об стену. Это должно поставить его извилины в нужное мне место.

— Я не-не-не знаю! — заверещал бродяга, пытаюсь выбраться из моего хвата. — М-м-мы ни при чём! Они п-п-появились внезапно! Р-р-распугали всех! Согн-н-нали нас с нас-с-суженных мест! Пришлось у-у-уйти в д-д-другие районы!

Так. Из этого лепета я смог кое-что выцепить.

— Кто они?! — ещё толчок.

— Т-т-твари! — всхлипнул несчастный, закрываясь от меня руками. — Уж-ж-жасные твари! Они п-п-пришли из ниоткуда! З-з-захватили склад!

Всё лучше и лучше.

— Какой склад?

— Твари! — завопил бродяга.

— Это я уже понял. Что за скла?..

Что-то тяжёлое обрушилось на меня со спины, отталкивая от моего вялого осведомителя. Я грохнулся в кучу хлама неподалёку, успев обернуться. Груда тряпья пожирала трепыхающегося бродягу. Я не верил собственным глазам. Двухметровая заготовка для стирки успешно запихивала в свою, как видимо, бездонную утробу, мою жертву. От несчастного вскоре остались только старые, дырявые ботинки. Заглотив последний кусок, постирушки обратили своё внимание на меня.

Я понятия не имел, как сражаться с этой хренью и потому сделал единственное верное решение — бросил в тварь ближайший мусорный бак. Тварь разделилась на две равные половины, пропуская снаряд сквозь себя.

Невесело.

И что мне делать с кучей белья? Отправить в сушилку?!

Тварь ринулась ко мне, напоминая цунами из одежды. Поднявшись на ноги, я принял на себя её вес, нанеся серию ударов. Для кучки бельишка эта шгуковина весила чертовски много. Перехватив монстра поперёк тела, я перебросил его через плечо. Точнее, попытался. Как и в случае с баком, тварь разделилась на части, не давая мне возможности как следует атаковать.

Думай, Энди, думай.

Я перекатился, увеличив расстояние между нами, и бросился к ближайшему зданию. Если я не могу убить эту тварь, то вот скрыться — легко. Стоило мне лишь немного надавить н а *силу*, как тварь потеряла меня из виду. Бельё покрутилось на месте словно пёс, пытающийся взять след, и... распалось.

Интересненько.

Я покинул своё укрытие и подошёл к куче лохмотьев. Признаков жизни оно не подавало. Пару раз пнув своего недавнего врага, я убедился, что на меня не кинутся чьи-либо портки. Опустившись на колени, я стал перебирать вещи, пытаюсь понять, что это было. Среди кучи разлагающейся прямо в руках ткани — как оно вообще не распалось ещё на подходе? — я обнаружил две интересные вещи.

Первой был небольшой камень странной формы, больше напоминающий ракушку. От камня шла волна сильной тёмной магии. Я аккуратно подцепил его более-менее целым куском тряпки и положил артефакт в карман. Надо будет показать его Кривохвосту.

А вот вторая находка была довольно мерзкой даже для меня. Помимо старых лохмотьев, тело монстра состояло из топов, платьев, юбок, гольф... Из того, что так популярно среди девочек-подростков.

И каждая вещь от и до была пропитана кровью.

Я поднялся с земли отряхиваясь. Стоило вернуться к мальчонке и что-нибудь *внушить* ему. Не каждый день ты становишься свидетелем подобной чертовщины.

У бака Оливера не оказалось. Как и во всей подворотне. На земле валялся мешок и кепка пацанёнка. В крови.

— Mo chreach!

Я сидел на крыше старого завода и осматривал его внутренне убранство сквозь грязное окно в центре. Камень-ракушка, поднявший против меня чьи-то потрёпанные шмотки, покоился в кармане плаща.

Когда я притащил злополучный артефакт к Кривохвосту, тот попытался дать дёру. Я ещё никогда не видел, чтобы от простого камня приходили в такой ужас: кобольд завопил на низких частотах, глаза его нездорово загорелись и зверёныш бросился прорывать себе путь подальше от меня прямо сквозь брусчатку. В общем, все признаки истерики налицо... морду.

Когда же я остановил его, схватит за шиворот, крысо-ящер долго молился всем знакомым богам и просил простить его за всё, что он сделал моему виду. Плачущий навзрыд зверь с зелёными соплями относится к списку моих нелюбимых зрелищ.

Не такой реакции я ожидал от Хозяина Каменных Душ.

Я прекрасно понимал, что камушек мне достался не простой. Не каждая галька способна поднять и вести в атаку неодушевлённый предмет. Тем более формировать из него что-то вроде тела. И жрать своих врагов, переваривая и делая частью тела. Артефакт был как минимум интересен и именно заинтересованность я ожидал увидеть в прищуренных глазах кобольда. А узрел лишь панику и трусость не свойственную расе, способной на равных говорить с верхушкой нечисти.

Лишь после пары встрясок и моих заверений о том, что я ничего дражайшей шкуре Кривохвоста не сделаю и даже оплачу его моральные страдания десятком сочных, упитанных крыс, я смог привести моего информатора в более-менее приличное состояние. По крайней мере, он перестал шарахаться от камня, хотя и отказался брать в его лапы.

А камушек оказался с секретом. Штопор Душ или же Телесный Покровитель. Довольно

редкий и весьма мощный тёмный камень, способный подчинить себе что угодно. Неважно, будь то голем или же мостовые сваи или же, как в моём случае, куча белья, камень буквально ввинчивался в предмет, объединяя его вокруг себя, создавая тело, душу, потроха. Короче — мастерил себе уютное местечко и выполнял любой приказ от своего хозяина. А приводилась в действие эта милая вещица дико простым способом — кровь владельца да заклинание на пару слов.

Даже как-то обидно за тёмную расу. Неужели нельзя было сделать для таких камней что-то посложнее, какой-нибудь предохранитель, чтобы всякий встречный-поперечный не пытался захватить мир с помощью протухшей пиццы или же не крал девочек силой ношенных труселей.

Как только кобольд указал мне путь, где стоит искать хозяев камня, прочитав его память, я отпустил Кривохвоста на все четыре стороны, а вот камушек оставил себе. Нечего добру пропадать, да и вообще, надо бы выяснить, как редкий камень очутился посреди города в человеческих руках.

То, что мои враги и похитители девчонок люди, я даже не сомневался. В действиях любого порождения ночи есть система, план. Заложенная с рождения программа. Выйти за её рамки не может никто. Даже страшная-тётка-в-чёрном не могла себе такого позволить, хоть многие и считают, что её поведение немного... того. Но это лишь видимость — даже самый беспорядочный хаос в руках тьмы превращается в порядок.

Но не в этом случае.

В поведении каннибалов не было системы, порядка, структуры. Такое ощущение, что они просто хватали первого попавшегося ребёнка и тащили к себе. В разное время, в разных местах, в разных сословиях. Только одно условие — девочка.

А потому я не мог понять, что внизу, привязанный к трубам, делал знакомый мне уже Оливер? Решили убрать свидетеля? Тогда чего сразу не порешили мальчонку у баков? Или девичье мясо им наскучило и рацион расширяют? Как бы то ни было, пацана нужно было вытаскивать. Малоприятная участь стать кормом для отбросов.

В грязном окне, кроме Оливера, больше никого не было видно. Считывать присутствие каннибалов не хотелось. И без *силы* я прекрасно знал, в какое дерьмо окунись, стоит мне лишь прибегнуть к способности считывать чужое присутствие. Да, навык полезный, но на участке, где долгое время творилось настоящее безумие и кровь не иссякала ни на миг, я мог *увидеть* нечто настолько мерзкое, что мне никогда от этого не отмыться. В бытность первых лет жизни после жизни я было дело сгупил и *взглянул* на чужие следы кровавых жертв. Блевал я тогда, помнится, с пару дней. И отвратные же это место, жертвенник. Особенно если дело связано с тёмной магией.

Кстати, о магии.

Хоть каннибалов было не видать, но вот кучи шмотья, мусора, объедков и прочего хлама на полу вокруг мальчика было предостаточно. Не сомневаюсь, что в одной из этих неприметных вонючих куч таится заветный камушек-поднимайка. Вот только пока эта дрянь не даст о себе знать, хрена лысого я её отыщу и смогу придумать, как расправиться. Хотя, к моей удаче, завод предоставлял неплохие варианты. Здание уже не работало, но плавильня была цела и, возможно, ещё функционировала. Может получится туда загнать для просушки агрессивное бельишко.

Дальше тянуть было нельзя. Я не знал возможности врагов, не знал, что меня ждало внизу, но жизнь пацана висела на волоске и как бы противно ни было признавать, в его

поймке есть и моя вина. Не будь я такой мегахаризматичной личностью и не привлеки я его внимания, ничего этого бы не было. С другой стороны, благодаря его похищению я наконец отследил этих ползущих гадов.

Намотав плащ на руку, я разбил стекло и прыгнул вниз. Да здравствует левитация! Я не спикировал зонтиком вниз, как это любят показывать в дешёвых фильмах, но вот падение своё притормозил достаточно, чтобы не сломать себе чего-нибудь. Я хоть и бессмертный, но не неуязвимый. За века нервные окончания не атрофируются, да и с чего бы? Регенерация им не позволяет. Так что боль я чувствую и очень даже. А то, что виду не показываю, так и не барышня на выгуле, от укола иглы в обморок шарахаться. Да я при жизни такое испытывал, что посмертие для меня лёгкая прогулка вдоль ручейка.

Оливер застонал. Парень наконец-то стал приходить в себя. Не знаю, чем они его так, но в отключке он пробыл добрых три часа.

Металлические переходы скрипели подо мной то ли от непригодности, то ли мне пора садиться на диету. По хлипкой лестнице я спустился вниз и *скользнул* к Оливеру.

— Эй, приятель, ты как? — я похлопал сорванца по щекам, пытаюсь привести того в чувства.

Некогда светлые волосы красные от крови. Понятно теперь, чего он в бессознанке был. Повезло ещё, что пацан не помер.

— Давай, приходи в себя, — то, что с расстояния показалось мне верёвкой, на деле оказалось ржавой цепью.

Я пару раз дёрнул, но сталь оказалась на удивление прочной. Из титания её ваяли, что ли? Слегка усилил давление и звенья поддались мне. Ха! Да я мастер-ломастер.

Оливер поднял на меня затуманенный взгляд, помотал головой, немного постанывая, и резко заорал.

— Монстр!

Фу, как грубо. Я, конечно, не писанный красавец, но чтобы так явно и прямо в глаза.

От кучи железяк, летящих мне точно в спину, меня уберегли *скольжение* и отражение твари в одном из многочисленных осколков на полу. Я обернулся, глядя на врага.

Нечто выпрямилось в полный рост. Его тело было собрано из кусков старых труб, ржавых бочек, болтов и шестерёнок. Словно удерживая всё это вместе, торс гигантского металлического червя опутывала цепь.

В прошлый раз мне пришлось сражаться с кучей обносков, теперь что, утилизированный трансформер? Я понятия не имел как справиться с его более мягким сородичем, как же мне тогда остановить этот конструктор?

Несмотря на свои габариты, а росту в этом чокнутом лего было добрых пятнадцать футов, передвигалась личинка достаточно быстро, чтобы я несколько раз подряд прибежал к *скольжению*, пока, в конце концов, не оказался на грани истощения и верхнем этаже, около огромного бака для раскалённого металла. К моему глубочайшему сожалению, булькающего горючего там не оказалось, а тварь не прекращала погоню. *Скрывать присутствие* не было смысла. Мне нужно было уничтожить тварь, я не играть с ней в прятки. Готов поспорить, стоит этому танку потерять меня из виду, как он займёт своё место около похищенного.

Я сглотнул солёную слюну, переводя дыхание.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Очень глупо было с моей стороны не поесть перед ходкой, но времени не было даже на перекус. Нужно было скорее найти пацана и каннибалов. Времени хватило только на

помощь от Кривохвоста.

Кстати, о кобольде.

Я нашарил в кармане плаща камень-ракушку и удобнее перехватил его. В голову пришла безумная идея, но лучше я не мог пока сформировать.

— Эй, консервная банка! — я швырнул в недовольную гадину обломок кирпича, что тут же стал частью чужого тела. — Ползи ко мне, немецкая колбаска!

Тварь издала угрожающий грохот цепями и ринулась ко мне.

Этого я и добивался.

Как только тварь оказалась достаточно близко, я швырнул в неё Штопор Душ, не забыв пробормотать заветные слова. Камень звякнул о металл и пропал под грудой железа. Пару секунд ничего не происходило, но затем тварь замерла.

Я злорадно улыбнулся.

Как там было? Часть корабля, часть команды? Посмотрим, как тебе понравится с раздвоением личности. Никто ведь не говорил, что Штопор может оживить лишь единожды.

Как я и предполагал — хорошо-хорошо, надеялся — две души, пускай и искусственных, не могли ужиться в одном теле. Меха-червя стало трясти, куски плоти разлетались, угрожая угодить и в меня. В бешеном танце монстр крутился вокруг своей оси, словно пёс, пытающийся ухватить себя за хвост. Не знаю, кем уж был создатель этого недоголема, но его кровь ни в какие сравнения не шла с кровью проклятого. Пара трепыханий и груды железа замерла на месте, словно ожидая новых команд.

Я не спеша подошёл к твари и похлопал того по «голове».

— Хороший пёсик, — куча мусора оставалась кучей мусора и не пыталась меня сожрать. — Охраняй.

Мусоросборник зашевелился, растянулся по поверхности перехода и вновь замер. Издали всё его тело выглядела как куча ржавого хлама, которой и являлась.

— Вот и ладненько.

Я вновь спустился к Оливеру. Пацан еле держался на ногах, запутавшись в кусках разорванной цепи.

— Держись, — я подхватил парня под руки.

Я *услышал* ещё одно сердцебиение и обернулся. В груди защипало. Я опустил взгляд, чтобы увидеть как по футболке расплывается пятно моей собственной крови.

Вот и делай после этого добро людям.

Не успел я отойти от одной дырки у меня в груди, как следом образовалось ещё две. Кто бы это ни был, стрелял он метко — первая угодила в сердце, вторая в лёгкое, третья в горло. Будь я смертным, точно бы издох, но лишь грохнулся на колени, в попытке регенерации. В ранах жгло, кровь медленно, но уверенно окропляла мою и без того грязную одежду. Дышать было тяжело и болезненно. А самое отвратное предстояло впереди.

Одной рукой опираясь о пол, второй я полез в рану на горле, вытаскивая пулю. Чувствовать шевеление пальцев в собственной плоти было... противно. Я ощущал себя школьницей-дистрофичкой, засунувшей пальцы в рот для опорожнения желудка. Глупо и болезненно. Но это необходимо было сделать, иначе пуля зарастёт вместе с тканями, став частью меня. Было такое в прошлом, теперь я предпочитаю не проходить рамки металлодетектора. Тяжело на каждый писк объяснять, что в твоём позвоночнике застряла пуля, а ты при этом ещё и не сдох.

Первая железячка упала на пол и заживление раны пошло куда быстрее.

Следом пошла пуля из лёгкого. Не к месту вспомнились упаковочные ленты из лопающихся пупырок. Металл звякнул о пол и дышать стало в разы проще.

Напоследок я оставил рану в сердце. Как ни странно, вот с ней бы я мог ещё долго ходить. Я, в отличие от киношных вампиров, от любой занозы в зад... в сердце копыта не отбрасывал и кучкой праха не обращался. Дырка и дырка в сердце, делов-то?

Пальцы быстро нащупали пулю и я без особых усилий вытащил её из себя. Это всяко проще, чем вытаскивать обломки раздроблённых стрел и болтов. Их пока все из себя выковыряешь, столько времени и нервов уйдёт.

Пока я занимался выборкой драгоценных и не очень металлов, владелец второго сердцебиения подошёл достаточно близко, чтобы носки его начищенных ботинок попали в поле моего зрения.

Сплёвывая кровь на полированную кожу, я поднял взгляд.

Мой личный Джон Бут был щенком, вошедшим в свой второй десяток, не старше. Дорогой костюм смотрелся неуместно, словно с чужого плеча. Малый явно привык к более просторной одежде, о чём легко можно было догадаться по тому, как он держался. Да и армейская футболка, проглядывающая из-под рубахи, была не к месту. В руках парень держал пистолет с глушителем. То-то я выстрела не услышал.

Больше всего стрелок напоминал мне... Бэмби. Да, он был поджарым хищником — упругое, сильное тело без излишней массы и ненужных бицепсов. Цепкий взгляд смотрит с интересом и беспокойством. Причём о последнем говорит не язык тела, а учащённое сердцебиение. С какими бы врагами он ни сталкивался в прошлом, все они были людьми, которые дохли от пули в сердце, а не смотри на него с усмешкой.

Да вот только чувствовалось, что довольно долгое время малый был далёк от привычных обязанностей — служить и убивать. Я чувствовал в нём родную душу, воина, готового ворваться в пыл сражения или тихо проникнуть в стан врага, но что-то в его повседневной жизни изменилось. Изменилась и его энергетика — среди стойкости затесалась лёгкая дымка неопытности, неуверенности, даже страха. Вот и выглядел этот мальчишка новорождённым оленёнком из детского мультика — еле стоящий на ногах, делающий

первые шаги. Когда-нибудь он вновь обретёт былую уверенность, отрастит рога, заточит клыки и когти — ха! Олень с клыками! Прямо кабарга! — вот только конкретно сейчас его неясная мне аура неопытности вообще никак не помогала. Убивать он был обучен и привычен. Тут он был как барракуда в аквариуме с мальками.

Щенок направил пистолет мне в голову. Точнее, в глаз. В упор. Мо chreach!

— Может не надо? — без особой надежды уточнил я.

Убийца лишь пожал плечами и нажал на курок.

Слава всем знакомым богам, что силёнок на *скольжение* хватило. Раны в теле уже достаточно зажили, чтобы не доставлять дискомфорта. Замерев в новой точке, я встал в полный рост, разминая суставы. Жажда начинала влиять на меня, немного притупляя сознание. Вот каким нужно быть идиотом, чтобы полезть в логово врага без подпитки? Правильно. Нужно быть лысым, самоуверенным идиотом. Последний раз я ел несколько дней назад и в обычной ситуации, это было бы приемлемо. Мне не приходилось питаться так часто, как любят рекламировать телевизионщики. Вот только это в обычной ситуации, а не когда я проторчал уйму времени под меня дождём, дважды ввязался в убийственные салки с мусорным монстром и вдобавок схлопотал три пулевых ранений.

Наверно, я мог бы это предугадать. Наверно. Если бы так было каждый день. Но мать вашу, это был самый неудачный, грёбаный день за всё время пребывания в этом злосчастном городе!

Я намеренно выпятил грудь вперёд, демонстрируя молодому вояке целостность своего тела, и огрызнулся. Торчащие клыки были под стать рубиновым глазам. Мой дух требовал крови и разрядки. И я с радостью был готов утолить его желание.

Я бросился вперёд, готовый протаранить своего врага. По-варварски, но эффективно.

Мой противник не стал ждать, когда я снесу его своим весом, помноженным на вампирские штучки. Не раздумывая, парень всадил в меня ещё с десятков пуль, опустошив магазин и отбросив бесполезную железяку в сторону. Я был быстрым, но голодным и кровоточащим. Он — опытным бойцом, сражающимся за свою жизнь.

Парень оказался проворнее.

Как только моё снаряжённое тело достигло точки назначения, парень ловко увернулся, перекатившись в сторону, и метнул мне в спину нож. Ещё несколько.

Мо chreach! Как же меня бесит этот зарвавшийся щенок!

Я напоминал ёжика, наткнувшегося на собственные иглы — спереди дыры от пуль, сзади торчат рукоятки метательных ножей. С каждой пролитой каплей тёмной крови, я становился злее, агрессивнее, неконтролируемее. Вот только согласно правилу обратной пропорциональности, чем больше я желал его крови, тем слабее становился сам. Вампирские силы не из воздуха берутся, нам тоже кушать хочется. Пусть и редко, но метко.

Я попытался дотянуться до ножей, но руками не вышел. Все лезвия вошли ближе к позвоночнику, а при моей комплекции не так-то и просто почесать себе спинку.

— Не сдох, — произнёс мой противник, наблюдая за моими потугами.

Я медленно развернулся к сосунку.

— Sasanach... — процедил я сквозь сомкнутые зубы, узнав знакомый говор, пусть и подправленный за годы жизни в США.

Англичанин поднял с пола обломок трубы и встал в защитную позу. Его сердце стучало от страха, как старый двигатель дешёвой тачки, но мальчишка был способен взять под узду свои эмоции, особенно если от этого зависело выживание. Он не собирался бежать, хоть

перед ним и был монстр. Он был готов биться до последнего вздоха.

Очень скорого последнего вздоха.

Подцепив носком ботинка рядом лежащую трубу, я подкинул её, ловко перехватив руками. Биться в рукопашку против металлической трубы малоприятное занятие. Я запихнул свой голод куда подальше и взял сознание под контроль. Сейчас, с потерей крови и уймой затраченных сил на *регенерацию*, я не мог позволить себе ничего экстраординарного. Так что оставалось проучить юнца старым дедовским способом.

Я ринулся на противника, обрушив трубу сверху, которую тот без труда отбил. Сменив траекторию орудия, вояка попытался вломить мне в грудак, но я уклонился в сторону, нанося удар сзади. Однако ловкий засранец успел завести трубу через плечо и закрыть спину. Парень развернулся ко мне лицом, нанося удар сбоку, но я перехватил его запястье.

Ха!

Мой противник не растерялся, тут же ударив меня коленом в живот. Почти затянувшиеся раны вновь дали о себе знать, забрызгав пол кровью. Маленькая, но очень упёртая часть моего сознания, громко вопила бросить эти игры и уже растерзать щенка, словно ягнёнка. Вот только я был не диким зверем, подчиняющимся низменным желаниям и законам природы, а человеком, пусть и в прошлом. Чудовище — чудовищу рознь.

Да и противника моего ягнёночком не назвать. Он был тем ещё... бараном.

Я перехватил трубу привычным мне способом, сменив стойку. Мечник я в конце-то концов или нет?

Вояка повторил мой жест, но чувствовалось, что подобный хват ему непривычен.

Я злорадно улыбнулся, ринувшись в бой. Нанося удары быстро и чётко, как в прошлой своей жизни, когда я ещё мог наслаждаться лучами утреннего солнца, я заставил противника отступать, постоянно находясь в защите. Как бы в прошлом ни тренировали этого Tolla-toine, искусство фехтования в списке его обязательных занятий явно не числилось. Но должен признать, держался он неплохо. Англичашка пару раз даже атаковал, в надежде изменить ситуацию, но был отброшен силами меня любимого.

Ух! А мне даже начинало нравиться! Давно я не вёл бой на равных, пусть для этого и пришлось пустить мне изрядное количество крови.

Кстати, о ней. Если я хотел выбраться отсюда сам и вытащить мелкого воришку, мне как можно скорее требовалось испить чужой крови. И англичанин был как раз под рукой. Буквально. Я загнал его к одной из металлических лестниц, прижимая металлической палкой к груди. Он пытался сопротивляться, отталкивал меня, но даже без вампирских заморочек, массой я его превосходил.

Готовый укусить жертву, я потянулся к его шее и тут произошёл конфуз — выставленные в блок руки солдата не позволяли мне достать до столь желанной плоти. А дальше всё произошло молниеносно. Парень может и не догадывался о моей цели, но соображал быстро. Он приложил чуть больше сил, буквально немного оттолкнув меня, но этого хватило, чтобы резко ослабить давление и уйти вниз, заставив меня по инерции врезаться лицом в лестничную перегородку. Рот наполнился собственной кровью.

Mo chreach!

К дьяволу всю логику и здравый смысл. Я крутанулся на месте, низко припадая к земле и выбросив руку вперёд, схватил не успевшего отползти англичашку за колено. Немного усилий, приправленных гневом и жаждой, и чашечка раздроблена, лишая соперника к дальнейшему сопротивлению.

Надо отдать солдатику должное, орал он не так уж и сильно.

Англичанин, превозмогая боль, попытался ударить меня трубой в голову, но я с лёгкостью отбросил железяку в сторону, выбивая кисть из сустава и подтаскивая жертву ближе. Я нависал над ним, как паук над мухой, не позволяя ускользнуть. Мой вес позволял удерживать мальчишку без особых проблем. Да и боль в конечностях не позволяла ему особо сопротивляться.

Я дотянулся до горла врага, готовый вот-вот обрушить возмездие за весь нанесённый вред, когда краем глаза заметил движение. Несколько куч с мусором стали формировать тела.

Как же. Всё. Меня. Бесит!

В моей голове развилась бурная деятельность. Мысли копошились, как муравьи в разрушенном муравейнике или же как офисные клерки перед незапланированной налоговой проверкой.

Думай, Энди, думай! И как можно быстрее.

Я был один как минимум против трёх монстров, которые очень быстро впитывали в себя окружающий хлам, обрастая всё новыми частями тел. Три бульдозера против меня одного, слабого и бессильного. У меня в руках был источник свежей, живительной влаги, но я не смог в прошлый раз справиться с одной ползущей тварью, какие шансы что теперь я смогу разделяться с тремя, даже при полной подзарядке? И это не считая каннибалов. Кто-то ведь должен был поднять эти машины для натравки. То есть как минимум где-то скрывался один падальщик, стоявший достаточно далеко, чтобы я не *слышал* его. А если он не один? Двое? Трое? Десяток? Я мог справиться с людьми, подкрепись я воякой, но три чудовища, скорее всего, заставят использовать силы на полную катушку, сведя смысл убийство англичанина на нет. И я опять буду один против толпы. Неприятный расклад. А потому надо было действовать хитрее.

Испачкав ладонь в собственной крови — даже напрягаться не пришлось, крови из ран на груди было предостаточно — я поднёс её к лицу скривившегося англичанина.

— Облизывай!

Вояка посмотрел на меня как на умалишённого. Ну да, странное предложение. Особенно учитывая в какой ситуации мы находились. Но мне было не до телячьих нежностей. Я схватил его за челюсть, надавливая так, чтобы она достаточно раскрылась и попросту провёл кровавой ладонью по языку.

Фу!

Я слез с парня, сев рядом. Надеюсь, я не совершил ошибки.

Англичанин сморщился, сплёвывая. Да вот только вампирская кровь очень быстро усваивается чужим организмом, и неважно на какой стадии разложения находится жертва. Чего уж говорить о живом человеке.

Лицо солдата исказилось гримасой отвращения, кровь отлила, сделав его похожим на живой труп. На коже выступили бисеринки пота, а зрачки расширились, заполнив собой радужку. Несчастливого скрутило пополам и желудок избавился от содержимого.

Я прекрасно понимал и знал, что сейчас испытывал англичашка. Его морозило и обдувало жаром попеременно, не позволяя вздохнуть. Хотелось кричать, да только сил не было. Мерзкое состояние. Ничего, скоро пройдёт и парень почувствует себя лучше. Я не обратил его — не так просто это делается — но даже мала капля нашей крови способна дать

исцеление, пусть организм и против такой терапии. Но да, процедура не из приятных.

Всё это не заняло и десяти секунд. Англичанин резко сел, потряс головой и пошевелил вывихнутым запястьем. Всё было в порядке. В колене тоже кости срослись, но не факт, что как надо. Я всё-таки действовал по ситуации и мне некогда было оказывать парню медицинскую помощь. Он мог передвигаться и этого было достаточно. Плюс, пока моя кровь полностью не усвоится его организмом, он не будет чувствовать боль. Жаль эффект временный. Но этого было достаточно, чтобы остановить врага.

Ну, я надеялся.

Одна из тварей обрушилась между нами в попытке раздавить, но я успел отскочить в сторону, прихватив с собой и солдатика.

— Что это за хрень? — смачно выругавшись, спросил англичашка.

— Гусеничка-убийца. Хочет окуклиться за наш счёт. Хочешь стать её часть? — вояка помотал головой. — Вот и я так думаю.

Пока тварь разворачивалась для нового броска в нашу сторону, я быстро переместился, не позволяя ей прицелиться. Солдатик поступил так же, но в противоположном направлении. Правильно, так ей будет тяжелее схватить кого-то из нас.

Вторая тварь поползла в сторону мальчонки, который еле стоял на ногах, но ума у него хватило, спрятаться среди ржавых бочек и канистр.

А вот третья плотоядная скотина решила присоединиться к первой, выбрав целью мясистого шотландца. Вот чего я такой привлекательный-то для всякой шушеры, а?

— Слушай внимательно, англичашка. Эту тварь тяжело убить, но реально, — особенно если у тебя в кармане пиджака припасён гранатомёт. — Внутри этого конструктора есть камень. Если его уничтожить — тварь сдохнет. Уяснил?

Повторять дважды не пришлось. Вояка кивнул, поднял с пола приличных размеров обломок арматурины, попробовал как она держится в руке и ринулся на врага. Говорить о том, что к громыхающей скотине лучше не подходить даже не пришлось — у парня хватило ума сообразить, что от такой твари можно ждать всего. Англичанин ловко уворачивался от монстра, нанося тому дробящие удары.

Как там? Порхай как бабочка, жаль как пчела?

И англичашка жалил хоть куда. Какой бы быстрой ни была тварь, она всё-таки состояла из железа, а когда твой вес под шестьсот фунтов, особо не поакробатишь. Чего нельзя было сказать о моём недавнем противнике. То ли он от рождения был ловок, то ли военные навыки помноженные на вампирскую кровь возымели такой эффект, но скакал англичанин как заправский циркач. Пока тварь пыталась нанести хоть один удар, опрокинуться на солдата, поглотить его, тот успевал с десятков раз пырнуть её арматуриной. Кроме того, похоже парень в прошлом был неплохим игроком в бейсбол или крикет — привычным движением он замахивался импровизированной битой, выбивая из твари целые куски сборного тела. И к нашей радости, обратно эти конечности не стремились. Видать, магия камня срабатывала лишь на близкорасположенных предметах. А наличие радиуса это очень даже хорошо. Главное, не подпускать монстра на захламлённые участки завода, иначе тварь могла всосать в себя ещё дополнительные части, как гигантский пылесос-слонопотам.

В какой-то мере я чувствовал себя оскорблённым до глубины души — солдат справлялся с тварью не в пример лучше меня. Не бегает, дурацких поступков не совершает. А ведь это, скорее всего, его первая встреча с неизведанным. Хотя дело могло быть именно в этом. Я уже долгие десятилетия встречался вот с таким вот — ну, может, не прямо таким, но сильно

похожим — неизведанным каждый день и полностью полагался на вампирские силы и репутацию. А вот парнишка мог использовать лишь человеческий набор навыков, одним из которых, и, пожалуй, самым сильным был навык выживания.

Не зря многие из братии ночи сравнивали людей с тараканами — изведёшь кучу дихлофоса, а они один чёрт не сдохнут.

Но хватит думать о парне. Своих монстров надо побеждать.

Я прокусил ладонь, сцеживая свежей крови, прошептал слова и выбросил руку в сторону ожившей железяки, что слишком близко подобралась к Оливеру. Та уже дожидала последнюю бочку, за которой прятался паренёк, загнав того в угол, когда на неё сверху упала груда точно такого же мусора. Мой милый «пёсик» очнулся ото сна, чтобы выполнить приказ — охранять. Два этих громоздких создания толкались, бодались, давили друг друга, уж больно сильно напоминая толстых слизней, не поделивших сочный лист капусты.

Хотя в них было не только от ползающих. Сталкиваясь головами или тем местом, где она находится у обычных существ, монстры вырывали друг у друга куски и приращивали себе честно заработанный трофей. К чести будет добавить, мой монстр становился всё больше и больше, хотя тварь, созданная руками каннибалов, была упёртой — проигрывая кусок моему творению, она впитывала в себя разбросанный рядом мусор. Помните я говорил, что главное — не заводить их в захламлинные участки склада? Для своего укрытия Оливер выбрал именно такой. Я не знал, кто кого первый доковыряет, но мой монстряра давал мне приличную кучу времени.

А время мне было нужно в первую очередь для борьбы с моей долей ржавого мусоросборника.

И вспомнил я о нём очень даже вовремя. Машина подобралась достаточно близко, чтобы я начал беспокоиться за сохранность своего покалеченного организма. Эх, надо было испить крови солдатака хоть бы немного. Но ничего, я точно знал, что где-то в темноте скрывался каннибал и найти его — или их — была моя первостепенная задача.

А потому, не дожидаясь когда алюминиевая сарделька сожрёт меня, я ринулся в сторону самых тёмных, но достаточно близких, углов. Кривохвост намекнул, что у камня есть радиус воздействия, и за его пределами тварь не умирала, но вот контроль теряла. А потому каннибалу необходимо было постоянно находиться близко к своим созданиям. У моей зверюшки тоже был радиус, да вот только тёмная кровь позволяла иметь больший размах для манёвров, нежели у простого смертного.

И как же мне повезло, что поводок у каннибаловских консервок заканчивался на двадцати ярдах. Половины этого расстояния мне хватило бы с головой, чтобы *услышать* сердцебиение кукловода. К сожалению, из всех, скажем так, природных способностей, сейчас я полагаться мог только на слух. Я, конечно, не терял обоняние и зрение, но мой запас сил был практически на нуле, а чем ниже опускался бегунок на шкале моего здоровья, тем меньше во мне оставалось от зловещего ужаса ночи. Живым я не становился, но вот по ощущениям был к ним весьма и весьма близок. Слух был последним, что покидало меня.

Ну что, пришло время для стереотипного поведения из серии «вампиры — это летучие мыши».

Направив все свои силы в *слух*, я как мог быстро перебежал от точки к точке, держа своего преследователя подальше. Эх, мне бы сейчас *скольжение* очень пригодилось. Раз, раз, раз — и обшарил весь завод, убил врагов и спас принцессу. Но на мою неудачу, так бывает лишь в дешёвых фильмах и бульварных книжечках, где штампы и рояли в кустах спасают

положение. В моей жизни не то, что рояля, даже клавесина не попадалось. А так иногда хочется, а так иногда надо.

Я перебежал от одной лестничной опоры к другой, и в правом ухе зажужжало. О как. Похоже, и на мою улицу пришёл праздник и кто-то таки обронил дудку с клавишами [Так Энди обозвал инструмент «мелодику» — прим. автора].

Я отдался на волю своих чувств и чётко услышал звук бьющегося сердца, что пыхтело, словно бульдозер. Видимо, старик. Обычно уже в преклонном возрасте, мелодия сердца с красивых флейт сменяется «звуками улиц». Помню одного доходягу под девяносто, так там вообще кряхтела ржавая газонокосилка. А если это старик, то особо напрягаться не придётся — раз и сломанная шея. И никакой жалости. А откуда взяться жалости к чудовищу похлеще моего? Люди, конечно, являются и моим источником пропитания, так я хотя бы знаю и придерживаюсь столовому этикету, мусор и крошки из внутренностей и потрохов не оставляю.

Тарахтелка воспользовалась моим отвлечённым вниманием и сделала выпад вперёд, целясь в голову. Я вовремя заметил металлический щупалец, но в сторону перекатился всё-таки неудачно. Из лысины торчало четыре осколка ржавого железа. Судя по ощущениям, очков тридцать-то я собрал.

Mo chreach!

Либо я кого-нибудь сожру в ближайшее время для регенерации, что работает всё хуже и хуже, либо... кого-нибудь сожру просто потому что!

Хорошо ещё, что я откатился в правильном направлении и чужое сердце звучало громко и чисто. Я вглядывался в тени передо мной, пытаюсь найти источник звука, но глаза подводили меня. Скрипя зубами, я влил остатки сил в зрение, к чертям собачьим лишая себя регенерации и удача мне улыбнулась — я смог разглядеть силуэт своей будущей жертвы, пускай и не чётко, но теперь я знал, куда вгрызаться. Каких-то семь ярдов и я лицом к лицу оказываюсь с удивлённым, но ни капли не перепуганным мужиком, комплекции медведя гризли.

Немного не этого я ожидал.

Каннибал схватил меня за грудки, легко поднял над землёй и швырнул в сторону ближайшей стены. Как же всё болит. Хорошо ещё, что я успел развернуться в полёте, иначе бы все ножи-зубочистки, торчащие из моей спины, ближе познакомились с внутренними органами. В глазах плыло, в голове скакал табун динозавров, а рот был полон крови и, к сожалению, моей собственной. На периферии теряющегося сознания, в поле зрения я различил грязные армейские ботинки. Переросток с сердцебиением задохлика пару раз пнул меня в живот. Я скукожился, как какой-нибудь червяк, злясь на себя, на каннибала и на всю ситуацию в целом.

И эта злость захлестнула меня с головой.

Выбросив руки вперёд, я подтянулся к ногам Blaignard и впился в них клыками, раздирая штанину. От неожиданности и боли каннибал потерял равновесие и упал на пол. Свободной ногой он несколько раз пнул меня, но всё было без толку. Подобно пиявке, я впивался в живую плоть, не обращая внимания на окружающий мир. Для меня всем миром стала кровь, тёплым потоком разливающаяся по моему телу. Я чувствовал её каждой клеточкой, что регенерировалась с новым глотком живительной влаги. Сознание прояснялось. Слух, зрение, обоняние и, самое главное, сила возвращались ко мне. Когда в очередной раз каннибал попытался меня пнуть, я перехватил его ногу, ломая кости. Мужик

завопил, потянувшись к переломам. Я встал над ним, злорадно облизывая окровавленные губы. Кровь этого Trusdar была отвратной на вкус, горькой и терпкой. Мерзким подобием того, что я привык пить. Да и сам этот отброс общества был лишь подобием человека.

Теперь была моя очередь быть охотником и с этой ролью я справлялся куда лучше каннибала. Я схватил его за грудки, притянул к себе и испил. Лишь на последнем глотке я остановился, оставив немного крови, чтобы это ничтожество сдохло своей смертью, мучаясь. Лёгкой смерти от иссушения ему не видать.

Пара вздохов и каннибал издох. За спиной послышался шум падающего металла. Преследующее меня чудовище развалилось на составляющие. Связь крови была оборвана с последним ударом прогнившего сердца. Я подошёл к куче мусора, что ещё недавно пыталась меня сожрать, перебрал жестянки и нашёл заветный камушек в груди.

Спрятав Штопор Душ в кармане плаща, я воззвал к своим *силам*. Весь мир передо мной преобразился. Я слышал, видел и чувствовал его иначе. Англичанин превратился в сгусток живой энергии, что хоть и привлекала меня, но уже не столь манила, как несколько минут назад. Чудовище же, на моё удивление, теперь тоже виделось мне живым существом, пусть и источник жизни в нём был тёмным и искусственным. Ещё два таких сгустка бились между собой, загнав испуганного ребёнка, с сердцебиением канарейки, в самый угол.

Но самое главное, я *видел* два силуэта, притаившихся в тени заводских стен.

— Один — ноль, Blaigeard, — улыбнулся я, нацелившись на новую жертву.

Я не знал, какой именно из каннибалов руководил конкретным чудо-юдом, потому решил действовать проще. Схватив увесистый обломок балки, я на полной скорости, влив *силу* в ноги, врезался в ходячую свалку возле солдата, попутно размахивая своим оружием. Тварь разметало в разные стороны. Само собой, её это не особо остановило: куски тут же поползли друг к другу, сцепляясь. Но, во-первых, я дал англичашке шанс перевести дыхание, а то на нём уже живого места не осталось. Как он не стал закуской мусоросборника оставалось для меня загадкой. В навыке выживания парню можно было отдать должное. Не каждая полуночная тварь способна так держаться против превосходящего её по силе противника.

А во-вторых, разбивая монстра, я выяснил кто именно им руководит. Оказывается, связь была двухсторонней и каннибал-манипулятор ощущал сейчас не самые приятные вещи, чувствуя боль своего подчинённого. Более легковесная фигура согнулась от боли пополам. А вот и мой кукольник.

— Удачно пообороняться, — кивнул я вояке в сторону восстановившегося монстра.

Англичашка чертыхнулся, удобнее перехватил арматуру и первым напал на тварь, выбивая из неё очередной кусок. А хороший из него бы вышел бэттер [отбивающий в бейсболе — прим. автора].

Я *скользнул* к цели, неприятно удивившись, столкнувшись каннибалом лицом к лицу. В видении, что показывал Кривохвост, все трое виделись мне взрослыми мужчинами. Этот же был молодой пацан, не старше восемнадцати лет. Возможно, кристаллы исказили увиденное или плохо его запоминали. Возможно, причиной моей ошибки были многочисленные одежды на каннибале, визуальнo увеличивающие его габариты. А может, моё сознание просто отказывалось признавать среди этих чудовищ ребёнка. Хотя, стоявший передо мной был уже не ребёнком, а чистым зверёншем.

На коже, которую и можно было только на лице разглядеть, образовались волдыри и сгореть мне в лучах восхода, если они были не из примеси металла и камня. Один глаз

юного потрошителя покрывала белая плёнка, лишая того зрачка, а изо рта торчали самые настоящие клыки. Но запах, даже при моём, вампирском, обонянии, говорил мне о том, что передо мной человек. Станный, уродливый, пожирающий плоть других людей, но человек.

И сердце его звучало неправильно-старчески, как и у предыдущего терзателя малолетних девиц.

Каннибал издал испуганный вздох, когда моя рука сжала его горло, ломая позвонки. С этим я решил не тянуть, да и крови этого существа — язык не поворачивался назвать его человеком — что-то не тянуло пробовать. Мало ли, подцеплю ещё чего-нибудь.

Англичашка издал победный возглас, когда его жестяночный противник обрушился грудой мусора. Последний ещё не успел полностью распасться, а вояка уже обрушился на спину нового противника. Который, к слову, вёл себя неестественно спокойно. Неужели его поводырю было наплевать на союзников?

Но мне было не до внутренних отношений своих врагов. Моё дело маленькое — найти и убить. А в данном случае просто — убить, ведь искать особо и не надо. Пару раз *скользнув*, огибая сражающихся монстров и солдата, я очутился лицом к лицу с третий каннибалом. Ура, хоть в этот раз всё было правильное — старое сердце у старого тела. Вот только тело... Похоже, мать этого каннибала перепихнулась с големом или троллем, прежде чем разродиться этим бедолагой: в дырах старой одежды виднелись откровенные пласты камня, местами со вкраплениями какого-то минерала. Да и рожей каннибал не вышел — один в один тролль из сказок, с белесыми глазницами и клыкастым оскалом неровных зубов.

И снова — снова! — Мо *chreach*, от этой твари пахло человеком. Такого просто не могло, не должно было быть! Либо я схожу с ума, либо я только что открыл новую разновидность человека разумного и мясо пожирающего.

Троллолюд бросился на меня, не уступая, а даже превосходя меня по скорости. Огромными лапищами эта тварь обхватила меня и стала методично сдавливать, угрожая переломать пополам. Такого не покусает. Да и ударить его никак не получалось. Единственное, на что меня хватило в данном положении, так это дотянуться до кармана плаща и вытащив Штопор, пырнуть им каменного мамонта. Само собой, я сделал это так, чтобы оцарапать и собственную руку. Хрипя от боли, я прошептал заветные слова.

Людотролл замер на месте. Некоторое время ничего не происходило. Я уж успел подумать, что ничего не вышло и каннибал замер просто от неожиданности, как его затрясло, словно на электрическом стуле. Руки твари сжались сильнее, дробя кости, и я уже успел проститься с посмертием, но тело каннибала пошло трещинами и взорвалось.

Как же хорошо, что я уже мёртв, иначе бы точно отправился к праотцам. А так отделался лишь порцией каменной крошки, и таки вошедшими, от удара об стену, в тело клинками. Домочадцы будут недовольны. Им предстояло вытащить из меня все инородные предметы и чувствую, нежничать они не будут. Но это потом, а пока можно было насладиться победой.

Отряхнувшись, я осмотрел горстку камней. Штопор лежал сверху и просто ждал, когда я его заберу. Тоже было и со вторым и третьими камнями. Я собрал опасные артефакты, не забыв и про камень в собственном монстре — прощай, Пёсик, я буду по тебе скучать — и обернулся к единственным людям во всём этом ночном кошмаре. Вояка накинул свой потрёпанный пиджак на плечи пацана.

— Я не знаю, что это было, — англичашка кивнул на кучу мусора, оставшуюся от монстра, — но благодарю вас за спасение юной мисс, мистер Моррисон.

О как. Мисс. Девчонка хорошо шифровалась, принадлежность к женскому полу я всё ещё не мог в ней найти.

— Надеюсь, больше наши пути не пересекутся, — англичанин протянул мне руку.

— Это я обещаю, — я ответил на рукопожатие.

— Я никогда не забуду вас, мистер Моррисон, — произнёс, нет, произнесла Оливер.

— А вот в этом я неуверен.

Солдат напрягся, выступая немного вперёд и закрывая собой маленькую мисс, но я лишь дружелюбно улыбнулся. Я не собирался их убивать, всё-таки не после того, что мы пережили вместе, но и просто так дать им уйти я не мог. Я хреново умел влиять на память и рисковал сломать сознание двум людям, но иного пути не было. Они не должны были помнить о случившемся, иначе оставалась угроза разоблачения нашего мира. А о нём не должен знать никто. Даже если сильно хочется.

Я сидел в придорожном кафе, считая свои сбережения. Чуть больше ста баксов. Негусто. Без постоянной работы даже вампиру было тяжело. Вести более-менее приличную жизнь и не привлекать к себе внимание намного проще, когда окружающие видят в тебе странного соседа, а не ночной кошмар.

Закинув мелочь в новый бумажник — старый я где-то посеял со всеми документами — я перевёл взгляд на город за окном. Хоть на улице и был поздний вечер, люди продолжали сновать туда-сюда по своим чрезвычайно важным делам, которые по факту оказывались не более, чем пшиком иллюзий. Эдакие мурашки в стеклянном аквариуме в руках малолетнего ребёнка. Но это была их жизнь, их привычный ритм.

Кстати, о ритме. Город возвращал себе привычные устои, избавившись, наконец, от чудовищ, что терзали его на протяжении долгого времени. Прошло уже порядка трёх месяцев и люди постепенно стали забывать, а скорее даже и не хотели вспоминать, тех ужасных событий. Последняя жертва, что так и не стала закуской каннибалов, была благополучно спасена личной охраной и прибывшими на место происшествия бравыми полициями. Газеты несколько недель терзали эту тему, пока всем это не надоело. К слову, о лысом вампире и кучах ожившего металла не было и строчки. Значит, моих сил хватило, чтобы память англичашки и Оливера — я так и не узнал её имени — забыли основное без потерь для рассудка. Это радовало. Было бы обидно пережить жутких монстров и при этом скрючиться в больнице от неумелых манипуляций с разумом.

Люди, жившие в городе, не знали, какой же на самом деле ужас скрывался за пропажами детей, но вот местному отделению Охотников я оставил презент в лице малолетнего каннибала и записки о камнях. Сами Штопоры я благополучно передал на сохранность Кривохвосту. Облезлый сначала долго отпирался и лишь после моих слов о том, что никто так не сможет позаботиться об опасных артефактах, как самый лучший из Хозяев Каменных Душ, согласился их беречь ценной собственной жизни. Хотя от подачи в мордах десятка лабораторных крыс он не отказался.

Охотники же стали проводить массовые проверки, вот только как это часто бывает, чем больше шума — тем меньше результата. За два месяца работ удалось узнать лишь о ещё паре подобных случаев. Такие же каннибалы и кучи ожившей утвари. Почему об этих случаях не стало известно Охотникам раньше — не ясно. Я склоняюсь к версии, что это всё потому, что в тех городах не было своего вампира. Как бы прискорбно это ни звучало, но делами смертных чаще занимались жители иной стороны, чем поставленные на это дело люди.

Лишь с моего нагло пинка они стали шевелить своими толстыми задницами и работать.

Охотники обезоружили, а точнее, просто прикончили, с десятков людотроллей — да, в тех случаях так же был момент со странной видовой принадлежностью каннибалов — и отправили в архив такое же количество Штопор. И весьма сильно обиделись, когда поняли, что в моём послании самих камушков-то не было.

Ну, ой. Людям столь ценный и опасный артефакт я не доверил бы. Так что им хватит и тех, которые сами себе раздобыли. Хотя я не забыл намекнуть Кривохвосту, что если из Архива Охотников пропадут Штопоры, то у местных кобольдов начнётся безбедное существование. Ещё никогда я не видел столь явной борьбы между жадностью и инстинктом самосохранения. Жадность выиграла. Осталось дожидаться сообщения от крысо-ящера.

Как бы то ни было, дело затихло, когда Охотники вышли на барыгу, который и поставлял людям Штопоры, обрекая тех на скорую кончину. Изловив того несчастного и отправив в личные казематы, brave Охотники успокоились. А вот мне не полегчало. Меня продолжало беспокоить два вопроса, один из которых должны были себе задать и стражи света — откуда у обычного барыги, что ранее промышлял наркотой, взялась горсть редких тёмных камней-артефактов?

И второй, который беспокоил только меня. На каждого каннибала приходился один Штопор. Я лично отдал Кривохвосту четыре камня, но вот тел оставил после себя лишь три. Куда делся четвёртый каннибал, что пытался меня убить у мусорных баков? Но я и так сделал для людей слишком много, эти вопросы оставались на совести Охотников.

Я *услышал* два знакомых сердцебиения и перевёл взгляд с городского пейзажа на незваных гостей.

Возле столика стоял парень в дорогом костюме и очках. Строгая выправка и полная уверенность в себе и своих силах. Даже трость, на которую тот опирался, не портила этого ощущения.

За сам же столик, пододвинув к себе мой кофе, села девочка лет двенадцати. Золотистые волосы, недавно отросшие до плеч, уложены в красивую причёску. Платье дорогое, но без излишеств.

Девчушка улыбнулась и, бросив на стол мой старый бумажник, произнесла дико знакомым голосом:

— Ваши документы дерьмо, мистер Моррисон.

С тех событий прошло чуть больше двадцати лет, а я так и не смог понять — почему же тогда *стирание памяти* не сработало ни на Рэйчел, ни на Уильяме. Сказать, что я был удивлён, встретив их тогда в придорожном кафе, не сказать ничего. Ещё никогда способности не подводили меня. Даже столь малоиспользуемые, как игры с разумом. Нет, ну предположим на Уильяма они не возымели эффекта из-за наличия моей крови в его организме. Но это так, версия. И довольно слабая. Повторюсь — раньше *силы* меня не подводили. Никогда. Ну может за исключением редких случаев. Или когда я уставал...

Короче, они должны были всё забыть, а не искать меня все эти месяцы и найти. Найти, вы понимаете? Я же, Мо chreach, всегда гордился тем, что меня даже никто из дюжины не мог найти, а тут!.. Тут! Какой-то хилый англичашка и соплячка с дурным языком. В общем, я как мог избегал общения с этими дефективными. До тех пор, пока не познакомился с представителями семьи Рэйчел.

— Чего улыбаешься, лысый хрен? — миролюбиво уточнила Рэй, отпивая из кружки.

— Вспоминаю нашу первую встречу. Хорошие были денёчки, а? — я присоединился к Саливан за её столиком.

Девушка сморщила нос, словно почувствовала нечто мерзкое. Я лишь усмехнулся, обнажив кончик клыка.

Первую встречу с родственниками Рэйчел я помнил превосходно. Тяжело забыть момент, когда в тебя выпускают с десятков автоматных очередей и запихивают в мешок для трупов, а после ты приходишь в себя и оказываешься по шею в цементном растворе. Как в дешёвых фильмах про гангстеров. Хотя, почему бы и нет. Семья Саливан именно гангстерами и являлась. По крайней мере одна её сторона, по материнской линии. Не знаю уж точно, были ли у них итальянские корни — хотя, как же иначе, это ведь мафиозная семья — но на протяжении многих поколений семья Саливан держала город в своих руках, управляя его «тёмной» стороной.

Златовласка Рэйчел с детства жила в окружении шантажей, вымогательств, убийств, проституции и прочее и так далее по списку всех возможных правонарушений. Ни один из её мафиозных родственничков не упустил возможности засветиться в утренней прессе. Прямо звёзды воскресных выпусков. Насколько я знал, около девяноста процентов всех незаконных махинаций, проходящих в городе, шли либо непосредственно через руки «семьи С» — именно так предпочитали называть их и друзья и враги: не поминай всуе и прочая хрень — либо через сотни их доверенных лиц. Оставшийся десяток процентов, состоявший из мелких группировок и шантрапы, пытались лишней раз дорогу славному семейству не переходить.

Чего не скажешь о жителях ночи. Говаривают, что многие из полуночной братии так или иначе пересекались с законными беззаконниками. Там убийство, тут кража, здесь расчленённый труп. Суккубы, захаживающие в бордели и наслаждающиеся соками местных работниц, доводя последних до истощения. Крышеватели борделя долго не могли понять, какая же хворь поголовно косит их девочек. Не, не до смертного одра, но оплачиваемый отпуск брали часто и надолго.

Хех. Помню случай, когда такой суккуб зашёл в комнату, а там был один из братков и... В общем, братку понравилось. Вроде как раз после этого все болезни местных работниц и

прекратились, а вот у мафиози началась весёлая жизнь. Но это так, слухи. Я пытался быть осторожным и не встречаться лицом к лицу с людьми ни днём, ни ночью.

До того случая с каннибалами. И мешка на голове.

Как оказалось, причиной столь гостеприимного приглашения было любопытство Рэйчел. Пережив встречу с тварями той стороны, она не могла жить, закрывая глаза на странности. И хоть она и не любила прибегать к помощи своей семьи, своими упёртыми отказами я не оставил ей выбора.

В общем, в тот вечер у нас был долгий и не очень приятный разговор. Но в конце концов мы пришли к соглашению — я вместе с Прайдом спокойно живу в городе со всеми удобствами, но взамен обещаю держать семью С. в курсе всего происходящего. Более того, просвещаю их на тему иной стороны мира. И самое приятное — они об Охотниках знали, а Охотники о них нет. Как бы странно это ни звучало, я предпочитал доверить свою шкуру тем, кто сражался со мной плечом плечу, хоть всего и раз, чем тем, кто пытался убить меня не одно столетие, несмотря на Договор. Хотя не сомневаюсь, что к настоящему времени и среди Охотников, и среди семьи С были свои крысы. Слишком уж пересекались их интересы.

Возникает резонный вопрос — почему я просто не убил их всех, как только меня освободили из цементных кандалов? Ответ был прост — мне надоело. Надоело скитаться, прятаться, постоянно беспокоиться за своих дочерей. Да, я был нежитью, но мне хотелось снова жить, а не существовать в своём посмертии. И если ценой спокойствию будут ежемесячные встречи с малолетней Крёстной Матерью — не страшно. Я переживал и худшие вещи.

Как бы то ни было, мафиози сдержали обещание. В собственность Прайда перешла приличная квартирка в центре города. Это место стало первым, которое мы могли назвать Домом.

Кстати, то был единственный раз, когда я виделся с, скажем так, «тёмной» стороной семьи Саливан. На дальнейших встречах нас всегда было только трое: я, Рэйчел и несменяемый Уилл. Тогда-то в светлую головку Рэй и пришла идея, как именно воплести моё существование в ритмику города. При всей этой мафиозной чуши, Рэйчел оставалась ребёнком, что с упоением слушал истории о той стороне привычного мира. И когда ей стукнуло приличное количество годков, Рей поступила в местный институт на факультет журналистики, а затем, по окончании и вовсе открыла своё издательство, обязав меня стать его внештатным писателем. Уж больно ей нравились мои истории, хоть и не все шли на ура у читателей. Так продолжалось до тех пор, пока я таки не нашёл свой жанр.

Но это уже обо мне. Что же касается Рэйчел, она никогда не стремилась стать во главе своей семьи, хоть и продолжала время от времени пользоваться их услугами или выступать доверенным лицом в ряде случаев. Большую часть своего времени она ничем не отличалась от второй половины своей семьи — учителей, врачей, мелких политиков... мэра.

Как бы странно это ни звучало, но в какой-то исторический период, когда междоусобица надоела обеим сторонам закона, семьи породнились. Правда, они об этом узнали уже непосредственно в процессе: как у Шекспира, двое молодых влюбились несмотря на положение своих семей. Хе, вы бы видели лица родителей брачующихся.

В общем, с тех пор, как-то так повелось, что кто-нибудь из родни обязательно да между собой поженится, так что связь закона и беззакония продолжалась. И для города это было очень выгодно. Представителей семьи Саливан не перестали сажать за преступления, просто

сама семья пыталась как можно меньше вредить городу. Как итог: город был защищён с обеих сторон. Тяжело крутить свои махинации в месте, где ты либо заплатишься годами жизни, либо жизнью как таковой.

— Вот чего я не поживился тобой двадцать лет назад, а? — я почесал бородку, покосившись на телохранителей. Уильям даже бровью не повёл, а вот Грегги напрягся, не уловив юмора. — Ведь тогда не приходилось бы встречаться с тобой в подобных заведениях. Да и пёсики твои держались бы на домашнем выгуле. И, кстати, когда ты перестала брать к себе чистопородных кобелей, а снизошла до дворняг?

Я лучезарно улыбнулся Грегори, а тот с удовольствием бы проломил мне череп, если бы не трость Уильяма, перегораживающая ему путь.

— Заткнись, Моррисон, а? — уставши проговорила Рэй, отодвигая в сторону стопку бумаг. — И без тебя проблем хватает.

— Ну так давай я пойду, не буду мешать, — я попытался встать, но трость рядом стоящего Уильяма теперь упиралась мне в грудную клетку. А ловко он орудует палкой-то. Надо было ему тогда руки ломать.

— Всё бы ничего, если бы не маленькая деталь, — Саливан протянула мне верхний документ. На нём красовалась не очень чёткая татуированная макушка и рыжая копна волос. — Ты одна из этих проблем.

— Некрасиво подсматривать, — непринуждённо бросил я, отмечая про себя выяснить, откуда велась съёмка и прихлопнуть доносчика.

Я точно знал, использовать одного из своих ребят Рэйчел не стала бы, а значит это был вольный наёмник, которому лишь намекнули, где меня искать. Саливан берегла своих ребят, чего нельзя было сказать о пришлых. Ну, одним больше, одним точно меньше.

— Что ты хочешь? — не было смысла дальше развлекаться, нервируя местных мафиози. Быстрее всё решим, быстрее разойдёмся.

— Кто это? — улыбнулась Рэйчел.

— А то ты не знаешь, — я начинал злиться. — Давай не будем играть в эти кошки-мышки и сразу перейдём к делу, ради которого меня и подняли с постели. Я ни на секунду не поверю, что ты, как член семьи С не в курсе о каждом проживающем в твоём городе.

— В курсе. Вот только вопрос никак не поменялся — кто эта девчонка?

Интонации Рэйчел заставили меня усмехнуться и сменить гнев на милость.

— Рэйчел, милая, ты что, ревнуешь?

Mo chreach! Это была плохая шутка. Кончик трости, что продолжал упираться в меня, вошёл в мою плоть на добрый дюйм. Уильям там что, держит один из своих кинжалов? Рэйчел закатила глаза и жестом приказала Уильяму успокоиться. Лезвие покинуло мою кожу, но трость от груди не убрали.

— К чёрту твои шуточки, Энди. Ты правильно заметил, что я знаю всех и вся, а потому вопрос — откуда у тебя живая родня?

— Понимаешь, когда мальчик и девочка любят друг друга... — начал я, но Уилл снова ткнул в меня лезвием. — Да, понял я, понял. Сегодня вы не расположены к веселью. Где же ваше чувство юмора?

Рэйчел посмотрела на меня, как на последнего идиота. Я закатил глаза.

— Она моя племянница.

Я почувствовал на себе два скептических взгляда. Грегори, не знавший меня, не уловил нелепость этой фразы.

— Когда-то и я был живым. И я рассказывал тебе истории о своей семье. Той, оставшейся под солнцем, — Рэйчел кивнула, соглашаясь. Ещё бы, истории о мой бытности горцем ей всегда нравились. — Так вот. Она потомок моего брата. Она моя очень много праправнучатая племянница. Для простоты — просто племянница. Довольна?

Рэй удовлетворённо кивнула.

— Как давно она в городе?

— Это я у тебя спрашивать должен. Ещё пару дней назад я вообще не знал, что она тут. Так же, как и её отец.

Я замолчал на пару секунд, обдумывая сложившуюся ситуацию. Я вполне мог вынести из неё плюсы.

— Который, кстати, — продолжил я, — пропал. Случайно не знаешь куда?

— Пока нет, — я даже не удивился, что Саливан следила за всеми Охотниками и их перемещениями. — Но у меня сеть работает лучше, чем у твоих фанатичных друзей и вскоре мы его найдём.

— А как же разделять приятное с полезным и не пользоваться услугами семьи С? — я наигранно поцыкал.

— Во-первых, я ничего и не смешиваю. Ты ведь всё ещё относительно целый, — Рэй улыбнулась и её улыбке позавидовал бы любой вурдалак. Я непроизвольно почесал место недавнего укола. — Во-вторых, необязательно использовать мою семью. У меня достаточно влияния, чтобы действовать самостоятельно.

В этом я даже не сомневался.

Рэйчел передала мне новый документ. Я пробежался по нему взглядом. Сводка о недавнем происшествии в доме Энджи. Оперативненько работают. Тут были не только личности убитых мной, но и официальные рапорты Охотников. Интересно, а последние вообще в курсе, как «хорошо» они скрывают своё существование от простых смертных? Скоро дойдёт до того, что их даже дети смогут разоблачить.

— Ты, случайно, не знаешь, чего мелкие бандиты с окраин Индианы забыли в нашем тихом городке?

— Любуются местными достопримечательностями? — я успел перехватить трость Уильяма, прежде чем лезвие вновь коснулось меня. — Ха!

— Хватить паясничать, — проворчала Рэйчел.

— Хватить тыкать в меня иголками, словно в какую-нибудь редкую бабочку! — мои глаза блеснули алым.

— Ага, ночную, — Рэйчел придвинулась ближе и шлёпнула меня по руке, как нашкодившего ребёнка. — Ты сам тянешь время. И своё и наше.

— Ты просто не представляешь как мало развлечений в моём посмертии.

— Расскажи об этом трупам, что ты оставил тогда.

— Я это делал не ради развлечения, я тебе ни какой-нибудь Бригелла. Это исключительно ради защиты моей крови.

— Ты точно не знаешь, чего они хотели от рыжей?

— Прости, я как-то не успел поинтересоваться.

— А она что-нибудь говорит?

— Молчит. Она, вообще, не особо хочет идти на контакт, после того как узнала, что я вампир.

Грегори как стоял, так и грохнулся, запутавшись в своих ногах. На громадном лице

гулял страх. Похоже, мальчику не сказали, с кем он имеет дела.

— Уильям, налей выпить своему подчинённому, а то, не дай Боги, покалечится ещё. И убери уже, в конце-то концов, от меня свою тыкалку.

Англичанин посмотрел на хозяйку и, лишь дождавшись кивка, помог подняться Грегори и увёл того к стойке баристы.

— Теперь, когда мы остались одни, можно и развлечься, — я злорадно улыбнулся, обнажая клыки, но Рэйчел лишь фыркнула.

— Я знаю твой криптонит, Моррисон. Так что сядь и заткнись.

Я недовольно скорчил рожу, скрестив руки на груди. Никакого уважения к старшим.

— Продолжим. Есть твоя племянница и её отец, взявшиеся в городе... — Рэйчел замолчала, глядя на меня, улыбнулась и продолжила: — энное время назад. Есть пришлые бандиты, напавшие на неё и пропавший отец. Ах да, ещё эти.

Рэй достала из кармана пиджака свёрнутое фото и протянула мне. Я заинтересованно развернул его и присвистнул. Мордлак.

— Хороший папарацци. Успела прикупить ему венок на могилку? После встречи с таким обычно не выживают.

— Этот выжил. Он вообще весьма талантлив и живуч.

— Может, везуч?

— Да нет, живуч, — кисло проговорила Рэйчел, явно вспоминая что-то личное, но очень быстро к ней вернулся профессиональный тон: — Не прояснишь, откуда в городе эта падаль?

— Это не я. И не мои дети. Я сам был бы рад знать, откуда они в городе.

— Они?

— Ну, тот с которым на днях я пересекался, выглядел иначе, — я прищурился. — Ты не в курсе? Я думал ребята твоей семьи подчистили на месте нашего боя.

— Я знала лишь об этом, — Рэй постучала по фото наманикюренным ноготком. — Он случайно попал в кадр, когда мы решали другую проблему. Кстати, о ней. У нас тут в городе участились пропажи бездомных...

— И это тоже не я, — Рэй скептически окинула меня взглядом. — Ну, предположим, не только я. Вспомни, Рэй, скольких я убил людей в этом городе? Ты же знаешь, это против наших законов.

— Тебе снова показать сводку из дома твоей дорогой племяшки?

— Я имею в виду простых смертных.

— Да тоже недавно. Буквально у порога дома. Точнее, у баков.

Быстро же работала информативная сеть семьи С. От них, вообще, можно было хоть что-то утаить? Хотя, если бы было нельзя, то не было бы и этой встречи. Кто-то всё-таки умудрялся скрывать себя от их цепких взглядов.

— Ты не представляешь, что я пережил тогда, — видимо, на моём лице отразились эмоции от воспоминаний, так как Рэй не стала интересоваться подробностями.

— Но ты ведь сообщишь, если что-то узнаешь?

— Конечно. Ведь это условия нашей сделки. Я хоть раз нарушал их?

— У тебя просто нет выбора.

— Есть. Но лучше жить в клетке, чем прятаться на свободе, — между нами повисла тишина, длившаяся долгих два удара сердца. Рэйчел, не моего. — Что-нибудь ещё?

— Нет, — Рэйчел помотала головой. — Уильям!

Англичанин поднял на хозяйку взгляд, отвлекшись от успокоения Грегори. Похоже, ему всё-таки придётся оплачивать больничный.

— Приготовь машину для мистера Моррисона.

Уильям кивнул, поднялся из-за стойки, и потащив за рукав Грегори, вышел из кафе.

— Замучила ты старика, не ценишь его, — заметил я, вставая из-за столика. — Дала бы ему отпуск. Он хоть с семьёй побудет.

Рэйчел со стуком опустила кружку недопитого эспрессо на стол, орошая его тёмными пятнами.

— Ты не в курсе? — я непонимающе наклонил голову к плечу. — Вся его семья погибла. Автокатастрофа. Скоро сорок дней.

Я молча обернулся к двери, сквозь стекло которого был чётко виден силуэт англичанина.

До моей квартиры путь прошёл в полной тишине. Я не лез с дурацкими — да, я в курсе, что они дурацкие, но в этом же и прелесть — приколами к Грегори, чем несказанно радовал и гориллообразного верзилу, и моего давнего приятеля Уильяма. Я молча сидел на заднем сиденье, думая о своём. Ну, как о своём. Мне было любопытно, почему Уилл солгал.

Я помнил аварию, произошедшую почти два месяца назад. Водитель автобуса не справился с управлением, вырулил на встречу, из-за чего в его бок врезалась легковушка. И если в первом транспорте, к удивлению, был лишь водитель, то во втором семья, группа подростков, беглые преступники, актёры травести шоу и так далее и тому подобное. Нужно подчеркнуть. Я никогда особо не следил за новостями, а потому о той аварии могу судить лишь по сплетням соседей и случайных прохожих. А как сами знаете, перемещаясь из уст в уста, новости обрастают кучей лишней и, главное, ложных нюансов, превращаясь из точной информации в простые сплетни.

Не только кто именно стал участником аварии, но и исход произошедшего варьировался от района к району, от человека к человеку. Кто-то говорил, что пострадавшие отделались лишь испугом, другие утверждали, что переломы пары костей были единственными последствиями. Третьи были точно уверены, что все участники залегли в кому и видят десятый сон. Версия с комой, как оказалось, была самой близкой. Смерть ведь тоже можно назвать своеобразным сном. Вот только пробудиться ещё сложнее.

Как бы то ни было, новость о кончине родных Уильяма вызвала у меня лишь удивление. Ну да, вот такой я бесчувственный сукин сын, но давайте будем честны — я такой и есть. Подумайте сами, разве бессмертного, единожды встречавшегося с той самой страшной-тёткой-в-чёрном, должна волновать чья-то там смерть? Да я столько их перевидал на своём веку. И не только в нынешнюю кровососущую бытность, но и в живом бытие. Да я сам только и делаю, что добавляю работы парням с грустной миной и косой.

Я не чувствовал по поводу смерти знакомых мне людей и унции горя. Больше меня волновало, почему Уилл продолжал играть в эти дурацкие дочки-матери? Он ведь, по сути, врал лишь мне. Сильно сомневаюсь, что собратья по оружию не было осведомлены о случившемся.

Я глянул на Грегори.

Ну, может и были исключения, но явно большинство было среди сочувствующих. Так зачем врать вампиру? Держать марку? Семья так себе показатель крутости у наёмника. Вот список успокоенных навек, это да, это показатель. Или всё дело в том, что я знал о нём? Ну

подумаешь, я несколько лет назад раскопал осемя Уильяма всё, что только можно. Это, кстати, было не любопытства ради. Всё делалось для уравниения ситуации — он знал о моих родных, я же, для подстраховки, о его.

Ну ладно. И из любопытства тоже. По большей части из-за него.

Но разве то, что я знал его секрет, можно считать поводом для поддержания ширмы? Неужели боялся, что я ляпну что-нибудь? Если поразмыслить, я, впрочем, мог. Это ведь была такая благодатная тема. Вот только раньше случая не было, всё он в семью играл, а тут такой случай.

Когда я уже собирался раскрыть свой клыкастый рот, машина остановилась у дома. Мафиози вышли, встав по обе стороны от моей двери. Уильям любезно раскрыл над головой зонт. Ладно. Придержу свой язык до поры до времени. В конце концов, не так уж это и важно, причина его лжи. Я сам многое скрывал. И в первую очередь от себя самого.

Я покинул машину, даже не став заморачиваться о памяти Грегори. Уильям, привыкший к процедуре, удивлённо взглянул на меня.

— В следующий раз. Чего добро переводить. К тому же, — бросил я через плечо, зайдя в парадную, — лучше уж горилла. В следующий раз может быть и морская свинка.

Я улыбнулся, слыша как из-за закрытой двери беснуется здоровяк.

Поднявшись в свою квартиру, я ожидал увидеть всё что угодно, но никак не дружественное чаепитие. Словно кэрроловская Алиса, Энджи сидела за кухонным столом и чинно распивала китайский чай на пару с Зубоскалом, который, запрыгнув на один из стульев, лакал напиток из миски. Тоже мне, Мартовский Кролик.

— Все деньги потратила? — я бросил плащ и шарф на диван в гостиной.

Энджи достала из вездесущего рюкзака карточку и стопку чеков. Никогда не ладил с этими бумажками, предпочитая всё возлагать на плечи одной из дочерей. В конце концов, в том веке, откуда я родом, не принято из лавки с товарами ещё и макулатуру таскать. Эх, а ведь раньше бумага была на вес золота.

— Меня учили бережному обращению с деньгами. Вот тут все мои покупки. Если хотите, можете посчитать, — рыжая обиженно дёрнула плечом.

Я лишь усмехнулся и выкинул все бумаги в мусорное ведро.

— Я могу позволить себе трату в несколько несчастных баксов, — толкнув блохастого, я освободил себе место за столом. Зубоскал фыркнул, высказывая глубину недовольства.

— Я заметила, — Энджи пробежала взглядом по убранствам.

Судя по всему, только сейчас мелкая по-настоящему оценила уровень моей загробной жизни. Это вам ни какие-нибудь глухие катакомбы и прогнившие сарайки. И самое главное — не пугающего вида особняк, где в саду на скрюченных деревьях вечно восседают чёрные вороны, а летучие мыши снуют туда-сюда в районе чердаков. Ну не фанат я киношных стереотипов о себе подобных. Я любил жить в уюте, в своё время хватило мне клоак. В конце концов, я всё-таки достоин этого.

— Впечатляет? — я самодовольно выпятил грудь вперёд.

— Немного, — Энджи долила себе ароматного напитка из чайничка. — Я видала и богаче.

Ну фу такой быть.

— Согласись, не каждый день встретишь вампира, живущего в подобном месте, а? — не унимался я. Ну хотелось мне капельку поощрения, так сказать, чтобы побаловали моё

самолюбие.

Энджи посмотрела на меня, как на идиота.

— Не каждый день вообще вампира встретишь, — она поправила прядь выпавших из причёски волос.

Ну вот как? Как общаться с современными детьми? Раньше было достаточно лошадку из ветки вырезать и тебя считали успешным и образцом для подражания, а сейчас их не впечатляет даже шикарная квартира с кучей дорогих прибабасов. Меня, правда, тоже, но надо ведь хоть чем-то похвастаться перед роднёй, коль мои способности её не впечатляют, а откровенно бесят.

— Хотя, — продолжила моя племяшка, — у вас достаточно уютно. Чувствуется, что делали со вкусом.

Надо будет отправить оформителю ещё одну бутылочку хорошего вина. Хотя, лучше ящик коньяка. Знаю я их работы, столько нервотрёпки с клиентами, что повеситься охота. Сам таким был.

— Откуда только у кровососа финансы на всё это? — наглая пигалица смотрела на меня, как на какого-нибудь наглого воришку.

— Тебе не надоело так меня называть? — Энджи покачала головой. — Ты, вообще, в курсе, что если постоянно твердить человеку, что он вор, он начнёт воровать? — я злорадно улыбнулся, а потом сообразил, что именно сказал: — Это я сейчас вот никак не намекаю на способ заработка.

— Чем же вы зарабатываете себе на... — секундное замешательство, словно Энджи боролась сама собой, но в конце таки сдалась и вымолвила: — жизнь?

— Выполняю кое-какую грязную работёнку.

Весь облик Энджи кричал об одном: «таки преступник».

— И это совсем не то, что ты себе напридумывала, но работа действительно грязная.

— Очень грязная?

— Не представляешь насколько.

Энджи молчала пару минут, обдумывая услышанное, а затем расхохоталась.

— И что в этом смешного? — ну вот не люблю чувствовать себя дураком.

Племяшка выставила руку ладонью вперёд, мол сейчас, подождите. Вот нахалка.

— Просто, — продолжая подхихикивать, наконец произнесла она, — я знаю только одну работу, которая подходит под описание. Ночью. Вы же днём не можете, так? Грязная. Много платят. Иначе вы бы не смогли себе позволить такие апартаменты.

— И какая же, поделись озарением? — ох, чувствую не супермодель будет ответ, не модель.

— Мусорщик, — девчонка снова принялась залиvisto смеяться.

Из-под стола ей подвывал в унисон Зубоскал, прикрывая морду лохматыми лапами.

Весельчаки, Mo chreach!

— Я гляжу, у тебя отличное настроение. Что, отошла уже от пропажи отца и нападений?

Да, я намеренно давил на больное. Меня бесило её спокойствие. Почему это я должен разгребать её проблемы, отчитываться перед всеми — не дай Боги, ещё и Охотники нагрянут — а она словно на курорте? В конце концов, в няньки я не нанимался.

Моя фраза возымела эффект. Рыжая пригорюнилась: смех резко оборвался, плечи поникли, лицо скрыто за распущенными волосами и кружкой с чаем. Зубоскал, сидящий у

двери, осуждающе глянул на меня.

Ну, может быть я и переборщил.

— Вы не знаете, где папа?.. — тихо и очень неуверенно просила Энджи.

Мне хотелось вновь ответить гадостью, но что-то во мне заставило прикусить собственный язык и вести себя с роднёй дружелюбнее.

— Нет, — мне показалось или Энджи всхлипнула? Не люблю бабские слёзы. — Не пропажей Аллана занимаются лучшие из лучших, — тут я прилично лукавил, но да ладно. — Он скоро найдётся.

— Правда?

Я молча кивнул. С большой долей вероятности, Аллан Моррисон кормил своими потрохами червей и тёмную падаль, но не мог же я сообщить об этом ребёнку? Она потеряла отца, а единственный родственник — кровососущий монстр. Не самое радужное детство.

— Вы по ним скучаете? — спустя несколько минут тишины спросила рыжая.

— По кому? — не понял я.

— По семье.

— Нет, — я не сомневался в ответе ни на секунду.

Энджи подняла на меня взгляд, полный удивления и... А уж не презирает ли меня эта нахалка?

— Но они были вашей семьёй!

— Милая, — начал я долго объяснять, глубоко вздохнув, — они все мертвы. Давно. Если бы я по ним скучал, как это принято у смертных, то свихнулся бы. Это было слишком давно. Нет смысла ворошить прошлое, которое, к тому же нельзя изменить. Все люди смертны. Все когда-нибудь умирают.

— Но вы-то не умерли, — ох, сколько злости в глазах.

— Во-первых, я уже и не человек. Во-вторых, чтобы стать тем, кто я есть, мне пришлось умереть. Ну, — я почесал бородку, — как пришлось? Меня убили. И просто так получилось, что я стал вампиром.

— Но вы ведь могли жить и умереть вместе! А так получается, что вы их бросили! — мерзавка стукнула кружкой об стол, выплёскивая содержимое.

Я сжал руки в кулак. Тема семьи была для меня не самой приятной, я избегал её как мог и больше всего не терпел, когда меня обвиняли в том, в чём я не был повинен. Но к сожалению, это происходило слишком часто.

— Вот тут ты ошибаешься. А! Я умер раньше своих любимых, так как жил во времена вечных междоусобных войн. Это теперь жизнь похожа на череду ярких картинок из калейдоскопа, но тогда... Тогда мы выживали. Каждый день мог стать для нас последним. Б! Лучше бы я действительно их бросил, но нет. Став живым мертвецом, я первым делом вернулся к ним. И видел, как вся моя семья страдает от боли и горя, что принесла им моя кончина. Я был свидетелем, как любовь всей моей жизни становится женой моего брата, — я пытался сдержать гнев, но голос повышался с каждым словом. Энджи вся скукожилась от страха. Зубоскал прижался к её ногам. — И самое главное, я пережил встречу с первым из Охотников клана Моррисонов, моим же кровным братом, которого я так ценил!

В конце я сорвался на крик и это отрезвило меня. Оказалось, что пока я говорил, я успел встать и теперь нависал над столом. Успокоившись, я опустил на стул.

— Я не скучаю по ним, — продолжил я уже ровным голосом. — Вспоминать прошлое, это ковырять старые раны, а в мазохизме я не был замечен. К тому же, то была жизнь

Алэйсдэйра Моррисона, а я — Энди.

Я убрал со стола чайник и кружку, вытер разлитый напиток и вышел в гостиную. Энджи с волком на пару последовали за мной. Не сговариваясь, мы сели друг напротив друга.

— Ещё вопросы? — девчонка быстро помотала головой. — Вот и хорошо. Тепе...

— Вы когда-нибудь сожалели о случившемся с вами? — быстро проговорила Энджи.

Ну что же вы за люди такие, женщины? Я ведь только что спросил, а она... Эх.

— Нет.

— Вот нисколечко? — прищурилась рыжая.

— Именно, — я скрестил руки на груди.

— А как же солнце? Вы же его больше не увидите! К тому же, вам теперь надо скрываться от Охотников, постоянно бояться за свою голову и, вообще, вы же кровью питаетесь!

— А я никогда и не был вегетарианцем. К тому же, и при жизни я всегда переживал за свою голову. Она у меня одна, — улыбаясь, я провёл ладонью по лысине, — и такая красивая. А что же касается солнца... Я его, к сожалению, видеть не перестал. Что-то слишком часто обстоятельства толкают меня под его лучи. То восстанавливаться приходится после тяжёлых, почти смертельных, ранений. То за всякими взбалмошными девицами тащится в участок. То отчитываться перед некоторыми любопытствующими. Не, вот по солнцу вообще не скучаю.

Энджи молчала, опустив голову так, что я не мог различить её эмоций, но мне показалось, улыбка вновь вернулась к ней на уста. Женщины такие непостоянные.

— И вообще, — теперь уже я решил перейти в наступление, — чего тебя так волнует моё вампирское начало?

— Я хочу стать Охотником, — тут же выпалила Энджи.

— Ты в курсе, что твой папочка, мягко говоря, против этого?

— Догадываюсь. Но если не я, то кто тогда будет стоять на страже порядка ночного города?!

Вот только удара по груди кулаком ей не хватало для полноты образа.

— Пересмотрела мультиков про супергероев? И вообще, таких вот защитников, достаточно много. Хороших, конечно, единицы, но вот пушечного мяса полным-полно.

— А я не хочу быть пушечным мясом. Я хочу как отец, быть лучшей. И потому должна знать врага в лицо.

— А враг, как понимаю, это я? — решительный кивок. Ну хоть честно. — Ладно, открою тебе тайны кровавого братства. Валяй, Чудо-женщина, спрашивай.

— А правда, что после укуса вампира, жертва сама становится вампиром? И что питаться вам надо каждую ночь.

Хох, сколько огня в глазах этой пигалицы. Сколько интереса. Даже пугает немного.

— Враньё. Ну посуди сама, — я пересел на край дивана, наклонившись ближе к племяннице. — На земле больше восьми миллиардов человек. Предположим, это правда. Ну вот пойду я сегодня кого-нибудь кусну. И завтра нас будет двое. Потом четверо. Дальше восемь. Немного математики и мы получаем, чуть больше чем за месяц, людей не остаётся вообще, а вампиры либо займутся каннибализмом, либо сдохнут от голода. В первое больше верю. Будем как крысы — поголовно создавать Крысиных королей. Во веселье начнётся.

Я словно в предвкушении потёр руки, а Энджи хихикнула.

— Давай дальше.

— Кровь действительно можно заменить обычным томатным соком?

— Слушай, прекращай смотреть дешёвые фильмы про вампиров, я тебя умоляю. Вы же при переливании не коробочки с соком вешаете, а пакеты с кровью. Почему мы должны заменять-то?

— Чеснок и крест?

— Ты ещё серебро и кол вспомни, — поморщился я. — Ты же сама меня укокошить пыталась. Чего дурацкие вопросы задаёшь, если сама ответ знаешь?

— И то верно, — Энджи откинулась на спинку дивана и задумалась. Я уж думала, что вопросы закончились, когда девица наконец спросила: — Тяжело быть вампиром?

— Ты всё про это? Ну хочешь я тебя укушу и сама проверишь, а?

— Давайте!

И я и Зубоскал взирали на Энджи, как на невиданного зверя. Я ведь сейчас не ослышался? Может крыша поехала, от переизбытка всякого?

— Ты же только что говорила, что хочешь стать Охотником. Откуда тут всплыло обращение?!

— Тогда я смогу на равных сражаться с тварями ночи!

— Ага. И человечину на равных жрать. Не-не-не. Я спать. Спать-спать-спать.

— Но!..

— И ты спать! Может поумнеешь.

— Так день ещё! — обижена бросила Энджи.

— Вот именно. День на дворе, а ты ахиною какую-то несёшь. Всё, я спать. Вот тебе телевизор, кухня и щеночек в распоряжение. Но никаких обращений.

Я ретировался в свою спальню, надеясь, что подобный разговор не повторится. Хватит с меня всяких баб: чёрных, белых, рыжих. Быстро приняв душ, я как ребёнок закутался в одеяло, полностью игнорируя всё, что происходит за дверью. Вскоре нервы сдали и я полностью отключился.

Хоть у вампиров и нет снов, это не значит, что нас не тревожат в период сна дурные мысли. Я несколько раз просыпался, чутко прислушиваясь к дому. Энджи, судя по звукам, то гремела чем-то на кухне, то смотрела телевизор на пару с лохматым — я слышал его лающий смех, то пугающе затихала и в такие моменты я очень сильно надеялся, что она либо сама отдалась Морфею, либо заняла свои мозги книжкой, а не мыслями о вампирах.

Окончательно я проснулся от женского крика. Подорвавшись с постели, я очень надеялся обнаружить у себя в квартире армию врага, так как пробуждение из-за какого-нибудь таракана меня мало прельщало.

Вылетев из спальни, быстро миновав гостиную, я застал Энджи на полу, у самой двери в кухню. Одной рукой рыжая закрывала рот, а второй указывала на причину крика.

У холодильника, в небрежно повязанном на бёдрах полотенце, попивая молоко прямо из пакета, стоял огромный, вполне себе прямоходящий, волк.

— Mo chreach! — только и мог я пробормотать, глядя на оборотня.

Зверь дёрнул ухом, сглотнул, медленно поставил пакет с молоком в холодильник и тихо вякнул:

— Гав?..

Помните, несколько лет назад по бесконечным просторам интернета ходила комичная картинка, где персонаж Патрика Стюарта — Капитан Жан-Люк Пикард — прикладывает руку к лицу? Так вот. Сейчас я был живым воплощением этого мема.

За считанные секунды в моей лысой головушке пронеслись десятки исходов сложившейся ситуации, но все они сводились к одному — пёсику каюк. А как же иначе? При одной догадке, что я могу быть кровос... кхм... кровопийцей, Энджи бросилась изводить меня со свету, а тут? Мохнатая хренотень ростом под два с половиной метра, с когтями, словно ножи, и клыками, что не прячутся как у меня, а на месте двадцать четыре часа семь дней в неделю. Чувствую, полетят сейчас клочки по всем углам.

Но, знаете что? Мешать я этому процессу не буду.

А чего это только я страдаю от рук малолетней пигалицы? Должна же быть справедливость в мире.

Энджи пришла в себя. Отняв руку ото рта, да и давно перестав кричать, девчушка вся собралась, подобно хищной кошке на охоте, взяла упор поудобнее и...

Вперёд! Рвём лохматого на кусочки!

...бросилась тискать блохастое убожество.

— Потрясающе! — глаза племяшки горели азартом. — Настоящий оборотень!

И я, и волчара взирали на это с диким непониманием и недоверием.

— Я вот сейчас не понял, что за дискриминация? Как я — порождение ночи, так в меня летит всякая кухонная утварь, а как этот тут стоит в чём мать родила, так «вау, какая лапа!» — передразнил я рыжую, эмитируя типично девчачьи жесты и мимику.

— Но он же такой классный! Мохнатый! Тёплый! — Энджи буквально зарылась в шерсть на груди зверюги. Тот только и успевал, что полотенце удерживать на бёдрах. — И вообще, — глухо раздалось откуда-то из области волчьей подмышки, — он не ест людей.

— К твоему сведению, он-то как раз и ест людей, — я прошёл до дивана, стащил плед и, закутавшись им наподобие римского сенатора, вернулся на кухню и занял один из стульев. — Всех. Целиком и полностью. До последней косточки. А я только чуть-чуть кровь пригублю и всё, — я почесал бороду и удобнее перехватил плед, чтобы не смущать очередной раз малолетку своим обнажённым телом. Надо бы прикупить пижамку.

Энджи выбралась из шерсти, но продолжала крепко обнимать оборотня. Тот глядел на меня с мольбой в глазах, но я лишь рукой махнул. Пускай терпит, сам виноват. Нужно было лучше за циклом следить.

— Предположим, что его вид — людоеды, а вот он сам хоть раз поступал так же?

Чёртова гринписовка.

— Предположим, что нет, но это не меняет сути. Он оборотень и ты не кинулась его кромсать серебряными лезвиями. И, вообще, ты чего его не боишься? Он же тебя сожрать может.

— Не-а, не может, — улыбнулась рыжая.

— Чего это?

— Это же Зубоскал.

В квартире воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием рук Энджи в лохматой шкуре.

— Так, — я поправил сползающий кончик пледа, — ты как поняла, что это Зубоскал?

Племяшка посмотрела на меня, как на последнего идиота, тяжело вздохнула и таки отняла руки от зверя, чтобы загнать пальцы.

— Во-первых, у него на ушах точно такие же серьги, как у Зубоскала, — рыжая загнула мизинчик. Элегантно так, и медленно, аж бесит. — Во-вторых, у вас в квартире живёт здоровенный волк и нужно быть последним идиотом, чтобы не понять его принадлежность к оборотням.

«Соседи, что-то, до сих пор не сообразили», — подумал я. Но вслух лишь спросил: — Чего орала-то тогда?

— От неожиданности, — Энджи покраснела и убрала прядь волос за ухо.

— Ну-ну, — усмехнулся я. — А три будет?

— Будет! — радостно сообщила мелкая. — В-третьих, он же такой няха, такой не обидит!

— Чего? Няха?!

— Ага! — племяшка снова принялась тискать Зубоскала, чесать тому пузо и подбородок. Зверь сдался, отдавая своё тело на растерзание фанатки.

Я тяжко вздохнул и подпёр рукой подбородок.

— Спорим, что во всех этих ММОРПГ ты играешь исключительно за персонажей с пэтами?

— А как вы догадались?

Я глянул на скулящего от восторга Зубоскала.

— Интуиция.

Я позволил Энджи играть с оборотнем, отдавшись на грустные думы о несправедливости мира. Ну вот ведь на сто процентов точно, что она не стала его уничтожать, только потому, что он пушистый, а все любят пушистиков. А будь он лысый, как сфинкс, то его пустили бы на косметичку и сумочку. А так нет, вокруг любовь, мир и прощение.

Нечестно. Я чуть не сдох, а этому обнимашки.

— Хватит паясничать, — в конце концов, я не выдержал и повысил голос. Оба чудовища — да-да, племяшка тот ещё вурдалак — замерли и перевели на меня взгляды. — Время уже позднее, детям пора спать.

— Да я только встала! — обиженно фыркнула рыжая.

— А нечего ночью шастать. Можно, вон, — я кивнул на Зубоскала, — на чудовище наткнуться.

— Он не чудовище! — ух, заступница сырых и убогих. — И, вообще, я требую объяснений!

Что-то наглости в моей живой родне с каждым днём всё больше и больше. Эх и даже сожрать нельзя.

— На тему?

— Оборотничества.

Я почесал подбородок, прикидывая. Мелькая всё равно не отстанет, упрямство у нас

семейное, ага. Если не отвечу на её вопросы сейчас, она будет донимать меня ими до окончания дней. А у меня их ещё слишком много, до конца-то. Судя по двухметровому идиоту в моей кухне, луна уже взошла, а значит пора приниматься и за работу. Кому-то ведь надо оплачивать счета за электричество.

Поболтать с девчонкой пару минут... часик не так уж и страшно, правда ведь?

— Согласен. Только дай привести себя в божеский вид.

Энджи хихикнула.

— Что не так? — прищурился я.

— Вы же вампир, а употребляете слова с «божественным» корнем.

— Милая, — улыбнулся я, обнажая клыки, — у нас с тобой разнятся боги, но путь сквозь тьму — всегда один. Пускай у нас свои дороги...

Я оборвал стих, глядя на реакцию Анджелы. Готов поспорить, что племяшка понятия не имела, что я только что ей продекламировал, но чутьё у девчонки хорошее — произвольная дрожь заставила её скрыть улыбку.

— Что это было?..

— Вот станешь Охотником, тогда и узнаешь, — я побрёл в свою спальню, бросив через плечо: — Лохматый к себе, рыжая ждёт в гостиную.

— Я не рыжая!

— Ага. Ты у нас медный огонь — бренчишь и полыхаешь.

Уже из-за закрытой двери до меня донеслись разгневанные выпады Энджи, полные возмущения.

— Приступаем, — я удобнее устроился на диване в ожидании моральной экзекуции.

Энджи прищурила один глаз, скептически оглядела меня с ног до головы, глянула на закрытую дверь, за которой под звуки тяжёлой музыки скрылся Зубоскал и снова на меня. Я улыбался, закинув руки за голову и сцепив их в замок. Моя футболка с ядовито-розовыми танцующими зайцами громко заявляла о моей серьёзности, да и в принципе отражала всё моё отношение к данному разговору.

— А мы разве не подождём Зубоскала? — Энджи кивнула в сторону спальни. — Речь-то о нём.

— Пока мы дождёмся эту «приму», то успеем состариться, — я улыбнулся. — Ты успеешь.

— Ну-у-у... Ладно, — рыжая поёрзала немного. — Откуда у вас оборотень?

— Нашёл, — пожал я плечами.

— В смысле? — не поверила Энджи.

— В прямом. На очередной вылазке набрёл на него в глухом переулке. Блохастый искал дом, я сдал ему комнату. Вот и всё.

— Всё? — волна разочарования.

— Всё. Никаких мистических приключений, авантур и подвигов. А ты ожидала чего-то иного?

Кивок.

— Клятвы на крови, векового служения, конфликта мастер-раб? Короче, всей той фигни, что в кино показывают?

Ещё кивок.

— Кончай смотреть телевизор, там только один мусор. Я вот, вообще его не включаю.

Энджи фыркнула, кивая в сторону.

— У вас же телик на четыре тысячи пикселей.

— У меня и ваза китайская есть, только императором Пекина я не стал от этого, — я закинул ногу на ногу. — Да и использует его по большей степени Зубоскал.

Музыка в спальне смолкла и оттуда вышел мой постоялец.

— А вот и наш «золотой олень», — махнул я в сторону Зубоскала.

Энджи обернулась и, раскрыв рот, замерла, поражённая увиденным.

А там было с чего поражаться.

Вместо лохматого чудовища из комнаты к нам выбрался высокий, худошавый парень, словно только что сошедший с плаката какой-нибудь молодёжной глэм-рок группы. Кожа вперемешку с яркими аксессуарами смотрелась дико, но при этом как-то даже... уместно.

Каштановые волосы, густо замазанные гелем, больше напоминали шлем, чем нормальную причёску. И лишь знакомые серьги и ошейник выдавали в смазливой каланче прежнего волка.

У блохастого был странный вкус, но при этом весьма хороший. Он умел сочетать не сочетаемое. Но всё равно — к своему гардеробу я его не подпускал и на пушечный выстрел.

— О, Господи! — выговорила Энджи, а затем, точно так же, как и несколько часов назад, бросилась обнимать бледную дылду. — Это же сам Цви-Цви! Ты же звезда!

— Фанатка? — спросил я, подпирая подбородок рукой.

Энджи засмузилась, перестала прыгать вокруг Цви и тихо пробормотала:

— Нет.

— Значит, фанатка.

Энджи не стала возражать, лишь вернулась на своё место, словно прилежная школьница. Цви сел рядом с ней, гремя всеми своими висюльками.

— Но как такое возможно? — продолжила интересоваться рыжая. — Ты — и самый настоящий оборотень?

— Ага, — усмехнулся я, — настоящий.

— Что не так-то? — огрызнулась племяшка.

— Этот придурок на просторах интернета ритуал и сам обратил себя. Так что он скорее настоящий придурок-оборотень.

Энджи, не веря моим словам, смотрела на Цви, а тот лишь улыбался во все тридцать два, не вмешиваясь в наш разговор.

— Что, — продолжил я, — твои любимые журнальчики не писали такого? Наш гениальный еврейский мальчик от скуки не только горы покорял и вкладывал огромные деньги на разработку питательного корма для муравьиных ферм. Он и эзотерикой неплохо так увлёкся. Знаешь выражение «если долго смотреть в бездну, рано или поздно бездна заглянет в тебя»? — Энджи кивнула. — Так вот. С магией такая же ситуация. Он долго смотрел в неё, та посмотрела в ответ. Посмотрела и ей не понравилось то, что она увидела.

— В плане? — не поняла Энджи.

— Да в прямом. Рожей Цви не вышел, вот магия ему её и подправила. И богатенький мальчик Цви, стал переносчиком блох Зубоскалом.

— А почему Зубоскал? — поинтересовалась рыжая, немного смущённо, немного с вызовом. — Простите, но с уровнем вашего чувства юмора, вы могли просто продолжать звать его оленем.

Я насупился.

— Нормально у меня с чувством юмора. И вообще, глянь на его физиономию, — я махнул в сторону гламурного мальчика.

Энджи перевела взгляд с меня на него. Цви продолжал молчать, а его улыбочка не стала ни на йоту меньше. Девчонка поправила прядь за ухом, разворачиваясь ко мне.

— Ну да, согласна.

— В общем, — продолжил я, довольный своей маленькой победой, — он лопухнулся с заклинанием и стал обратным оборотнем.

— Это как?

— А тебя не смутило, что за всё то время, что ты здесь находишься, только сегодня тебе удалось лицезреть прямоходящего волка и его человеческую суть?

— Ну-у-у, — протянула Энджи. — Я думала это конспирация такая, чтобы не пугать меня.

— Не-а. Это побочное действие. Цви действительно оброс шерстью, вот только вместо того, чтобы щеголять своей пижонской задницей двадцать с хвостиком дней, он щеголяет меховыми ляжками, а вот три дня, когда луна вступает в правление небом, он может позволить себе встать на задние лапки и даже завалиться в бар.

— Всё равно не понимаю, — обижена фыркнула рыжая. Ох уж эти дети.

— Чему вас только учат на курсах Охотников? А, ну да. Короче. У оборотня всегда есть три стадии: хомо, но не всегда сапиенс; огромное чудовище, хорошо так пропиаренное всякими телекомпаниями и не только и, наконец, животное, чей дух становится частью того самого хомо. И вот когда светит луна, её сияние позволяет воззвать к духу. Понимаешь? Человек, хрень, зверюшка. А у него с точностью, да наоборот: зверюшка, хрень... другая хрень. Вот так-то вот.

Энджи взглянула на Цви, как на брошеного щеночка.

— Ужасно, — девчонка взяла в свои руку ладонь еврейчика и ласково похлопала по ней. Сколько сострадания. А меня вот чуть не кокнула.

— И это никак не вылечить? — наконец обратилась ко мне рыжая, закончив безмолвный обмен жалостью с блохастым. И плевать, что человек.

— Если только лоботомией.

— Я серьёзно!

— Я тоже. Деточка, это проклятие. Не самое удачное, но довольно мощное. И всё, что ему остаётся, это научиться с этим жить. А насколько я знаю, справляется он с этим на ура.

Я поднялся с дивана и направился в свою комнату, разминая затёкшие мышцы.

— А почему он молчит? — быстро спросила Энджи, чувствуя, что продолжать лекцию на тему пуделей я не собираюсь.

— Пораскинь мозгами. Так ли удобно произносить членораздельную речь, когда глотка у тебя волчья?

Я скрылся в своём кабинете точно уверенный в том, что детишки смогут себя развлечь. Ну а мне пора было приниматься за работу.

— ...они проникли в заброшенный кабинет, успев закрыть дверь до того, как нечто вонзило свои острые когти в их плоть. Их сердца рвались наружу, тяжёлое дыхание оседало туманом на пыльную мебель. Но только лишь страх заставлял их тела трепетать?..

— Да! Вали их, Цви-Цви! — из гостиной раздавалась череда, характерных для уничтожения зомби, звуков.

— ...в темноте, что рассеивалась лишь единичными лучами лунного света, проникаемого сквозь тонкие занавески...

— Цви, жги! — ревущие моторы наперебой гремели, словно разъярённые динозавры.

— ...их взгляды встретились и осознание всего происходящего накрыло, как цунами прибрежные города, разрушая преграды самоконтроля, позволяя вырваться наружу потаённым желаниям и страхам...

— Давай-давай, ещё немного, Зубоскал! — ритмы энергичной музыки с завываниями экзотических голосов, сотрясали стены квартиры.

— Мо chreach! Да хватит уже! — не выдержал я, закрывая крышку ноутбука и поднимаясь из кресла.

Я пересёк комнату, резко распахнул дверь и замер в проёме, глядя на филиал хаоса у себя в квартире.

Знаете такие азиатские танцевальные игровые автоматы? Стрелки в полу, большеглазые персонажи на мониторе. На них ещё скачут, словно электрический угорь забрался в одно очень тёмное место в штанах игрока. Так вот. У меня таких придёрнутых было двое. Рыжие лохмы моей племянницы развивались как донкихотские мельницы, лишь чудом не громя декор. А, нет. Не чудом. Все мелкие и не очень предметы, которые могли попасть в радиус поражения, были аккуратно сложены на диванах. Ну хоть на этом спасибо.

Мальчик-волк разделся по пояс, обнажая свой довольно-таки накаченный торс — прогулки меж луной явно идут ему на пользу — и размахивал кожаной жилеткой, как малолетняя фанатка на концерте попсового идола.

У меня было дикое желание выпустить в обоих обойму, лишь бы прекратить их конвульсии. Но, во-первых, я предпочитал холодное оружие, а клеймор слишком хорош для их голов. А во-вторых, одна половина этого безумного дуэта была платёжеспособным субъектом с неограниченными запасами.

Ну и племянницу можно было оставить среди живых.

— Во имя всех богов, вы что творите?!

Парочка продолжала свои шаманские пляски, словно меня тут и не было. Приглядевшись, я заметил у обоих наушники. Эти изверги не только окутали мой дом шумовой завесой, но ещё и сами спрятались в ней. Вот же мелкие Tolla-toine.

Ничего, я человек негордый, да и не человек я уже уйму десятилетий, так что я подошёл к молодняку и вырвал провод из розетки. Где, интересно только, блохастый рокер держал две такие здоровые приставки? Не под кроватью же.

— Эй! — тут же отозвалась племяшка. — Мы же развлекались!

Цви методично закивал, уперев руки в бока.

— Вы это слишком громко делаете.

— Как можно слишком громко развлекаться? В этом же весь смысл!

— Смысл развлечений — уйти от проблем. А уйти можно — некоторым ещё и очень нужно и, вообще, доктор прописал — и по-тихому. Марки поразглядывайте там.

— Может ещё макраме заняться? — скептически хмыкнула Энджи.

— Да хоть фото звёздного неба на Юпитере, но только чтобы я от вас и звука не слышал.

— Иначе что? Разгоните нас по спальням и запрёте?

Рыжая впервые за время проведённое со мной, вела себя как самый обычный подросток: заносчиво, вызывающе, немного хамски. И знаете что? Мне это даже нравилось. Не всё было

потерянно и был хороший шанс, что девчонка не сломается, если обнаружится, что её отец действительно скопытился. Знакомство с человеческим ликом Зубоскала явно пошло ей на пользу.

Но и мне нельзя было терять лицо.

— Как ты думаешь, нежить, существующая не одну сотню лет, остановится только на этом?

— Вы меня не испугаете! — Энджи храбрилось, но ёкнувшее сердечко её выдало. — Вы меня не убьёте.

— Но я могу сделать очень больно и неприятно, — мне даже не пришлось прибегать к *силам*. Хватило чистого энтузиазма и Энджи смиренно опустила взгляд.

Я глянул на Цви. Тот лишь улыбнулся и пожал плечами.

— Умоляю, оденься. Я и так лицезрю твой голый зад большую часть времени, огради меня от этого хотя бы в полную луну, — Цви показал мне язык, но жилет на себя напялил.

Я не стал продолжать разговор, а молча направился в кабинет, очень надеясь, что меня больше не потревожат.

Мои надежды оправдались. И это меня пугало.

Прошло целых сорок минут, а из-за двери не раздалось ни единого прилично громкого звука. Мелкое шуршание не в счёт. Я бы предположил, что оба моих постояльца издохли, да вот только я отчётливо *слышал* их сердца — энергичные, здоровые, бодрые. Явно не макраме занялись.

Здравый смысл говорил оставить молодняк самим себе, не трогать их, чтобы не спугнуть тишину. Любопытство вопило выглянуть за дверь. Я долго боролся между этими двумя чувствами, пока одно из них не взяло вверх надо мной.

Я оставил ноутбук с недописанной главой, неслышно подошёл к двери и приоткрыл её, разглядывая гостиную.

Малолетние вандалы действительно прислушались к моему совету и нашли занятие по душе.

Возле одной из стен был возведён свой маленький личный фотостудийный уголок, с профессиональными вспышками, освещением, компьютеризованным задником, автоматическими фотоаппаратам — серьёзно, где блохастый всё это держит? — и самое главное, двумя кривляющимися моделями. Затвор щёлкал с определённо частотой, а моя племянница на пару с разукрашенным псом вставали в дурацкие позы.

Ну, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не нервировало старого вампира. Фотография была довольно безобидным занятием, к тому же Цви ежемесячно устраивал очередной фотосет, дабы разослать в журналы, напомнить о себе. Обычно снимками занимался я, и как же это здорово, что нелёгкая ноша с моих плеч плавно переползла на плечи Энджи. Тем более ей это, похоже, нравилось.

Я усмехнулся и удовлетворённо вздохнул.

Кажется, ночь всё-таки будет не такой плохой, как я думал.

Раздался звонок в дверь, за которым последовала череда внушительных ударов ногой в дверь.

Цви и Энджи переглянулись и посмотрели в мою сторону. Я пожал плечами и приблизился к входной двери, точно зная, кто ждал меня за ней. Щелчок замка и в мою обитель ворвался маленький ураган запаха жевательной жвачки.

— Ты убил моего Гамму!

Мо chreach! Как же я ошибался о покое этой ночи.

Девушка, столь шумно ворвавшаяся в мою обитель, упёрла одну руку в бок, а второй стала тыкать мне в грудь. На наманикюренных ногтях блестели стразы всех мастей и форм.

— Как ты посмел, лысый старикашка?! Он был моим любимчиком! Ну, может не любимчиком, но моим! — после каждой фразы, незваная гостья надувала ярко-розовый пузырь, смачно лопаая его. — Тебе твоих мало? А, у тебя же своих нет. Тебе завидно, да?

Чёрные волосы, обычно собранные в две косы, сейчас торчали рожками, за которые хотелось взять нахалку и вышвырнуть вон.

— А может ты и на мои территории позариться решил?! — девушка отдёргнула ворот куртки, словно готовясь к атаке. С десятков ярких значков, как горсти ягод разбросанных по чёрной коже, звякнули друг об друга. — Так я могу и отпор дать! Давай!

Я слышал за своей спиной два взволнованных сердцебиения. И если одной стучало от радости и предвкушения, второе настороженности и страха.

Лопнул ещё один пузырь жвачки и гостья, взъерошив ярко-красную чёлку, с вызовом глянула на меня.

Пора было заканчивать этот цирк.

— И тебе привет, Мерси, — улыбнулся я, закрывая дверь. — Мучаешься от скуки?

Девушка, секунду назад готовая порвать меня на маленьких лысых вампирчиков, наигранно захныкала.

— Да, — Мерси пнула берцем несуществующий камень. Обувь мы с ней закупали в одних местах. — У тебя выпить не найдётся?

— Нет, но могу предложить тебе две игрушки, — я кивнул на Цви с Энджи.

Мерси, будто только заметив моих постояльцев — ага, как же — подорвалась с места и ринулась к Цви, словно метеор. Блохастый ответил ей тем же. Парочка встретилась на полпути и стала друг друга бурно обнимать.

Я обошёл буйнопомешанных — мало ли, ещё попаду в радиус поражения — и подошёл к поражённой Энджи.

— Это Мерси Браун, — ответил я на невысказанный вопрос. — Старая знакомая.

— Мерси Браун? — рыжая призадумалась, сморщив лоб. — А это не та, которая?..

— Именно, — я усмехнулся и нагнулся к самому уху племянницы, чтобы гостья не услышала мои слова. Хотя, захоти она, даже стены не помогут. — Она не очень любит распространяться на тему своего прошлого.

— Но она же тогда не человек! — возмутилась рыжая.

— Серьёзно? Тебя это всё ещё смущает? — святая простота. — Кроме тебя, тут вообще нет людей.

Племянница напряглась, её сердцебиение участилось, дыхание стало тяжёлым. Я крепко сжал тонкое запястье, заставив Энджи ойкнуть.

— Учти. Мерси не я и твои выходки не потерпит. Одно неверное действие и ты распрощаешься со своей жизнью.

— И вы даже не заступитесь за меня? — со злостью и болью спросила Энджи.

«Да», — тут же мелькнуло в голове, но вслух я ответил: — Нет.

Энджи прикусила губу, сдерживая злость. Мне показалось или в её глазах мелькнули слёзы? Я поспешил сменить настроение разговора.

— Она неплохая девчонка, — ослабив хват, произнёс я. — Шумная, дурная, нахальная,

но не плохая.

— Несмотря на то, что нежить?

— Несмотря на то, что нежить, — я легонько подтолкнул племяшку. — Тебе просто стоит узнать её получше. В конце концов, она лучшая подруга Цви.

— А с кем это ты шепчешься? — Мерси наконец оторвалась от Цви и приблизилась к нам, с интересом разглядывая Анджелу.

Я точно знал — Мерси в курсе, что перед ней человек, источник пищи. К тому же во вкусе самой Мерси — молодая и яркая. Но нужно отдать должное, Браун смотрела на Энджи как любопытная девчушка, а не голодный хищник.

— Мерси, это Анджела. Анджела, это Мерси.

Я не стал уточнять, кем мне приходится Энджи. Да Мерси и не спрашивала. У каждого из нас были свои скелеты в шкафу, свои тайны и грехи, о которых не спешишь распространяться. Вампиры, особенно такие как я, ценили своё право на уединённость и личное пространство, а потому не лезли туда без спросу.

Мерси улыбнулась, обнажив кончики клыков. Мерзавка не прятала свои полуночные особенности, в отличие от меня и других старичков. Правда, в её случае клыки смотрелись куда уместнее и гармоничнее, чем у многих наших общих знакомых.

— К чёрту формальности. Зови меня Мэри, — Мерси облизнула пухлые губы. — Кровавая Мэри, если ты понимаешь о чём я.

Мерси заливисто засмеялась, похлопывая ошарашенную Энджи по плечу.

— Так, детки. У меня ещё куча работы, так что оставляю вас развлекаться без меня. Надеюсь, обойдётся без кровопролития, — я многозначительно посмотрел на троицу. Паршивцы как один сделали невинные глазки. Дети.

— Не переживай, Маска, — я скривился, а Мерси подхватила под руки Анджелу и Цви. — Мы большие детки, нам нянька не нужна. Верно?

Цви закивал с такой силой, что я побоялся за сохранность его макушки. Энджи неуверенно кивнула, словно спрашивая у меня разрешения. Я кивнул в ответ.

— Тогда ладно. Анджела за старшую.

Я даже не сомневался, что мои слова не были услышаны. Троица была занята более важными делами — составлением плана развлечений на долгий, очень долгий вечер.

Эх. И почему я и правда не живу в склепе? Там явно меньше постояльцев.

— Не бойсь! Мы сейчас такое замутим! — донеслись до моих ушей слова Мерси.

Mo chreach! Надеюсь мы все сегодня переживём эту ночь.

Я потянулся в кресле, заставляя косточки в теле похрустеть на славу. Работа шла складно, глава закончена, план следующей составлен. С такими темпами, я мог сдать роман раньше запланированного срока. Ещё несколько подобных вечеров и со спокойной душой можно идти получать свои законные тридцать сребреников. Ну, хорошо. Не тридцать и не сребреников, но тоже неплохие деньги. Главное, чтобы издателю понравилось.

На моих губах заиграла улыбка. Как бы строго и стервозно не вела себя Рэйчел, но с тех пор, как я нашёл свой жанр, отказы обходили меня стороной. И это я не хвастаюсь. Так, маленькая и очень приятная констатация факта.

Да и издатель получал с меня неплохие прибыли. Сколько рекламы, вечерних шоу и встреч с читателями было проведено — всё для того, чтобы мои поклонники заплатили пару баксов, но узнали, кем же является их горячо любимый автор. Да только моя бородатая мордаха ни в коем случае не должна была попасться на глаза любвеобильной публики. Проект с моим именем жил исключительно за счёт мистической таинственности. А мой писательский талант, будем честны, ценился куда меньше. Люди любят фантик больше, чем конфету.

Но как бы то ни было, я продавался, принося счастье пылким сердцам.

А если я такой хороший, то вполне заслужил награду. Да и деток следовало бы проверить.

В гостиной меня ожидал филиал эмо-вечеринки. Компания малолетних монстров сменила свои гардеробы, устроив тематическую фотосессию. Ну, как сменили. Цви и Мерси остались при своём, а вот Анджелу они перевоплотили по полной: берцы, рваные колготки, юбка-пачка — да, я знаю, как это называется, и нет, я не скажу, откуда — футболка с готическим мотивом, да кожаная куртка со значками. Короче, Энджи была полной копией Браун, только абсолютно белой.

И застал я эту парочку в весьма интересной позе. Томными взглядами они пожирали друг друга, а их тела, бывшие так тесно, позволяли слышать сердцебиение партнёра. Изящными движениями, девушки поддерживали юбки друг друга, лишь самую малость не доходя до жанра «ню». Цви крутился вокруг рядом, щёлкая затвором не переставая.

— Я думал, ты не разделяешь предпочтений Пани, — сморщив лоб, я приблизился к деткам.

Заметив меня, Анджела запыхала пунцовым светом и попыталась отодвинуться от Мерси, но та лишь крепче обхватила её руками, чмокнула в щёку и показала мне проколотый язык.

— Не будь брюзгой, Маска, — Цви кивнул, соглашаясь с вампиршей, и махнул мне рукой, словно отгонял назойливую муху.

Я лишь пожал плечами и прошёл на кухню. Порывшись в ящиках и раздобыв острых чипсов, я полил их особым соусом Мама Ро и вернулся к ребятам. Щёлкать они уже перестали и перешли к обсуждению новых идей для фотографии. Мерси накидывала кучу вариантов — кажется, я даже слышал что-то про обнажёнку — а Цви лишь мотал головой в нужном направлении, соглашаясь или отвергая идеи маленькой кровопийцы. Это довольно сильно подбешивало Мерси, но с немым особо не поспоришь, так что в этих спорах

неизменным победителем выходил блохастый.

Надо отдать должное этой парочке малолетних чудовищ из фильмов ужасов. Как бы бурно они ни были поглощены своими идеями, стоило Анджеле лишь на несколько минут почувствовать себя не в своей тарелке, лишней, так панк-компания тут же брала её в оборот, не позволяя погрузиться в свои мысли.

Возможно, встретятся они все при других обстоятельствах, они даже не взглянули бы друг на друга, и это я ещё отсеиваю тот факт, что одна из них должна покоится под грудой земли, но сейчас, оборотень-недоучка, сильнейшая из вампиров и дочь величайшего из охотников мирно обсуждали стоит ли попробовать обнажённый боди-арт.

Что?! О, Мо chreach! Это было лишним для моих ушей.

Я быстро ретировался в свой кабинет, в надежде, что хоть у одного из этих троих мозги на месте, и в какой-то момент сработает стоп-кран.

Расположив миску со вкусняшками поближе к себе и нацепив наушники, я включил музыку достаточно громко, чтобы даже вампирский слух не мог уловить деталей разговора из соседней комнаты. Ну их с их идеями. Моя психика мне дороже.

Хрустнув костяшками пальцев, я приступил к работе.

Я заметил её боковым зрением, когда завис над очередным словесным оборотом. Энджи прохаживалась вдоль книжных стеллажей, ведя по корешкам книг пальцами и судя по шевелящимся губам, она зачитывала названия вслух. Взгляд её был полон удивления. Ещё бы. Мои стеллажи ломались от книг а-ля «Сумерки».

Я снял наушники, разворачиваясь к племяшке всем корпусом.

— «...твою кровь». «Кол и страсть в сердцах», — медленно перечисляла Энджи. — «Зубастые тоже любят». «От серебра до страсти один укус». «Твой пылающий немертвый». «Жених без пульса». «Кровавый засос». Кошмар.

— Именно.

Анджела остановилась и обернулась ко мне, замерев возле одной особо слащавой книги.

— Вы всё это читаете?! — искренне ужаснулась Анджела.

— Хуже, — я тяжело вздохнул, но усмехнулся: — Я всё это пишу.

— Это и есть ваша «грязная работёнка»?

— А разве я не прав?

Энджи вновь пробежала взглядом по книжным стеллажам и обречённо выдохнула.

— Кошмар.

— Полностью согласен, — я вернулся к работе, но музыку включать не стал. — Ты что-то хотела? Разве у вас там не очередной этап сумасшедшей фотосессии?

— Мы закончили. Мерси решила, что «в такую шикарную ночь такая роскошная компания не должна сидеть дома под присмотром старого...» — Энджи замялась, не в силах повторить слова Мерси до самого конца.

— Говнюка? Хрыча? Лысого хрена? — я улыбался, а девчонка покрылась румянцем. — Не переживай. Я прекрасно осведомлён, как кличет меня эта малолетняя шантрапа. Это у нас в порядке вещей.

— А «Маска» как попала в этот список? — поинтересовалась Энджи, поправляя пряди волос, упавшие на лицо.

— В смысле? — я сделал вид, что не понял вопроса. Не особо я горел желанием отвечать на него.

— Ну, Мерси несколько раз обращалась к вам «Маска». Это какой-то тонкий вампирский прикол?

Всё-таки выходцы семьи Моррисонов имеют отличные мозги. Жаль только, сейчас они играли против меня.

— Можно и так сказать, — попытался уйти я от ответа, но Анджела сверлила меня взглядом. Такой ответ её явно не устраивал. Я покачал головой смиряясь. Всё равно ведь не отстанет. — Дальний стеллаж, верхняя полка, первая книга слева.

Энджи быстро сообразила о чём речь, и спустя пару минут в её руках покоился томик очередного розово-вампирского содержания.

— «Багровые слёзы любви», — прочла рыжая. — А дальше что?

— Открой тринадцатую страницу и зачитай второй абзац сверху.

Шорох страниц и вот девичий голос зачитывает строчки, из-за которых я и приобрёл дурацкое прозвище.

— «Моё обнажённое тело застыло то ли от страха, то ли от предвкушения. По его холодному, словно маска, лицу стекали кровавые слёзы, придавая багрянца его белоснежной коже. Я знала, он хотел впиться в меня, насладиться моими соками и я готова была дать их ему, чтобы хотя бы на миг эта багровая маска исказилась под натиском наслаждений. Я сделала шаг вперёд и...»

— Нет, хватит, — оборвал я племяшку. Дальше шёл кусок не для девичьих глаз. — Этого достаточно. А теперь посмотри на корешок любой книги. Что там написано?

— «Багровая Маска», — Энджи взглянула на меня в недоумении.

— Когда я только искал способ законного заработка, а вариантов было не так уж и много, всё-таки ограбить банк или винную лавку при моих способностях проще, — пустился я в объяснения, — оказалось, что мои истории интересны некоторым личностям. И, к сожалению, лучше всего мне удавалось придумывать подобную ересь. «Багровые слезы» это первая моя книга и пусть там не стоит моего имени — издательство опубликовало пробный выпуск, всего с тысячу экземпляров, кстати, сейчас это раритет — моя братия тут же прознала, кто является автором. Они посчитали это весьма забавным и с учётом того, что на тот момент я не имел прозвища, то они с лёгкой руки окрестили меня именем персонажа. Печаль в том, что это показалось забавным не только им. Так что все эти книги, это воспоминания о любовных похождениях одного-единственного вампира.

— Все книги?! — удивилась Энджи, оглядывая с десятков книжных полок.

— Все.

— И неужели ни одна из любовниц персонажа не заревновала его к другим женщинам? — девочки такие девочки. Аспект вечных измен главного героя волновал племяшку больше, чем сам факт того, что многовековой вампир-шотландец писал сентиментальную литературу.

— К удаче персонажа, — и радости автора, но это так, лирическое отступление, — все его возлюбленные трагически умирали после недолгих, но бурных месяцев любви. Вся моя серия держится на том, сможет ли он наконец-таки найти свою истинную любовь, которая не отбросит копыта под конец книги.

— Кошмар, — в очередной раз пробормотала рыжая, возвращая книгу на место.

— Кошмар, но прибыльный.

Я продолжил печатать, а Энджи изучать книжные полки. Периодически она наугад доставала какой-нибудь томик, открывала не глядя на страницы, уже про себя прочитывала

содержимое и то морщила лицо, то краснела и быстро возвращала печатный ужас на пыльную полку.

— А зачем вам вообще прозвище? — спустя некоторое время поинтересовалась Энджи.

— Я и Мерси, — пальцы продолжали бегать по клавиатуре, — относимся к вампирам особого круга. Мы, конечно, используем обычные имена, но прозвища нужны для конспирации.

— Конспирации? — усмехнулась рыжая.

— Для конспирации, — повторил я, переписывая старицу текста. Дурацкая кнопка «delete».

— Прямо секретные агенты или какие-нибудь Каменьщики.

Я лишь усмехнулся на её предположение, очередной раз поражаясь, насколько точно она умела угадывать. Её интуиция начинала меня пугать.

— Ангелочек! — раздался из-за двери голос Мерси. — Пора выдвигаться!

— Так, и куда вы собрались? — вернулся я к началу нашего разговора, вставая из кресла, размять мышцы.

— В клуб.

— В клуб? — я окинул взглядом племяшку.

Образ готической Лолиты сменился на более скромный наряд: порванные джинсы, блестящая футболка да джинсовая куртка голубых тонов. Довольно приличный вид, на который обязательно позарятся несостоявшиеся альфа-самцы. При других обстоятельствах, я бы поступил как ответственный взрослый — запереть подростка в комнате на всю ближайшую жизнь. Да только компания из вампирши и оборотня служила отличной защитой от любой напасти. Даже самой мачообразной.

— Клуб так клуб, — спокойно произнёс я, пожав плечами.

Явно ожидая не такой реакции, Энджи нервно поправила обновки. Только сейчас я заметил, что в новом образе отсутствовала подвеска-ангел, с которым племяшка не расставалась.

— Ты без защитника? — я провёл рукой по горлу, намекая на украшение.

— Мерси сказала, — Анджела легко поняла о чём речь и непроизвольно потянулась рукой к отсутствующему крылану, — что католическая символика не очень сочетается с тем местом, куда мы собрались. Подвеска у Цви в спальне.

— Ангелочек! Ну где же ты?

— Я пойду? — словно спрашивая разрешения, уточнила рыжая.

Я кивнул и Анджела, улыбаясь, покинула мой кабинет. Вскоре щёлкнул замок входной двери, а я только сообразил, что это был первый наш разговор с Энджи, как членов семьи.

— Опять не та.

Я перебирался с крыши на крышу, в попытке найти точку, с которой была заснята моя расписная макушка. Игра детишек в великих специалистов мира фотографии напомнила мне о снимках, что не так давно показывала пиджаковая сущность Рэйчел. Найдя место, я уже мог отследить несостоявшегося Джимми Нельсона [фотограф-портретист — прим. автора] и подправить не только его память, но и... объектив.

Вы не подумайте, я не психопат, ненавидящий всякого рода папарацци, но оставлять лишнего свидетеля своего существования в здравом уме и твёрдой памяти было мне не с руки. Тем более мне было интересно, что ещё дышащий фотоаппарат разузнал обо мне.

Сдаётся мне, что тот снимок был не единственным.

Взобравшись на новую точку обзора, довольно далёкую от моего дома, я наконец-то нашёл нужный мне ракурс. Хм. А у паренька неплохое оборудование, если с такого расстояния получился снимок такой чёткости. То, что это был мужчина, я даже не сомневался — ну не полезет девушка на такую верхатулину, чтобы заснять кровососа. Даже если ей хорошо заплатят. Ну или угрожают.

Я не сексист и признаю, что девушки круты, а порой и круче многих мужчин, но вот купить или запугать их намного тяжелее. Чего не скажешь о «сильном поле». Мужики хоть и отличаются выдержкой физической, но пара часов ментальных пыток и всё, любой герой ломается. А вот девушки куда крепче в плане психики. Особенно если по молодости лет их закалила сама жизнь.

Кстати, знаю я одну такую птаху. Гениальная девица, сотворившая для Зубоскала все его примочки. Встретились, когда я подчищал за очередным гаммой Мерси, не умеющим держать свои руки при себе. Её детсадовский выводок всегда доставлял кучу проблем, хорошо ещё, что она это сама прекрасно осознаёт и не особо переживает, когда старшие товарищи учат их уму разуму. Жаль только сама Мерси не поддаётся дрессуре. Она не плохая девчонка, но ей явно не хватает родительского контроля.

Вот только почему-то нянкой всегда становлюсь я. В конце концов, формально мы с ней хоть и брат с сестрой, и нас таких целая дюжина, но у нас есть общий создатель, отец. Но стоит признать, что наш экстравагантный папочка с детишками пересекается крайне редко. Взрослые дела, наверное.

Но хватит лирики.

Я щёлкнул тумблером и мои *силы* ответили, позволяя поиграть в ищейку мирового класса. Так же, как и на парковке, я *увидел* следы живого прибывания. Крысы, голуби, кошки, даже парочка подростков и, наконец, нужный мне след. И знакомый. Я внимательнее всмотрелся в голубовато-зелёный поток с ароматом южного моря и заскрипел зубами.

Я точно знал имя обладателя подобного аромата и расцветки.

Некогда штатный журналист, этот действительно талантливый малый, несколько лет назад ушёл в вольное плаванье. Мы были знакомы, но весьма поверхностно. И о моей сути он знать не знал. По крайней мере, я так думал. Надо будет поинтересоваться у птички, что за дела тут творятся.

И выяснить, чем же так её любимый писака насолил Саливан, что вошёл в категорию «живучих».

Узнав всё, что мне надо, я решил подышать свежим воздухом. А что? Имею право. Я и так слишком долго сидел в четырёх стенах. И вот не надо тут припоминать все мои недавние вылазки. Это не «подышать воздухом», это проблемы, проблемы и ещё раз проблемы. И по большей частью не мои, хотя разрешать их приходилось именно мне. Короче, нечестно.

Я сел на край крыши, свесил ноги и стал любоваться ночным городом. Даже при моём образе посмертной жизни, мне нечасто приходилось вот так вот спокойно наслаждаться прелестями своего посмертия. Всё время что-нибудь отвлекало от созерцания неоновых огней, шума автострады и голосов десятков сотен людей.

А послушать всегда есть о чём. Достаточно лишь чуточку напрячь *слух*, как все самые потаённые разговоры превращались в радиопостановку для единственного слушателя. Я, конечно, в этом не так хорош, как мой лохматый сосед, но развлечь себя парой слухов мог.

Вот и сейчас, я устроился поудобнее, поправил воротник своего плаща, закутал лысую

головешку шарфом и позволил себе чуток расслабиться.

Я слышал лай собаки этажом ниже и ворчание старика, недовольного столь поздним шумом. Мужчина несколько раз прикрикнул на дворнягу, посетовал на старость и, судя по сопению, ушёл спать. А ведь он даже не догадывается, что хвостатый предупреждал нерадивого хозяина об опасности. В замке входной двери несколько раз щёлкнули отмычки и дверь бесшумно отворилась. Пренебрежение близкими часто играет с нами злую шутку.

Неподалёку кричал голодный младенец — их голоса особенно противны. Где-то слышал, что плач младенца раздражает окружающих именно для того, чтобы на маленького крикуна обратили внимание и защитили от всякого рода опасностей. Но что делать, если опасность представляет именно тот, кто должен защищать? Кто должен любить и дать возможность вырасти в полноценного и, возможно, полезного члена общества? Помимо ребёнка в квартире находилась его мать и судя по сердцебиению — сама ещё была сущим ребёнком. Если я правильно чувствовал её, то она не старше одной из моих дочерей, до её обращения. И это нервное, покалеченное жизнью дитя — не моя дочь, а девчонка в доме — готово было одним махом избавиться от всех своих проблем. Так, по крайней мере, считала она сама. Я не читал мыслей, не умел, да этого и не требовалось. Стук её сердца, частота и глубина дыхания говорили за неё сами — она была на грани совершить непоправимое. И эта грань оборвалась, когда младенец, голодный и холодный, завопил с новой силой.

Когда я встретил свою будущую дочь, малышку Меган, она была в худших условиях. Тогда не только грани разума были на пределе, но и жизни и смерти. И последнюю грань я помог ей перейти. А разум... С этим поможет только время. Как бы то ни было, моя Меган, в отличие от этой сломленной души, никогда не пошла бы на то, невольным свидетелем чего я стал. Ребёнок — это чудо жизни, свет, ради которого стоит жить. Жаль, что многие родители об этом забывают. Родители Меган, к сожалению, были из этого же числа.

К слову о детях.

Меняя точку обзора, а заметил знакомую мне троицу. Разве они не должны были быть уже в клубе? Но нет. Цви, Мерси и Энджи гуляли по ночным улочкам, громко смеясь и местами даже привлекая к себе внимание. Пара минут и троица скрылась за углом. Недолго думая, я перемахнул на соседнюю крышу и последовал за компанией. Мне было скучно, нечего делать и, может быть, чуточку любопытно.

И нет, я это делал не из-за чувства беспокойства, что кольнуло меня, стоило рыжей макушке показаться на горизонте. Скука. Честно слово, исключительно скука.

С той частотой, с которой я скакал по крышам родного города, я мог уже давать лекции по паркуру зелёным новичкам. Тут прибавить скорость, много свободного места, а здесь наоборот — снизить обороты: дымовые трубы и антенны не способствуют прыти гепарда. Здесь хороший парашют, крепкий, можно хорошо оттолкнуться, а дальше так удачно зацепиться за карнизы.

Кирпич под моими руками зашатался и выпал из пазухи. Мо chreach! Я и забыл про него.

Успев оттолкнуться от стены, я зацепился за флагшток и, забравшись на ближайшую крышу, спокойно продолжил свой путь.

Нужная мне компания особо никуда не спешила. Складывалось впечатление, что Мерси и Цви решили устроить моей племяшке экскурсию ночного образа жизни. Это меня даже не удивляло. Анджела, как прилежный ребёнок, жила лишь под солнцем и мир ночи, пускай и

чисто человеческий, без мракобесия и расчленённых трупов кругом, был далёк от её привычного уклада. Оттого и желание молодых монстров просветить её на этот счёт было логичным.

Удивляло, что вели себя клыкастые чудовища, словно прихожане в церкви.

Ни тебе тёмных закоулков, ни наркоманских притонов, ни районов красных фонарей, ни даже пьяной драки в баре байкеров. И это не гипотетические ситуации, это — привычный маршрут ночной парочки. И да, отпуская с ними Энджи, я был готов ко всему этому. Если она собиралась в дальнейшем стать Охотником, ей следовало уяснить, что «чудовищ» хватает и среди её братии.

Любительский театр, семейный ресторан, библиотека — вы серьёзно?! — именно это показывали мои приятели.

— Либо я стар и ничего не понимаю в клубах, — я поднял очки на затылок, наблюдая, как Мерси что-то яро объясняла Анджеке, показывая в сторону местного capitoлия. — Либо парочка что-то задумала.

И второй вариант выиграл. Спустя минут пятнадцать такого вот миссионерского блуждания, Мерси и Цви свернули в сторону одного из самых значных баров города. Видимо, предыдущие экспонаты были для контрастного сравнения. В это заведение не всякого громилу пускали, но Мерси, с её врождённо-приобретённым обаянием могла убедить кого угодно в чём угодно.

Я не стал смотреть дальше, зная, чем всё закончится и повернул в сторону дома, когда заметил боковым зрением тень. Именно заметил. Не *почувствовал*, не *услышал* или *увидел*, а всего лишь заметил. Вы спросите, что в этом такого? А то, что мои вампирские сенсоры должны были завопить, стоило неизвестно твари подобраться ближе, но они молчали.

Что бы это ни было, оно двигалось по крышам с той же ловкостью и лёгкостью, что и я пару минут назад. Не теряя ни секунды и надеясь, что это просто какая-нибудь шустрая, но мелкая хрень с низов пищевой цепочки, я ринулся за тенью. Чем бы оно ни было, в скорости оно меня превосходило. Всего через несколько ярдов, эта тварь смогла скрыться из виду, свернув за очередной каменной кладкой. Но я знал эти крыши лучше любого голубя, так что срезал путь и столкнулся лицом к лицу с бегуном.

Я успел разглядеть горящие жёлтым зрачки и пасть наподобие рупора, как все мои чувства завопили, словно током ударенные. Я *видел*, *слышал* и *обонял* десятки источников и все они были мерзопакостными. Тут же вспомнился найденный на парковке след. От того, что я испытывал сейчас, несло в сотни раз хуже и сильнее. Мой организм не справился с внезапной атакой химического оружия, выворачиваясь наизнанку.

Путаясь в одежде и скользя по содержимому своего желудка, я ринулся было в сторону, но сил хватило только на подползти к краю крыши и перемахнуть через него. Мусорные баки жалостливо приняли меня в свои объятия.

Не знаю, что это была за дрянь, хотя мозг услужливо подставил недавнее фото очередного мордлака, но сил на выяснение у меня не осталось. Всё прошло так же внезапно, как и началось. Лишь вкус горечи и ор пьяных херувимом в голове.

— Какого дьявола только что произошло? — я выбрался из мусора, отряхиваясь и сплёвывая.

Я огляделся, но тени не заметил. Я мог бы найти эту тварь, но вновь прибегать к супер-силе я откровенно боял... опасался. Неизвестная атака слишком сильно выбила меня из колеи и рисковать я не хотел. Хватит с меня и одного падения.

Организм, подвергшийся опасному воздействию, требовал крови и разрядки. И второго больше чем первого.

Я вышел из переулка и побрёл следом за первым же подвернувшимся мне неудачником. Парнишка, судя по исключительно чёрной одежде и капюшоне на голове, был либо наркоманом, либо вором, но в моём сознании он был картошкой фри. Мне должно было быть жаль его, всё-таки он просто оказался не в том месте не в то время, но не было. Я вот тоже пострадал за просто так.

У ближайшего переулка я *проскользил* к нему, утащил за собой в тень и прижал спиной к стене. Моя рука покоилась на его горле, глаза горели алым, а клыки готовы были вонзиться в живую плоть, но стоило мне рассмотреть угловатое лицо жертвы, как аппетит пропал и я ослабил хват.

— Дункан, — скривившись, пробормотал я.

Mo chreach! Вот только Охотника мне не хватало.

Я заскрипел зубами, что не очень то приятно, когда твои клыки наружу. Малосольного, во всех смыслах этого слова, Охотника я ожидал увидеть в последнюю очередь. Ну, как ожидал? Да я, вообще, про него думать перестал, не до него было. То Рэйчел со своими вопросами, то Зубоскал, ставший Цви, то нашествие Кровавой Мэри. Не будни, а водоворот неприятных стечений и случайностей.

Не был бы хреном неубиваемым — точно бы повесился. Хотя поговаривают, были прецеденты. Поспрашивать, что ли?

Дункан закашлял, напоминая о своём существовании. Я сплюнул и поспешил убраться из переулка. Не хватало ещё нарваться на его коллег по цеху. Возможно, и стоило бы встретиться с кем-нибудь постарше из их братии, поведать о непонятной твари. Но я встретил её сам, пережив не самые лучшие эмоции, так что оставлю и ребяткам в форме шанс познакомиться с дрянью лично. Не всё я страдать должен.

Стоило мне выйти под свет уличных фонарей, как проезжающий мимо Роллс-Ройс (чего его владелец, вообще, забыл в этом районе в это время?) забрызгал меня чёрной жижей. Ночь неумолимо катилась ко всем чертям вместе с моим добродушным настроением.

Надо было дома остаться. Детки и без меня бы спокойно ночь прожили. Двое точно, третьей-то уже поздно хоть что-то прожить.

Я стряхнул с плаща последний видимый кусок грязи, когда из-за спины раздалось хриплое:

— Неплохо вы меня приложили, мистер Моррисон.

— Иди к дьяволу, Дункан! — огрызнулся я.

И замер. Медленно обернулся, с прищуром глянув на Охотника, потирающего ушибленную шею.

— Дункан? — скептически произнёс я.

— Он самый, — лохматый нахал улыбнулся, блеснув тридцатью двумя рекламными.

— Да я знаю, что ты это ты! — огрызнулся я, подходя ближе и хватая щенка за грудки. — Какого чёрта ты знаешь, кто я?!

— Эм, — замялся парень.

Его глаза бегали из стороны в сторону, пытаясь зацепиться хоть за что-то, лишь бы не за моё разгневанное лицо. Похоже, Дункан решил взглянуть на вселенную, уж больно сильно его белки скрылись за веками.

— Мы встречались. То есть не встречались, в плане романтики, а типа мы пересекались. Я вас ещё поймал... и тварь была, страшная и не дохла... но мы её убили, вот... Потом вы мне чего-то с головой сделали и...

— Чего-то, Tolla-thon? Чего-то?!

Я оттолкнул Охотника, а обшарпанные стены зданий стали неловкими свидетелями гневной тирады. Я достал из закровов памяти все известные мне ругательства, что на гаэльском звучали словно призыв кого-то из чертогов Бездны.

Да я сам был готов спуститься туда и остаться. Тут творятся непонятные вещи, а внизу что? Внизу котлы, вилы, кострища — всё понятно и знакомо.

Хотелось убить кого-нибудь. Я и до этого горел желанием, а сейчас я готов был

отдаться инстинктам и кинуться хоть на крысу помойную. Дункана в расчёт не берём — его сожрать лишь проблем не оберусь.

Махнув на горе Охотника, я вывернул из переулка на улицу и побрёл в сторону клуба. Желание обиженного ребёнка кричало отыграться на молодом поколении: прилюдно накричать, заставить вернуться домой, поставить в угол... Так и быть, можно без угла, но испортить веселье — это уж точно.

— А куда мы идём? — спросил нагнавший меня Дункан.

Я решил проигнорировать мальчишку. Ну его. Почему на него не сработало *внушение* я не хотел сейчас выяснять, эмоции слишком клокотали внутри, чтобы здраво рассуждать. А такое на буйную голову не понять.

— На охоту? — не унимался кудрявый. — Я не буду вам мешать, силёнок не хватит. Это я понял после прошлой встречи. Вы какой-то не такой вурдалак.

Сам ты вурдалак, а я — высокоинтеллектуальный представитель рода кровопускающих и кровонажирающих.

— Но это, конечно, если вы не детей есть будете. А если будете, то я не смогу стоять в стороне. Убью вас.

Убьёт он меня, ага.

— Я никого не ем, — буркнул я. — Видовая принадлежность иная. А детей тем более.

— Жалко их, да?

Господи, какая наивность.

— Нет, мелкие просто. Ни крови, ни сытости, — я усмехнулся и клыки царапнули губы.

Внутренний зверь жаждал крови.

— А меня вы почему не убили? — внезапно спросил Дункан абсолютно серьёзным тоном.

— А надо было?

— Нет.

— Вот и не задавай дурацких вопросов.

Мимо нашей брутальной парочки прошла уже знакомая мне блондинка, повстречавшаяся нам с Зубоскалом на днях. Та, с пуделем. В этот раз видок красавицы был так себе — размазанная по лицу яркая помада, мягкая одежда, да и разило от девицы спиртным. А говорят ночь скрывает людские пороки. Ни черта подобного. Это днём люди только и делают, что маски сменяют одну на другую, лишь бы казаться лучше, чем есть, а ночью... Ночью по улицам городов передвигается такая шваль, что иные порождения ночи их обходят.

Девица попыталась подкатить к Дункану, но тот лишь неловко выставил руки перед собой, не давая той особо приблизиться. За что был послан поближе познакомиться со строением и функционалом мужских причиндалов.

— Но всё же, — отойдя от смущения, продолжил настаивать на своём Охотник. — Почему вы не убили меня?

— Я не убиваю охотников, — этот разговор начинал меня раздражать.

— В прошлый раз вы говорили иначе.

— Хорошо, — я остановился, развернувшись к Дункану. — Я не убиваю знакомых охотников.

— Вы так говорите, словно их у вас полно, — усмехнулся, но не очень уверенно, кудрявый.

— Больше, чем хотелось бы.

Мы продолжили путь и моё оголодавшее *обоняние* уловило знакомый запах. Троица была где-то рядом. Я втянул полную грудь воздуха, пытаюсь определить расстояние до источника. Слабоватый, значит мне до них топтать ещё ярдов пятьдесят.

Я свернул на другую улицу, нагло перебегая на красный свет светофора. Недовольный водила оглушил бранью и гудками. Но что мне его гроб на колёсиках? Я, при большом желании, его тарахтелку могу легко поднять и закинуть на крышу соседнего здания.

Хотя, нет. Это я приврал. Закинуть не закину, но вот легко приподнять это да. Очень полезно, когда младший из детей умудряется загнать под семейный автомобиль очередную свою игрушку.

Я притормозил, оглядываясь на Дункана. Охотник не спешил следовать за мной. Как порядочный гражданин страны, кудрявый ждал смены сигнала, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу. Я хихикнул. Сейчас щегол напоминал мне персонажа из мультика, семенящего на месте. Пешеходам мигнул зелёный и Дункан, широко шагая, чуть ли не перепрыгивая через «зебру», ринулся в мою сторону.

Я не стал ждать, когда малолетний преследователь — да плевать мне, что ему за двадцать, я старше и намного — достигнет меня, а продолжил следовать за запахом. Я, вообще, не понимал, чего Охотник не отставал от меня. Прилепился как пикси к микроволновке и не отпускает. Предположим, он меня не боится, но здравый смысл должен ему твердить — кричать! — что от меня нужно держаться подальше, избегать, спасаться бегством при первом моём появлении. Но с этим парнем явно что-то было не так.

— Подождите меня! — запыхавшись, крикнул Охотник.

Ну а я о чём говорил?

— Чего ты ко мне пристал? — не выдержал я, когда Дункан поравнялся со мной. — Пройдись по улице, что ли. Зомби закопай, вурдалака покорми. Отстань от меня.

— Вы другой, — очень серьёзным тоном начал Дункан и в этот раз я не стал ёрничать. — Нас учили, что все нелюди — это бездушные твари, у которых одна цель — изводить людей. Пожирать нас, утаскивать в свои миры, менять детей на своих подкидышей. Что долг каждого Охотника убить тварь, как только он встретится с ней, не раздумывая ни на секунду, иначе она, тварь, сможет проникнуть в наш разум, подчинить его своим извращённым желаниям.

Кто бы ни был Наставником в клане, к которому принадлежал Дункан, он был ярым фанатиком и безумцем. Явно не из числа тех, кого знаю я и кто знаком с Пактом. Неужели Старейшины допустили подобное поведение в нынешнее столетие? Или это овца, отбившаяся от стада?

— А людей, — продолжил Охотник, — что мешают свершению мирового порядка, следует относить к приспешникам тварей и...

Дункан замолчал, хмуро сдвинув брови. Пауза затянулась.

— И?.. — подтолкнул я. Мне правда стало интересно.

— И безжалостно сечь, не отделяя их от тварей.

Я резко затормозил, спугнув стаю крыс у лавки с хот-догами. Остановился и Дункан. Лицо парня было мрачнее тучи, а сам он беспрестанно покусывал нижнюю губу.

— Послушай, Дункан, — я встал так, чтобы наши взгляды встретились и приподнял очки, позволяя Охотнику взглянуть на меня, а не на собственное отражение. — Кем бы ни был тот человек, что вбивал всю эту ересь в твою кудрявую голову, знай одно — он псих. То,

что ты мне сейчас говоришь, ничто иное, как слепой фанатизм. Неужели ты веришь в это?

— Да... нет... не знаю... — парень покачал головой. — Всё было иначе, пока я не встретил вас. Вы другой. Вы не чудовище, вы спасли мне жизнь и могли убить, но не сделали этого. И неважно, какова причина. Но...

— Но?.. — я уже знал, что услышу в ответ.

— Но от старых догм тяжело избавляться.

— Ничего, я верю, ты на правильном пути. В конце концов, ты ведёшь этот разговор с вампиром, — я дружески похлопал Охотника по плечу.

Он не ожидал такого и смутился. Я сам был в шоке от собственного поступка, но что-то внутри меня твердило, что поступил я верно.

Ещё пара домов и вот я у своей цели.

Я заметил тройню через дорогу, да только они были не одни.

Возле разношёрстной компании вурдалаков и упырей, — да-да, это я так ласково о своих малышах — крутилось человек пять, не больше. Стояли полукругом, отгораживая Анджелу с компанией к стене, не позволяя им покинуть место перепалки.

А то, что это перепалка, сомнений не вызывало. Голос Мерси, даже без вампирских ухищрений, отчётливо слышался на расстоянии десяти ярдов.

— Да я задолбалась объяснять твоей пьяной роже, — слог в подобных беседах был под стать слушателям — простецкий и хамоватый, — что мы с вами никуда не пойдём!

Даже не видя лица Мерси, я был уверен на сто процентов — глаза её пылали алым.

— Хрена ты мне мозг паришь?! Хорош ломаться! — развязно выпалил щегол с зализанными выбеленными волосами. В чём-то его стиль был схож с Цви, но блохастый давал этому попугаю сотни очков форы. — Бросайте своего педрилу и валим с нами. Вы узнаете, что такое настоящие мужики.

Подпевали, что не сильно отличались обликом от так называемого главара, завыли на манер койотов, которым защемили их причиндалы в стальных щипцах. Цви скривился. Ему, как оборотню, такое издевательство над звуками воя было тяжело перенести.

— Ты меня не слышишь? Я тебе по-английски говорю — отвали!

Да, Мерси злилась. Всё, что осталось от неё человеческого клокотало от сдерживаемого гнева. Она готова была рвать и метать, пустить в ход не только кулаки, но и зубы, однако... Однако она не спешила этого делать. Ирония в том, что именно таким вот, странным, на мой взгляд, образом, Кровавая Мэри развлекалась, сбрасывая накопившийся стресс. Иногда, конечно, эти выходы приводили к образованию новых бет, а то и гамм, но обычно дело заканчивалось парой синяков и ушибов со стороны пристающих. И, видимо, лишь присутствие рядом Энджи тормозил её охотничий запал.

Ну и Цви, державший подругу за плечи.

Кстати, об Анджеле. Моя рыжевласка вжалась в стену, практически полностью скрывшись за спиной Цви. Испуг вперемешку с паникой искажал её личико. Видно было, что в подобной ситуации она впервые и что делать, как вести себя, она не знала. Не знала, и во что может всё это выльется. Или же наоборот, догадывалась, зная об истинных личинах своих готических друзей.

— Кажется, там что-то происходит, — теперь перепалка достигла и слуха Охотника.

Дункан, не обладая моими способностями, силился разглядеть, что же твориться на противоположной стороне улицы.

— Может стоит вмешаться?

Ха, джентльмен. Знал бы ты, кому помогать надумал.

— Не, давай подождём, — усмехнулся я, замедляя шаг. — Посмотрим, чем кончится.

— Бл*дь, сука. Нормально же общались, х*ли началось-то?! — парнишка явно не понимал намёков. Да и алкогольные пары неплохо притупили ему не только здравый смысл, но и инстинкт самосохранения. — Прокатимся. Пойдём, э-э-э... лапа.

И тут этот пижон совершил свою главную ошибку — протянул руку и схватил Мерси за рукав куртки. У вампирши лопнуло терпение. Даже со своего места я слышал, как ментальный тумблер Кровавой Мэри издал тонкое «щёлк».

— Слушай. Сюда, — чеканя каждое слово, произнесла Мерси, положив свою ладонь на руку нахала. — Убрал. Клешню.

— Или что, шлюшка? — самодовольный оскал и снова шквал недособачьего писка.

— Или я тебе... — готовая сломать парню руку, Мерси оборвала фразу на полуслове.

— Ай! — раздался болезненный вскрик Энджи.

Кровавая Мэри резко развернулась, сбрасывая с себя руку державшего её ублюдка.

— Не тронь её!

Пока Мерси и попугай пререкались, казалось, что внимание всех было сосредоточенно именно на них. Но нет, крайний из компании, еле стоящий на ногах и как-то нездорово поглядывающий по сторонам, в момент предполагаемой кульминации конфликта двух борющихся сторон, словно только заметил Энджи и не придумал ничего лучше, чем схватить её за прядь рыжих волос и резко дёрнуть на себя, заключая в пьяные объятия.

В этот миг оскалились все. И Мерси, сменившая цель, и Цви, обнажив столь не человеческий оскал, и я, к моему великому удивлению.

Ещё больше меня удивило то, что первым поспешил на помощь не кто-то из нашей зубастой братии, а Дункан. Если бы я не знал, что щенок человек, то на полном серьёзе предположил, что он *проскользил* до компании. Иначе его столь резкое перемещение на местности я объяснить не мог. Если, конечно, рыцарский порыв не придал ему толчка. Или пинка под Охотничий зад.

— Отпусти её, — хорошо поставленным, я бы даже сказал, властным голосом, без единого намёка на агрессию, произнёс Дункан.

От такой наглости опешили все. Монстры, взирающие на вновь прибывшего пришельца с любопытством удава к кролику. Пьянь, признавшая в молодом спасителе угрозу куда большую, чем парочка готов.

— Х*ли тебе тут надо? Иди куда шёл, сопля, — гаркнул главарь, но чувствовалась в его голосе слабость. Не знаю, чего такое излучал Дункан, но это действовало на парней куда лучше ауры страха, что обволакивала Мерси и Цви.

С другой стороны, пьяным страхом неведом. Неужто улыбка Дункана?

— Оставьте их в покое и убирайтесь прочь, пока ещё можете, — Дункан вскинул подбородок.

Я чуть со смеху не подавился. Да такие фразы только в книгах подобно своим встречал. Артистизма Охотнику не отнять. Судя по лицам Мерси и Цви, они придерживались моего же мнения.

Да и компания, вновь пустившаяся в хохот — тоже.

— Вы сами этого пожелали, — Дункан отвёл правую руку за спину.

Mo chreach!

Я проскользнул к Дункану, отодвинув его в сторону, не позволяя клинку достигнуть своей цели. Встав между детьми и Blaigeard, я обратился к последним, включив тумблеры на полную, и наплевать, что после стычки с тварью организм требовал восстановления.

— Убирайтесь.

Я не поскупился на *устрашение*. Не знаю, чего там повылезало из самых потаённых уголков их сознания, но недомерки затряслись, их лица стали сродни нашим с Мерси, а вонючий пот заструился из всех пор. Державший Энджи отбросил её словно прокажённую и рыжая угодила в героическую грудь Дункана. Охотник непроизвольно обнял её защищая.

— Прочь, — повторил я и пьяные Trusdar бросились вниз по улице.

Не успели их задницы скрыться за поворотом, как я уже схватил Мерси за грудки и придавил её к ближайшей стене в подворотне.

— Ох! — вырвалось из вампирши.

— Какого дьявола ты творишь, Мэри?!

Всем своим видом я олицетворял вампирскую мощь, как она есть. Гнев, помноженный на голод, исказили мой облик. Не такая уж и бледная кожа, стала отливать синевой, а и без того выделяющиеся черты лица заострились до колкости лезвия. На всем теле проступили пульсирующие тьмой вены. В глазах пылал кровавый огонь.

— Как давно ты ел, Маска? — пытаюсь расцепить хват, встревоженно проговорила Мерси. — Успокойся! Это же была невинная шалость. С Ангелом бы ничего...

— Mo chreach! — я с силой встряхнул девчонку и та испуганно пискнула. Пускай мы оба были сильнейшими вампирами, но природную разницу между силой девчонки-подростка и взрослого мужчины никто не отменял. — Кто дал тебе право творить такое на моей территории?!

— Это было ошибкой! Я была неправа! Отпусти, Маска! — Мерси трепыхалась в моём хвате, опасаясь за свою шкуру.

Ещё бы. В моём состоянии я еле держал под контролем разум. Я понимал, что стою на грани, но исправить это могла лишь кровь, а источников оной поблизости не было. Если только не дети, окружающие меня.

— Мистер Моррисон, не стоит... — попытался было вступить за Мерси Дункан. Похоже, его рыцарские порывы распространялись и на женских особей тёмного племени.

Кстати, этот щенок всё ещё держал в объятиях Анджелу.

— А ты убрал руки от моей племянницы! — рявкнул я, разворачиваясь к Дункану и отпуская Мерси.

Вампирша грохнулась на землю, кашляя и тихо ругаясь. Стоявший поодаль Цви помог подруге подняться, осуждающе глядя на меня. Он не мог мне ничего ни сказать, ни сделать. И если первое из-за физиологических особенностей, то второе из инстинкта самосохранения. Сейчас бы я его порвал на сотни маленьких переносчиков блок.

Дункан же, узнав о статусе Энджи, немного отстранил её от себя, но не для того, чтобы отпустить, а дабы лучше рассмотреть.

— Для нежити ты слишком милая, — сморщив лоб, констатировал Охотник.

И получил от рыжей кулаком под дых.

— Я человек, придурок, — бросила Анджела, но от моих глаз не ускользнуло, что лицо её залилось румянцем.

Даже несмотря на пылающий во мне гнев, я усмехнулся, довольно пугающе, учитывая мой облик, но веселье моё длилось недолго.

Наша «идиллия» была грубо нарушена. У выхода из подворотни вновь появилась недавняя пьяная компания. И было в них что-то не так. Их движения были резкими, поступь неустойчива, а взгляды затуманенны — вроде бы те же самые пьянчуги, но нет. Это уже были не те парни, что попали под моё *устрашение*. Они были под куда более сильной дрянью, что мои вампирские шгучки.

Выдавал их уже знакомый мне смрадный след. Ярость давно уже врубилась мои силы на полную и компашка выделалась мне грязный пятном неестественного, мерзкого цвета, от одного вида которого хотелось распрощаться с содержимым своего желудка. Он был не столь отчётливым и ярким, как у мордлака и в подмётки не годился тому, что оставила после себя недавняя тварь, но это был он. То же вонючее родство.

И это обрадовало меня до самых глубин моей тёмной души. Каждая проклятая частичка моего тела трепетала, точно зная, что сейчас должно произойти, мои инстинкты вопили об этом, предупреждали и я ждал. Действовать первым сейчас было бы ошибкой. *Ne comme il faut*.

— Эй! — крикнул Дункан, также заметивший наших незваных гостей. — Вам тут не ме...

Но договорить твари, а людьми они уже точно не были, Охотнику не дали. Свора кинулась в атаку.

Тот, что выступал у них за главаря, бросился на не ожидавшего Дункана. Даже не так. Тварь *проскользила*, готовая вцепиться в горло мальчишки, но я успел перехватить её, вырвав бывшему пьянчуге обе руки. Вместо красной живительной влаги на грязные камни закапала тёмная, вязкая слизь. И это абсолютно не смутило согнувшуюся тварь. Она развернулась, целясь раскрытой пастью, которая больше походила на блендер, мне в ногу. Недолго думая, я ударил тяжёлым берцем в раскрытую мясорубку, кроша ко всем чертям не только бегающие по кругу зубы-лезвия, но и череп. Парень отлетел к стене, раздался хруст дробящихся костей и тело сломанной куклой повалилось на землю. Обезглавливание всегда спасало от нашествия нежити и прочей чертовщины.

Я развернулся к своим детишкам и застал бой полным ходом.

Мерси, забрызганная слизью, отрывала тому недомерку, что ещё недавно рванул Энджи за волосы, щупальца, заменившие тому пару рук. Тварь не сдавалась и девица, недолго думая, перегрызла бледное горло и отправив рычащую головешку в полёт до ближайшей стены. Мерси, скривившись, сплюнула под ноги чужую кровь.

Цви, способный столь ловко манипулировать своими превращениями в период полной луны, звериными когтями рвал на части брюхоногую жабу, которая ещё недавно была толстым парнем с пятнами кетчупа не грязной футболке. В том месте, где у нормальных людей желудок, у этой твари располагались десятки ртов, готовые укусить оборотня. Но ловкость какого недовурдалака была ничто, по сравнению со скоростью любимца луны. Даже не в полной трансформации Цви потребовалось всего несколько точных ударов, и по стенам переулка расползлись ошмётки плоти и внутренностей.

Хуже всего приходилось Дункану. Пришедший в себя парень ловко орудовал клинком, не позволяя двум тварям добраться до него и Анджелы, которая, к чести сказать, отбивалась тут же подобранной бутылкой, из которой успела соорудить «розочку». Две твари, сросшиеся между собой и походившие не то на химеру, не то на гидру, пытались добраться до парочки острыми клешнями-жалами, с которых капала едкая слизь, разъедающая камень

под ногами. Левая тварь, противник Дункана, нацелила своё орудие в живот парня, но Охотник ловко парировал удар, и на выходе из манёвра отсёк смертельное жало. Анджела была не столь удачна — бутылка была слабым орудием против клешни, но даже этого хватило, чтобы на поверхности появился с десяток кровоточащих порезов.

Я втянул воздух полной грудью.

Порезов, с которых капала самая обычная красная кровь.

Наши с Мерси взгляды встретились и словно синхронные пловцы, что годами оттачивают своё мастерство, мы *проскользили* к двутельному и вонзили свои клыки в, как оказалось, живую плоть. Мерси не стала растягивать удовольствие — пара глотков и свёрнутая шея.

А вот я отвёл душу. Я пил с яростью безумца, осушая жертву досуха. С каждым глотком я восстанавливал силы, что ещё миг назад были на грани. Мой облик постепенно возвращался в привычное состояние, как и моё внутреннее равновесие. Как только пустая оболочка коснулась земли, я вновь был добродушным, старым Энди.

— Что, во имя Отца, это было? — спросила Мерси, пиная одно из тел.

— Мордлаки, — произнёс я, но Мерси глянула на меня скептически. — Или что-то очень им близкое. Это уже третий случай за последние несколько дней, как я встречаюсь с подобной дрянью.

— Что творится в твоём городе, Маска? — спросила Кровавая Мэри, стряхивая с юбки ошмётки чужой плоти.

— Я и сам бы хотел это выяснить, — я глянул на Анджелу, что с шоком переводила глаза с «розочки» на тварь у своих ног. Дункан, щенок, обнимал её за плечи. — Но сейчас нам нужно поскорее выбраться отсюда. Не хватало ещё набрести на патруль.

Но стоило нам выйти из переулка, как мы нос к носу столкнулись с парнями в форме и блестящими железяками на груди.

Mo chreach!

Это как сцена из старого, дешёвого, но в своё время очень популярного чёрно-белого фильма. После свершения громкого преступления, самоуверенная банда преступников, уходя от погони, обязательно своим же ходом прилетает за решётку и становится счастливыми обладателями оранжевой униформы. Казалось бы, почему именно так? Почему герои, всего лишь минуту назад ограбившие банк, прямёхонько, без особых усилий со стороны правоохранительных органов, становятся зверьками в клетке, у которых одно развлечение — круги по двору наяривать, да плести макраме? А потому, мой дорогой друг, что это трактуется чёртовым жанром комедии, в котором логика и окружающего мира, и персонажей в частности, далека от реальной.

Вот и я сейчас ощущал себя таким вот недоделанным, плохо прописанным персонажем третьесортного сценария.

Трое копов, судя по форме — патрульных, проводили одну из своих мозговправительных бесед с местным населением в лице пьяной компании разноцветных подростков. Время давно за полночь, а детишки, похоже, решили опробовать все тяготы взрослой жизни и начали с посещения баров. Куда, судя по недовольной роже рядом стоящего комнатного бультерьера-вышибалы, прошли по очень хорошо сделанным бумажкам. Не удивлюсь, если к этому приложил руку кто-то из мелкой братии семейки, к которой относится Рэйчел.

И вот в тот красочный момент, когда детвору запихнули в одну из машин — странно, почему тачек две и одна из них напоминает машину инкассаторов? — слуги народа с дубинками наперевес обернулись в нашу сторону. Просто представьте себе это на минуточку: трое трудяг в обычный, на первый взгляд, вечер, после рутинной работы сталкиваются с компанией ну очень подозрительных людей в чёрных одеяниях с ног до головы в чужой крови и ещё чем похуже. И, конечно, не забываем, что во главе стоит ваш покорный слуга, не самой милой наружности с кровью на лице, словно только опустошил пару галлонов. Впрочем, это недалеко от истины.

И что я делаю в этот критический момент, когда вляпываться в неприятности вот вообще не входило в мои планы?

Правильно...

— Это не то, что вы думаете!

... продолжаю строить из себя грёбанного персонажа комедии.

Ребятки переглянулись и ближний к нам, вроде как старше прочих по званию, медленно потянулся к кобуре. Коллеги последовали его примеру.

— Сэр, с вами всё в порядке? — окинул взглядом нашу компашку. — Со всеми вами.

Сколько дружелюбия в голосе, но вот глаза ни на йоту недружелюбны. Сталь, и только. Ну, может, ещё и свинец.

— Да, всё окей, — как же я хотел оказаться подальше от всего этого. Дома. В кроватке.

— Пол, — кивнул старший левому, — глянь, что там.

— Ребята, всё нормально, правда, — я сам не особо верил, что получится, но чем чёрт не шутит?

— А вы, — бросил офицер, стоило мне занести ногу для шага, — оставайтесь на местах.

Дик, не спускай с них глаз.

Правый кивнул, достав свой табельный и медленно направив его мне в лоб. Если не везёт, то не везёт по полной.

Зеваки из числа посетителей клуба, вышедшие покурить или глотнуть свежего воздуха, а также тех, кому так и не удалось попасть внутрь, внимательно следили за происходящим. Некоторые даже исподтишка щёлкали нас на свои телефонные камеры, но по счастливому совпадению, коп Дик перекрывал поле зрения своей могучей спиной и мы с Мерси особо не отвечивали на записях.

— Господи, Нил! — крикнул названный Полом, проверив переулок за нашими спинами.

В голосе полицейского сквозил ужас. Ещё бы — не каждый день тебе приходится лицезреть разорванные туши чудовищ.

— У нас здесь десять-тысяча!

Ого, да наши копы всё ещё используют систему десять-коды. Помнится, как-то использовал эти циферки в своих работах и эта пара значит...

— Сколько?

— Пять человек.

Да-да, мёртвый человек.

— Как — человек?! — я откровенно охренел и обернулся, чтобы убедиться в словах офицера. Моему примеру последовали и Анджела с компанией.

И вот зря мы это сделали. Как-то резковато у нас это вышло.

— Не двигаться! — рявкнул Нил.

Ох, как же болит голова.

— На землю! Руки перед собой! Живее!

Нам не оставалось ничего иного, как подчиниться. Сейчас, на улице, пришлось бы на слишком многих использовать *внушение*, а это было выше моих — не, не сил — желаний. Надоело. Я устал и хотел уже добраться спокойно до своей квартирке. А сделать это было проще примени я *силы* один на один с копами.

Судя по спокойному повиновению со стороны моих друзей, они разделяли моё мнение.

— Пол, держи их на прицеле! Дик, наручники!

Нил умело командовал своими коллегами, распределяя обязанности. Сам же он потянулся к рации на плече.

— У нас десять-четырнадцать. Повторяю, десять-четырнадцать, — офицер окинул нас взглядом. — Десять-девятьсто шесть. Возможно, десять-сто три «М».

А это было грубо. На психов мы не тянем. Ну, может только Цви. Я давно говорил ему сменить имидж.

Коп защёлкнул на моих руках «браслеты» и меня пронзила жуткая боль. Запястья горели, как в огне. Судя по шипению со стороны Мерси и Цви, сейчас они испытывали ту же боль.

— Мо chreach! — гаркнул я, осознав, какой именно металл сдерживал меня сейчас.

Я встретился взглядом с Нилом. Офицер был спокоен как удав. Слишком спокоен. Коп щёлкнул тумблер на рации и разряд тока прошёл вдоль моего позвоночника, вырубая на месте. Последнее, что я запомнил, так это мой крик вперемешку с криками деток.

Ох уж эти хреновы ангелочки в моей голове, трубящие в свои испорченные трубы. Голова гудела так, словно её аккуратно зажали между молотом и наковальней под тысячу

фунтов, и долбили не переставая. Не удивлюсь, если после снятия с моей башки чёртова мешка, на моей черепушке помимо стильного тату обнаружится пара-тройка трещин с милую длинной.

А то, что я был в мешке, сомнений не возникало. Во-первых, я видел в темноте отлично, а сейчас не мог и пылинки разглядеть. Хотя нет, именно пылинки я только и мог видеть. Дальше лишь непроницаемая поверхность мешка. Во-вторых, у меня дико чесался нос от этого чёртова материала, а почесать не получалось. Руки были закреплены со спины и судя по жжению, всё теми же серебряными наручниками.

Пару раз дёрнул руками и услышал звяканье цепей. Не удивлюсь, если тоже серебряные. Я устроился максимально удобно в моём нынешнем положении и отдался на волю ощущениям и силе.

Я слышал три сердцебиения, одинаково спокойные, точные. Судя по всему, Цви, Анджела и Дункан спали. Четвёртого, а точнее, четвёртую я чувствовал. Ибо сердцебиение Мерси было... никаким. Издержки вида.

Видимо, я первым очнулся после внезапного разряда молнии в спине.

Интересно, что кроме своих соседей по несчастью, я больше никого не ощущал. А должен был. В конце концов, кто-то ведь должен был вести наш катафалк. Движение я чувствовал и без всяких вампирских сил, благо ухабы на дорогах Индианаполиса помогали. Жаль только, не мог точно сказать ни куда мы едем, ни как давно. Оставалось только расслабиться и отдаться на волю случая.

Делать-то всё равно нечего.

— Ох! — раздалось рядом. — Моя голова...

Мальш Дункан, наконец, пришёл в себя. Молодец, я думал, он очухается не раньше, чем Мерси с Цви придут в себя. Всё-таки крепкий парень, но злил меня. Слишком талантлив был. Молодец, разработал кучу интересных штук, но злил. Просто потому что. Ну да, я обижался. И вообще, он Анджелу обнимал, а Анджела, хоть и натворила сама всякого разного, была моей роднёй.

— Кто выключил свет? — раздалось где-то спереди. — Как же болит моя задница.

О, а вот и Мерси. Вампирша кряхтела, стонала, выбирая наиболее удобную позу. Пару раз чертыхнулась, судя по звукам попыталась встать, но цепи держали её не хуже моих, и громко шлёпнулась на металлический пол.

— Твою мать, моя задница!

Рядом раздался лающий смех, который очень быстро перешёл в тихий скулёж, когда, судя по звукам, Мерси врезала оборотню ботинком в бок.

Так, если зубастые были напротив меня, а Дункан слева, значит, тепло справа и тихое сердцебиение принадлежали Энджи. Рыжая всё ещё спала, хотя уже временами постанывала от боли. Девчонку было жаль, она, считай, пострадала просто потому, что была не в том месте, не в то время. Вечно она влипает во всякие проблемы.

Стоп. Подростки, конечно, проблемные личности, но не на столько же.

В голове сами собой стали всплывать картинки недавних событий. Ещё при первой встрече Энджи была вся в ссадинах и откуда они появились, она мне так и не рассказала. Потом встреча с обдолбышами из полицейского участка, что, возможно, можно было бы списать на совпадение, но не с моей племянницей. Чувствую, с ней «совпадений» не бывает. Так. Затем было нападение в доме Охотника, и те, кого я отправил в мир иной, не очень смахивали на обычных грабителей.

Кстати, надо бы связаться с Вероникой и выяснить, что она накопила.

Я усмехнулся. Это могло произойти раньше, чем я рассчитывал.

Идём дальше. А что у нас дальше? Внезапно объявившиеся твари, сильно похожие на мордлаков, но не являющиеся ими. Почему? Потому что всего за несколько минут до нападения на нас, эти придурки были людьми и ни кем иным. А мордлаки, хоть это и было противно признавать, относились к низшей ступени нашего вида. То есть de facto нежить. А от парней разило жизнью за милую. Лишь вернувшись они стали тварями. И...

Картинки сменялись одна за другой.

И пытались добраться до Анджелы. Только сейчас я сообразил, что недомордлаки тянули свои безобразные клешни к рыжей макушке. Эти твари никогда не отличались коллективизмом и слаженностью движений, чего не скажешь о тех неудачниках, которых мы пустили на удобрения.

— Как говорила Алиса: «Всё чудливей и странноватей», — пробормотал я, почесав затылок об стену нашей движущейся камеры.

— Мистер Моррисон?.. — испуганно прошептала Энджи.

Я чувствовал панику и слёзы в голосе племяшки. Девочка была готова сражаться с чудовищами лицом к лицу, но абсолютно терялась перед неизвестностью.

— Я рядом. Как и все, — я выключил к чертям сарказм и иронию. Девочке и так было хреново. — Не бойся. Всё будет хорошо.

— Откуда вы знаете? — буркнула рыжая, уткнувшись лбом мне в плечо.

— Ага, Маска, откуда? — подала голос Мерси.

— Жопой чую.

Наш транспорт остановился.

— Вот сейчас и узнаем, насколько вы были правы, мистер Моррисон, — в голосе Дункана чувствовалась сталь. Если нас ожидал бой, то юный Охотник собирался биться до последнего.

Скрипнул засов, послышались шаги и с десятков сердцебиений приблизились к нам, звякнули цепи и крепкие руки подхватили нас, потащив наружу.

— Отпустите меня!

— Убрали руки, уроды!

— Не трогайте девушек!

Волчий рык вторил крикам моим компаньонов.

— Нежнее, ребята! — рявкнул я, но мои слова проигнорировали.

Каменный пол встретил нас запахами сырости и гладкой, прохладной поверхностью. Судя по оханию, мешком бросили не только меня. Те же самые сердцебиения стянули с нас мешки, позволив яркому свету ослепить нас.

Mo chreach! Опять я без очков остался.

Когда боль прошла я смог различить окружающих нас людей. С десятков, не меньше, хорошо обученных вояк в полном обмундировании а-ля сватовцы, вооружённые не только привычными Venelli M1 и Colt CAR-15, но и клинками разного уровня заточки и опасности гранатами и прочими радостями оружейных фанатиков.

У самого моего носа остановились кроваво-красные военные ботинки с металлическими вставками. Я кое-как извернулся и взглянул на стоящую передо мной женщину. Как вторая кожа, её обтягивала алого цвета униформа, словно у дайвера, да только на поясе помимо мачете висели десятки ампул и шприцов. Ох, как хорошо смотрится эта

форма в районе груди, подчёркивая её упругость. Чёрная пантера смотрела на меня суровым взором васильковых глаз.

— Bonjour, ma panthère noire, — улыбнулся я, но тут же пожалел об этом.

Каблук ботинка упёрся мне в висок.

— J'ai demandé parce que je ne l'ai pas appelé, Morrison.

Пыточно-допросная встретила меня голубыми обоями в ядовито-розовый цветочек — по-моему, это маргаритки — мягким диваном с кучей разноцветных подушек, что так любят всякого рода бабульки и корзинкой, в которой на вязанной — узлы точно ручные, такое машинке заводской и не снилось — тряпице удобно расположилась горка сахарного печенья с корицей.

С такой милоты становилось тошно и хотелось волком выть. Интересно, Цви именно этим и занят или у него нормальная, порядочного вида, допросная? Если да, то ему дьявольски свезло.

Моя личная Немезида, в лице местного инквизитора — ну а кто ещё может заниматься допросами? — полностью соответствовала ареалу обитания. Немолодой мужчина с плешью, что словно венки, была охвачена густой полоской седых, я бы даже сказал, сказочно-белоснежных волос. Довольно низкий, чтобы напоминать бочонок с... хотел сказать с ромом или элем, да только этот вряд ли за всю свою жизнь хоть каплю спиртного принимал, так что будет бочонком с чаем. И судя по керамической посудине на грелке, чаем с ромашкой.

Инквизитор разлил душистый напиток по кружкам, протянул одну мне, лучезарно сверкнув не только белоснежной улыбкой из-под густых усов, но и голубыми глазами из-под таких же густых бровей. Я принял кружку, хотя в наручниках это было крайне неудобно делать, вдохнул аромат и тихо поинтересовался:

— А Монсеньор Лиар не присоединится к нам?

Упомянутый мной инквизитор был полной противоположностью субъекта передо мной: высокий, весь жилистый и подтянутый, он часто напоминал мне священника из «Трупа невесты».

— Монсеньор Лиар был отозван из данной вотчины, — размешивая, кажется, шестую, ложку чая, проговорил мой подвальный Санта. — Отныне это моя ноша, отвечать за заблудших овечек по эту сторону Атлантического океана.

Я отхлебнул горячего настоя, больше для приличия, вкуса-то я всё равно не разбираю, и, усмехаясь, полюбопытствовал:

— И как же имя нового пастуха?

— Отец Матен.

— Серьёзно? — я даже подался немного вперёд, да только мягкость дивана буквально засасывала в себя, не позволяя особо ровно сидеть.

— Более чем, — улыбнулся Матен, но глаза добрячка предостерегали от неуместных шуток, связанных с фамилией.

— Отлично, — я позволил себе наглость и откинулся на спинку дивана. — И когда же начнётся допрос?

— А он, собственно, уже, — мужчина развёл руки в стороны, словно извиняясь.

Заняв крепкое, дубовое кресло напротив, святоша поставил кружку на широкий подлокотник и сложил руки на пузе, сомкнув пальцы в замок. Если он сейчас захрапит, я даже не удивлюсь.

— То есть я был прав, считая, что вся эта антуражность для морального давления на врага? — я хотел пошутить, но как-то не вышло.

— Именно, — на полном серьёзе ответил инквизитор. — Я слышал, что ваша братия предпочитает всё связанное с тьмой, смертью и гниением, а порождение света во всех формах его выводит из колеи.

— Во-первых, это враньё и дурной стереотип. Я вон, судя по стереотипам, должен на кладбище в земельке спать, в гробу, но предпочитаю домашний уют и постель с ортопедическим матрасом.

— Правда? — заинтересовался Отец.

— Правда, — кивнул я. — А во-вторых, в смысле «слышал». Разве вы не полевой работник?

— По-моему, допрос должен вести я, — голубые глаза блеснули льдом.

Мне показалось или в этом игрушечном инквизиторе только что проявилась хорошая такая, калёная сталь?

— Но если честно, — продолжил Санта, сменив гнев на милость и, Мо chreach, слегка покраснев в щеках, ещё больше усиливая схожесть с разносчиком халявы, — это моё первое дело. До этого я больше времени проводил среди пыльных книг и свитков, изучая тварей ночи с теоретической точки зрения.

— На практику потянуло? — не удержался я.

— Да-да! Захотелось узнать всё, так сказать, изнутри, из первых рук.

— Могу обратить, — я лучезарно улыбнулся, обнажая клыки, и тут же получил разряд тока в запястья. — Мо chreach!

— У вас своеобразное чувство юмора, мистер Моррисон, — святоша улыбался не хуже моего. — Монсеньор Лиар именно так вас и описывал «чрезвычайно живой для того, кто мёртв и с чувством юмора, граничащим со шутками дегенератов».

— Так чего этого милягу Лиара отослали? Мы с ним так хорошо ладили, — он ненавидел меня и жаждал моей полной кончины, я отвечал высохшей треске тем же.

— Скажу вам по большому секрету, мистер Моррисон, — Санта наклонился в мою сторону, переходя на шёпот, — но Старейшины были несогласны с его методами работы.

Матен откинулся назад и отдался каким-то своим думам. Не знаю, чего там было в методах Лиара, но после наших встреч с этим Trusdar, я не походил на медленно запекаемую курицу. Его наручники было из обычной стали и больше служили для антуража, нежели для прямых целей. Чего не сказать о новых игрушках, пришедших с новым пастушкой.

Охотники что-то замышляли и мне это не нравилось.

— Продолжая нашу милую беседу, — напомнил о себе Санта, — как вам дизайн? Я не уверен, что он отвечает всем желаемым запросам.

— Я бы сменил обои, — святоша вёл какую-то игру и я был готов ему подыграть. Что мне ещё оставалось, если я даже пошевелиться не мог без обнимашек с Зевсом? — Цветы не подходят под общий стиль. А так достаточно миленько и вполне соответствует вашим потребностям — меня уже тошнит от всего этого рюшества.

— Хорошо, хорошо, — довольно заулыбался Матен, потирая усы. — Значит, теория верна.

— Не, просто у вас вкус дерьмовый, — я не удержался и заплатил за шутку ещё парой десятков нервных окончаний. — Хватит уже!

— Простите, но вы сами не оставляете мне иного выхода. Вы — жестокое чудовище, а я,

лишь слуга Господень. Мне нужно чем-то защищать себя, — инквизитор стряхнул с плеча невидимую пылинку.

Этот Blaignard начинал меня откровенно злить.

— Коль с этим мы разобрались, я хотел бы получить ответы на некоторые интересующие кланы вопросы. Начнём с вашей племя...

Я резко подался вперёд, скалясь и наплевав на усиливающиеся разряды. В воздухе запахло палёной плотью.

— Кто дал *вам* право задавать вопросы *мне*?!

Не знаю, что больше смутило эту баранью отбивную, мой напор, наглость или полное отсутствие страха перед его игрушкой, но на лице этой отъевшейся канцелярской крысы пробежала волна растерянности.

— Но мы Охотники, испокон веков...

— Ваше «испокон» началось на добрые тысячи лет позже, чем на свет появился наш Отец. Вы — всего лишь дети, которые забыли, кто и что выучил вас ходить, быть теми, кто вы есть. Или же в ваших пыльных книгах не сказано, что именно Первый Апостол обучал тех, кто стоит у истоков вашей добрячковой организации?

Отец Матен поёжился, хрустнул костяшками пальцев и посмотрел прямо в мои багровые глаза.

— Вы правы, мистер Моррисон, — медленно начал Санта, вернув себе уверенность. — Мы все, всего лишь дети. И как все дети, мы совершаем поступки, не ведая, где есть добро, а где зло. И одних детей награждают за старания, других же...

Святоша немного замялся, подбирая правильные слова.

— Наказывают, — я потряс наручниками перед лицом инквизитора. — Как понимаю, именно для этого и были разработаны данные игрушки. Качественные побрякушки.

— Благодарю на добром слове, — Матен выпятил грудь вперёд, как довольный кот. Я же немного отклонился, не желая столкнуться лбом с плешивым. — Личные разработки. Немного новшеств в нашем деле не помешает. Нужно идти в ногу со временем, опережать врага, так сказать.

— Ага, — пробормотал я и врубил *силу* лишь на четверть возможного.

Наручники заискрились, разрывая воздух вокруг меня немаленькими разрядами, а от запястий повалил густой, едкий дым. Несколько секунд животной боли, скрип челюсти и дорогая игрушка щёлкает, раскрываясь и звонко грохаясь на пол.

— Немного не доработали, — я улыбнулся, но как-то криво. Руки саднило. Хотелось опустить их в ведро с ледяной водой.

— Впечатляюще, — к моему удивлению, Отец Матен был доволен моей выходкой. — Надо будет отметить в отчётах полученный результат.

Я приподнял бровь, не очень понимая, что происходит. Этот инквизитор был каким-то... неправильным, что ли? Я устроился удобнее на этом чёртовом диване и глубоко вздохнул.

— Так зачем вы захватили нас?

— Как я говорил ранее, у нас есть к вам и вашим друзьям несколько вопросов. Первый из них...

— Касается моей племянницы. Это я уже понял. Что именно вас волнует? Вы же должны знать, кто она.

— Да-да, мы всё знаем. Она дочь нашего коллеги, но меня больше интересует, что она

делает в компании вас и ваших ночных друзей?

— Не поверите...

— Да-да?

— Живёт. Аллан отправил её ко мне, так как считал, что ему угрожает опасность. Как мне известно, он пропал с ваших радаров.

— Да-да, это мне известно. Мы всеми силами пытаемся его отыскать.

Не сомневался. Терять лучшего из лучших никогда никому не нравилось.

— Что-нибудь ещё?

— В последнее время в городе участились пропажи людей. В основном без определённого места жительства, ютящихся по приютам для бедных, ночлежках.

— Это не я, — что-то этот разговор вызывал у меня чувство *déjà vu*. Свести что ли святошу с Рэйчел? — И не кто-то из моего Прайда.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Согласно Пакту и нашей натуре, мы придерживаемся правил малой крови. У нас пропажи людей происходят один на миллион.

Санта глянул на меня как на нашкодившего ребёнка.

— Ну, ладно. Два на миллион.

— Да-да, я верю вам. Вы строго блюдёте Пакт.

Почище многих Охотников, но об этом я решил умолчать. Не стоило лишний раз ёрничать. Чем меньше я вредничаю, тем быстрее закончится эта пародия на допрос.

— А что вы скажете о росте мордлаков на выделенном вам участке?

— И кто мне его выделил? Вы? Ваш Папа? Адонай? Хочу вам напомнить, неяпришёл сюда следом за вами, а *вы* шли по моим следам. Это *мои* земли.

— Это всё казуистика, — махнул рукой Матен, словно я сморозил какую-то забавную шутку.

Ну-ну. Шутник, *Mo chreach!*

— Что же касательно вашего вопроса, Отец Матен, то меня самого интересует, откуда эта дрянь полезла. Мордлаки никогда не были редкостью, но и не частили. За последние несколько дней я сам уничтожил несколько тел, хотя до этого в городе они появлялись не чаще раза в несколько месяцев, — я пожал плечами. — Ошибки бывают у всех.

— Да-да, — кивнул Санта. — То есть вы в курсе происходящего?

— Я в курсе, что сегодня ночью на меня и моих друзей напали твари, которые очень напоминают мордлаков и что их происхождение мне не известно. Но я это выясню, чего бы мне этого ни стоило. И мне никто не помешает, — я многозначительно посмотрел на инквизитора.

Отец Матен молча гладил свои усы, разглядывая цветы у меня за спиной. Я дал ему время обдумать услышанное.

Размышлял и я. Моё посмертие за последние несколько дней стало слишком бурным и активным. И мне это не нравилось. Мордлаки, родственники, мафия, Охотники. Больно много внимания для моей скромной персоны.

— Вы можете подробнее рассказать о тварях? — Отец Матен достал из кармана толстый, плотный блокнот и ручку.

Я серьёзно кивнул, готовый к продолжительному разговору.

— Что именно вас интересует? — я сгрудил подушки под задницу, чтобы хоть как-то избежать поедания моей филейной части мягким монстром. — Как остры их когти, ядовиты

выделения? Или каково было сражаться с ними?

— Да-да, — кивнул инквизитор, что-то строча у себя в блокноте. — Мне нужны все подробности. Как встреча с этими мордлаками? Было ли с ними что-то не так?

— Мордлаки как мордлаки. Мерзкие, разлагающиеся и вывернутые, — вспомнилась тварь, что напала на нас с Дунканом.

— Нет, так дело не пойдёт, — Санта посмотрел на меня как на провинившегося ребёнка. — Если ваши ответы будут столь... наводнёнными, то мы не придём к общему знаменателю. Помните, мы все делаем общее дело.

— Да вот только вы периодически забываете об этом, выкашивая мою кровь, — заметил я.

— Так и вы с Охотниками не в ладушки играете, — улыбнулся святоша, пожимая плечами. — Пакт пактом, но вы твари, а мы те, кто охраняет мирян от тварей. Просто всегда находится общий враг, который мешает всем. Ведь именно так и появился Пакт.

— Я знаю эту историю получше вашего, хоть и не принимал участия в той войне. Мы никогда не забывали свои корни, — я огрызнулся, но больше для виду. — Так какие подробности вас интересуют?

— Да-да, были ли эти твари именно мордлаками? В привычном для вас, конечно, понимании.

Я призадумался. Тварь, атаковавшая на парковке, была мордлаком, без сомнения, но не ребятки у клуба. Никогда ещё живой человек не оборачивался таким монстром по щелчку. Они были и не были мордлаками. Я не мог этого понять, и тем более не мог объяснить.

— Они... — медленно начал я, — были неправильными. Тварями, но что-то в них было иное, не... — я замер.

— Да-да?.. — Отец Матен нетерпеливо постучал ручкой по краю блокнота.

Но я продолжал молчать, медленное анализируя атакующих. Первый мордлак тоже был неправильным и проявлялось это в его следе. Нет, запах и цвет этих тварей всегда оставлял желать лучшего, но та мешанина, что я *увидел*, была слишком отвратной даже для этих Trusdar. И ещё более мерзкое месиво шло от существа, которое я давеча преследовал. А парни? Те Blaignard, что... Бой пронёсся у меня перед глазами. Те Blaignard, что направляли атаки в Энджи. Какова вероятность, что примени я *зрение*, не увидел бы то поганое пятно?

— Мистер Моррисон?

— Их след, — наконец, продолжил я, — тот, что остаётся от любого существа, мёртвого или живого — неважно, но след, который нельзя замести или изменить, он изначален и лишь сам рассеивается со временем. Их след был каким-то искусственным. Природа, даже если её начало среди гнили и разложения, такое не может создать.

— Искусственное, говорите? — я кивнул. — С этого места, мистер Моррисон, прошу не упускайте деталей. Это очень важно.

— Согласен.

Я не спеша рассказывал архивному инквизитору всё, что запомнил, заметил из встреч с тварями, и чем больше я говорил, тем больше убеждался, что в городе твориться странные и опасные дела. И мне это не нравилось.

1Привет, моя чёрная пантера

2Я же просила так меня не называть, Моррисон.

— Вы живы! — рыжий вихрь чуть не снёс меня.

С учётом того, что этот возглас принадлежал Анджеле, я был готов на всё — от разочарования до неудовлетворённости — но вот облегчения я не ждал.

— Рад, что тебя беспокоит моё самочувствие, — я улыбнулся и провёл ладонью по огненным волосам. — Особенно если учесть твои собственные попытки членовредительства моей скромной персоны.

Энджи отстранилась так же резко, как и обняла меня. Её лицо пылало и я не мог с уверенностью сказать, чего там было больше — смущения или гнева.

— Оставь свои шуточки, Моррисон, закрой рот и кинь свой труп на свободное место, — Вероника была готова порвать меня на сотни маленьких вампирчиков, да руки были заняты приготовлением чая.

Несмотря на высокий статус Вероники — глава лекарей, как-никак — её обитель была аскетична, мала и ни в какое сравнение не шла с той комнатой, из которой меня только что выперли: каменные стены без каких-либо украшений и излишеств, спальное место в виде сколоченной кровати с матрасом, да небольшая кухонька со столом и парой стульев. Ванная комната тут не наблюдалась, ибо по непонятной мне причине, мыться труженики клинка и серебра предпочитали совместно. Ну хоть нужду справляли не коллективно.

Эта каморка, а иначе её язык не поворачивался назвать, была лишь перевалочным пунктом, местом, где Вероника ночевала в перерывах между срочной работой. Я из личного опыта знал, какая у неё роскошная квартира в центре города, со всеми удобствами и отличным видом из окна. Там она любила проводить свои выходные и встречи с пылким любовником.

За столиком кроме Энджи больше никого не было. Зная страсть Охотников к нашему виду, Мерси ещё долго могли содержать в казематах, её отсутствие меня не удивило. Я не мог понять другого. Первое, как они собирались допрашивать Цви, который не мог произнести ни слова — неужели заставили писать беднягу доклад? — и второе, отчего столь долог допрос с Дунканом. Своих ребятки обычно не терзали. Пара уточняющих формулировок, подпись о деле, мелкие проволочки и всё, Охотник отправляется и дальше выполнять свой долг.

Я присоединился к Энджи и тут же был удостоен кружки с едко пахнущим настоем.

— Это что ещё за дрянь? — из глаз брызнули слёзы.

— Новая разработка. Что-то вроде энергетика. Позволяет быстро восстановить силы, — пояснила Вероника, поставив перед рыжей миску с какими-то хлопьями.

— Я это в рот не возьму.

— Моррисон, не будь ребёнком. Ты и не такую дрань в рот тянешь. Выпей и захлопнись, — Охотница подхватила кружку и подсунула её мне под самый нос. — Я видела отчёты наших ребят. Тебе это необходимо. Для безопасности себя и окружающих.

— Хорошо, мамочка, — я поморщился, закрыл нос двумя пальцами, прикрыл глаза и залпом осушил сосуд. — *Mo chreach! Galla! Аргх!*

Меня всего скривило. На языке словно тина вперемешку с дерьмом, сдобренные доброй порцией песка и гальки. Я несколько раз сплюнул, но вкус вцепился намертво. Наждачкой,

что ли, пройтись?

— Надо не забыть отметить в отчётах твою реакцию.

— Я что, опять был твоим подопытным кроликом?! — я оскалился, заставив Энджи отшатнуться, но Вероника залепила мне увесистую пощёчину и я как-то остыл.

[далее речь Вероники на французском]

— Не смей скалиться, обшарпанная летучая мышь! Ты потерял право голоса, когда посмел оставить меня без ответов! Ты думаешь извинения по телефону чего-то стоят? Не надейся! Я не видела тебя несколько дней и за это время ты умудрился такого вокруг себя наворотить, что нам ещё долго разгребать за тобой. Так что молчи и не вякай!

Капли пота, словно жемчуг, блестели на висках моей Чёрной Пантеры.

— Простите, — Анджела, как прилежная ученица, подняла руку вверх, привлекая к себе внимание. — А какие у вас отношения?

Я пытался подобрать слова, что лучше описывали нашу ситуацию, когда из-за спины раздалось:

— Да трахаются они, как кролики на кофеине.

Мерси ввалилась в комнату Вероники, придерживая щёку. Судя по всему, допрос Кровавой Мери опять был полон эксцессов. Ну вот не может она по-тихому. Боюсь представить, что стало с допрашивающей стороной.

Малолетняя кровососка бухнулась на кровать и громко застонала.

— Не ной и убери ноги с постели, — Вероника пнула ножку кровати, привлекая внимание Мерси. — Пей.

Моя Пантера протягивала девчонке кружку со знакомой мне жижей. Кровавая Мери поморщилась, но указания Охотницы выполнила. Я наклонился к Энджи и закрыл ей уши руками, не желая, чтобы малышка стала жертвой красочной реакции Браун на напиток. Судя по быстро пунцующему личику рыжей, кое-чего всё-таки долетело до неё.

— Вот всё вы охотники уроды, — проплевавшись, пробормотала Мери.

Вероника лишь пожала плечами. Ей было всё равно на мнение какого-то там вампира, даже если этот вампир один из Двенадцати.

— Мальчишки где? — успокоившись и приведя себя в более-менее приемлемый вид, поинтересовалась Кровавая.

Мы с Энджи переглянулись и пожали плечами. Вероника вопрос мелкой проигнорировала от слова «совсем». Испытав на нас действие своей отравы, Охотница словно потеряла к нам всякий интерес.

— Можно вопрос? — словно пытаюсь хоть как-то развеять повисшую тишину. Спросила Энджи. — А как такое возможно?

— Что именно? — я вопросительно задрал бровь. Да, я так умею.

— Ну-у-у, — Анджела ещё больше покраснела, подбирая слова. — Ваши с мисс Кросс отношения.

— Тебя интересует интимный и эмоциональный аспект? — усмехнулся я, за что получил гневный взор от Вероники.

— *Ma chérie*. — Охотница села напротив Энджи, — тебя удивляет, что человек и вампир могут быть в отношениях?

— И это тоже, — теперь цвет кожи не отличался от рыжих лохм.

Ха! Я знал, что племяшку волнует интимная сторона. Ну, это я ей потом поведаю, без чёрного коршуна на горизонте.

— Всё очень просто, — Вероника распустила волосы, что до этого были собраны в тугой пучок и сотни тонких косичек волной накрыли гибкую спину. — Охотники далеки от людей чуть меньше, чем вампиры.

— В смысле? — Анджела сморщила лоб.

— Как думаешь, сколько мне лет? — я хотел было выкрикнуть, но грозное «цыц!» заставило меня заткнуться.

Рыжая перевела взгляд с Вероники на меня и обратно и неуверенно произнесла:

— Тридцать пять?..

Мерси рассмеялась и её голос, отражаемый от стен, очень быстро заполнил комнату. Усмехались и мы с Кросс.

— Тридцать два? Четыре? — стала перебирать племяшка. — Да ладно вам, не может быть больше!

— Спасибо, конечно, — улыбнулась Охотница, — но мне двести семьдесят четыре.

— Но вы же человек! — чуть ли не подпрыгнув, воскликнула Энджи.

Я прекрасно понимал её удивление. В конце концов, её отец был Охотником и вот тебе на — Охотники не люди. Хотя, на мой скромный взгляд, пока ты не стал пожирать себе подобных, ты вполне ещё человек. А то, что ты пережил всех своих родственников, так это малость. Вон, на востоке люди легко полтора века проживают и ничего, вполне себе так куски живой плоти без признаков монстрячества.

В комнату вошёл Цви. Парнишка массировал заляпаные в чернилах руки. Неужели и правда заставили эссе писать? Изверги. Могли и гаджет какой дать. На дворе какой уже век, а Охотники всё ещё не могут отойти от чернил с перьями. А я ведь знаю, что уровнем ниже у них не хилых размеров серверная припрятана. Жмоты, могли выделить лохматому хотя бы планшет.

— Чтобы быть на одном уровне с врагами и союзниками, нам пришлось улучшить себя, — продолжила Вероника.

Мерси встала с постели и, по-хозяйски прошлёпав к кухонным ящикам, отыскала для друга чистых тряпиц и бутылку со спиртом.

— Это как? Как в компьютерных играх? — ох уж это современное поколение с их аналогиями.

Вампирша вернулась к Цви, который уже успел обосноваться на постели и стала аккуратно смывать с мученика пятна.

— Можно и так сказать, — вступил в разговор и я. — Вероника и её Сёстры занимаются врачеванием и веками создают новые составы, эликсиры, препараты. И чтобы быть уверенными в их действенности, часто испытывают их на себе.

Боковым зрением я заметил, как Цви уже успел положить подбородок на макушку Мерси и блаженно прикрыть глаза.

— А так как не все эти препараты так уж безвредны, то первым делом, мы принимаем настой «Тёмной Крови», — вновь перехватила нить разговора Вероника.

— Тёмная кровь? — удивилась Энджи и перевела взгляд на меня.

Я хотел уже рот раскрыть, но не успел.

— Это выжимка из нашей крови.

Мы разом обернулись к Мерси. Та же, не переставая стирать чернила, продолжила.

— Периодически, кто-нибудь из Охотничьего братства, хотя, чаще сестринства, обращается к Апостолам и мы, в добровольно-принудительном порядке, жертвуем

небольшую часть своей крови.

Энджи ошарашенно взирала на нашу компанию, не веря собственным ушам.

— Как понимаю, твой отец хотел скрыть от тебя и эту сторону своей жизни, — заметила Вероника.

Мерси, не знающая, но чувствую, догадывающаяся о нашем с Анджелой родстве, слегка развернулась к нам, прислушиваясь. Скорее рефлекс, привычка жизни, чем необходимость. Навострил уши и Цви.

— Анджела, — очень аккуратно начал я, и Вероника, словно почувствовав, что я хочу сделать, дёрнулась было в мою сторону, но я лишь отмахнулся. Рыжая была моей семьёй, пускай и не самой близкой, а значит, она имела право знать, — ты хочешь знать об этой стороне его жизни? Всё о кланах Охотниках и почему мы так спокойно расслаживаемся на кухне одной из них, а не томимся в казематах?

Энджи молчала пару минут, а потом кивнула, глядя мне прямо в глаза.

— Хорошо, — я стал максимально серьёзен, чего не было уже очень давно. — Начнём с того, что Охотники появились не из-за нас, а благодаря нам. Не перебивай, — одёрнул я племяшку, — все вопросы потом. Вампиры, как и прочая нечисть, существует тысячелетиями, а вот люди — нет. Мы были здесь раньше, хотя конкретно вампиры, появились позже. Много позже.

— На заре человечества, если быть точнее, — вступила в объяснения и Мерси.

— Да, но не в той форме, что ты привыкла видеть, лицезря его лысую черепушку, — вздохнув, вклинилась и Вероника.

— Тогда вампиры были чудовищами, которых часто почитали за богов, — кивнув, продолжил я. — Кровавые боги с кровавыми жертвами. О многих остались записи и в учебниках по истории, да кто только им поверит?

— Люди привыкли не замечать того, что у них под носом, — фыркнула Кровавая.

— Так длилось до тех пор, — игнорируя Мэри, проговорила Кросс, — пока не появился новый бог. С новыми законами и верованиями. Светлыми, мирными, обещающими жизнь, а не смерть.

— Да вот только от старых прежде стоило избавиться. И тогда светлый Бородач решил среди смертных найти себе подходящего героя, лидера...

— Козла отпущения, — поправил я Мерси, перехватывая внимание Энджи. — Винящего себя в грехе братоубийства. Так появился Омега, наш с Мерси Отец.

— Ridicule, он же начало, — обратила внимание Вероника. — Никогда не понимала шутки вашего père.

— После, Отец собрал вокруг себя детей и с ними пошёл в бой. Кровавые Боги пали воцарился бог Светлый. А Отец остался среди останков своих детей.

— Все умерли? — не удержалась Анджела, прикрывая рот рукой.

— Не все, — я покачал головой, — но у него уши столетия, чтобы восстановить количество Апостолов. И опережая твой вопрос, нас тоже двенадцать.

— Нас? — не поняла Энджи.

На мою просьбу не задавать вопросы она плюнула.

— Нас, — улыбнулась Мерси. — Про меня и Маску. Мы одни из Двенадцати.

— К моему la surprise, — хмыкнула Вероника.

— Что же касается Охотников, — я решил не акцентировать внимание племяшки на Апостолах. Не сейчас, — то появились они приблизительно два тысячелетия назад. Плюс-

минус пара сотен лет. И обучал их мастерству сражения с тварями ночи как раз Первый Апостол.

— Он всё ещё жив?

— Насколько это возможно для вампира.

— И кто это?

Сколько любопытства в глазах.

— Римлянин не очень любит себя рекламировать, так что обойдётся без имени.

Я удержался от желания показать девчонке язык.

— Но почему? Как так?

— Почему вампир обучал Охотника, *ma chérie*? — как-то грустно улыбнулась Вероника. — Да потому, что тогда лишь вампиры и знали, как убивать себе подобных. Люди были слабы перед лицом *les monstres*. И монстры другие стали нашей опорой.

— Вампиров можно сравнить с прикормленными волками. Давят в лесу мелкую падаль, чтобы не зарилась на деревню, а когда звериная натура берёт своё, Охотники сдирают пару серых шкур.

Цви возмущённо рыкнул. Его такое сравнение не устраивало. Ничего, переживёт, чувствительный наш.

— И чтобы ни те, ни другие не забывали об этом, был написан Пакт Крови. Что-то вроде мирного соглашения между штатами и советами в период холодной войны.

— Я всё равно не понимаю, какие отношения связывают вампиров и Охотников, кроме жертва-добыча.

— И ещё неясно, кто есть кто в какое время, — усмехнулся я.

— Мы и союзники, и враги, — вздохнула Кросс. — И сами до конца не разобрались в своих взаимоотношениях.

— Статус «Всё сложно», — хихикнула Мерси. Цви ей громко вторил.

— А Охотники? Что они из себя представляют? — Энджи резко сменила акцент в разговоре. — Какова их структура?

— Для дальнейшей профессии интересуешься? — я пошутил, да вот только племяшка кивнула с очень серьёзным лицом.

Мда, что-то много Моррисонов среди Охотничьей братии.

Вероника сняла со своего пояса с десяток разноцветных склянок и выставила их на столе.

— Существует множество *des clans*, — Кросс переместила несколько раз бутылочки по столу. — И у каждого есть своя *spécialisation*. Большая их часть, — Вероника передвинула часть склянок, — занимается непосредственно охотой. Выслеживание, поимка, *le meurtre*. Есть кланы, — ещё часть отселилась, — чья сфера деятельности связана с изучением *bestioles*. Что, как и зачем. Но в этих кланах зачастую опаснее, чем среди *la chasse*.

— Почему? Наука ведь безвредна.

Ага. Особенно водородная бомба.

— Это как с Цви, — пояснил я. — Заглядываешь во тьму и она отвечает тебе тем же. Долго изучая монстров, есть шанс самим стать чудовищем.

Вероника кивнула и продолжила.

— Есть такие кланы как тот, *où suis-je*. Наши сёстры занимаются врачеванием, созданием эликсиров и всего, что может помочь сохранить жизнь нашим *frères*. Наша цель лечить, а не калечить.

— Сёстры? А мужчин-лекарей нет? — поинтересовалась Энджи.

Лицо Кросс исказилось от вращения.

— Эти *les hommes stupides* даже самое благое дело исказят и испохабят!

— Я не понимаю, — удивилась Анджела.

Я лишь усмехнулся.

— Слышала про духовно-рыцарские ордена? — племянка кивнула. — Так вот часть этих консервных банок относилась к Охотникам. Изначально они должны были именно защищать и лечить. Да вот только что-то пошло не так...

— Не так?! — возмутилась Вероника, всплеснув руками. — Не так?! Да эти *mais ces salauds putain!*..

Я махнул рукой, не позволяя Веронике продолжить.

— ... пошло не так и банки распоясались. После этого Охотники решили, что мужчины криворукие лекари. Могут только убивать.

— И папа тоже?

Сколько же боли было в этом вопросе. И сколько надежды.

— О, *ma chère fille*, — Вероника сменила гнев на милость и дружески, даже как-то поматерински, сжала ладони рыжей. — Твой отец был *remarquable* человеком, отличным другом и *étourdissant* Охотником. А я их повидала много на своём веку, уж поверь мне.

Анджела сидела молча. Рыжая покусывала нижнюю губу, о чём-то глубоко задумавшись. Никто из присутствующих её не торопил, да и между собой разговоры не велись. Девочке нужно было время подумать.

— Мисс Кросс, — наконец заговорила Энджи, — что стало с моим отцом?

— Это, *mon cher*, мы сейчас и попытаемся выяснить, — улыбнулась Вероника.

— Ого!

Восторгу и удивлению рыжей не было предела. Ещё бы. Не каждый день ты оказываешься на палубе космического корабля.

Шучу, конечно, но технический отдел Охотников недалеко ушёл от того, как киношники представляют себе кабину управления: десятки экранов с мелькающими изображениями, несмолкаемые переговоры, сотни футов кабеля и тонкое противное жужжание аппаратуры. У каждого из присутствующих здесь айтишника частью формы являлись наушники, абсолютно отрезающие его или её от внешних раздражителей.

— Это что, клан Охотников-компьютерщиков? — не переставая глазеть, поинтересовалась Энджи.

На нашу же разношёрстную компанию, работающие за техникой люди, даже внимания не обратили. Что для них реальный, окружающий мир, когда их задача — обработка сотен цифровых данных.

— Да нет, — махнул я рукой. — Просто самые башковитых сразу отправляю сюда. Какой бы старой ни была организация ищек, ей нужно идти в ногу со временем.

Вероника ничего не сказала. Врачевательница подошла к одному из Охотников, следящему сразу за тремя мониторами, хлопнула того по плечу, привлекая внимание. Парнишка обернулся, снял огромные наушники и кивнул.

— Открой файл Моррисона.

Пара нажатий клавиш и на экране появляется несколько файлов, в которых значится моё имя.

— Не этого, — кривится Вероника. — Нашего Моррисона.

Пальцы компьютерщика забегали по клавиатуре и на центральном мониторе возникли фотографии. На одних были кадры знакомого мне дома родственничка, на других — заброшенные заводы, старые особняки, канализации. На третьих виднелись копии каких-то зашифрованных текстов. Зашифрованных, потому как на сфотографированных и оцифрованных кусочках бумаги были даже не буквы с цифрами, а дикого вида закорючки.

— Это то, что мы нашли в одном из *la tanière* Аллана.

— Одним из? — Мерси разглядывала монитор поверх плеча Анджелы.

— У оперативников много убежищ, помимо основного *la résidence*, — скорее Анджеле, нежели Мерси, пояснила Вероника. — Когда твой *père* пропал, мы сразу же отправили на его поиски людей.

Я усмехнулся, но промолчал. Бросаться словами о том, что Охотники и пальцем не пошевелили, пока один некий вампир не указал им на пропажу сотрудника, было неуместно и выставляло бы мою подружку и всю их организацию не в лучшем свете. Не стоило. Не сейчас и не здесь.

— Что это за картинки? — наманикюренный палец Мерси уткнулся в одно из фото.

— *Je ne sais pas*, — пожала плечами Кросс. — По нашим данным, Аллан отправился разбираться с группами гамм и дельт на *la côte Est*.

При этих словах, Вероника прожгла взглядом Кровавую Мэри, но та лишь невинно хлопнула своими огромными накладными ресницами. О том, что чуть ли не половина восточных штатов кишит выводком Мерси, знали все, и Апостолы, и Охотники. И тех и других это дико бесило, потому как у Мерси даже беты вели себя так себе, чего уж говорить о кровососах рангами ниже. Потому и работы у Охотников на восточной стороне штатов было в несколько десятков больше, нежели у западных коллег.

Да и у меня тоже. Отпуск мне и не снился. Хотя, мне вообще ничего не снится.

— В этом логове были отчёты о проделанной работе, — продолжала Вероника. — Они соответствуют тому, что Аллан передавал нам. Но эти, — Кросс махнула на снимки с закорючками, — *le gribouillage* нам ни о чём не говорят.

— Может, они ничего и не значат? — спросила Анджела.

— Вряд ли, — покачала головой врачевательница. — Твой отец был *très méticuleux* и с головой уходил в работу. Любая мелочь отмечалась им и фиксировалась. Это явно не просто рисунки.

— Что с отцом? — твёрдо произнесла Энджи. — Вы нашли его или... его тело?

Вероника лишь молча покачала головой.

Между нами повисла напряжённая тишина. Рыжая стояла глубоко задумавшись, покусывала нижнюю губу и теребила край футболки. Кросс похлопала компьютерщика по плечу и тот вернулся к оригинальным задачам, закрыв файлы с данными моего родственника. Цви и Мерси, словно решили притвориться мебелью, тихо стояли за спиной Анджелы, даже не шевелясь. Моральная поддержка.

Я же перебежал взглядом с одного лица айтишного Охотника на другое. Большинство из них были довольно молодыми, прыщавыми, бледными, но в глазах стальная сосредоточенность. Безэмоциональная компания клонов.

Между столов бегали и другие сотрудники отдела. Мальчики и девочки из серии подай-принеси. Не сильно отличающиеся от своих сидячих версий: высокие, худощавые, юркие.

На фоне однотипных лиц мелькнуло угловатое, с кустистыми бровями и маленькими

глазками. Вошедшая в помещение фигура возвышалась над коллегами, как дуб над тростником. Великан встретился со мной взглядом, задержал его на пару секунд, а потом вновь перевёл на стопку бумаг, которые только что принёс.

Интересно.

Я продолжил осматриваться, когда заметил в коридоре Дункана под конвоем. Парнишка выглядел хуже любого из нас: с разбитой губой и бровью, заведёнными в жёстком хвате назад руками. В спину ему упирались холодные стволы.

Вся эта ситуация была неправильной. Это ведь, в конце концов, Охотник под арестом Охотников.

Я быстро пересёк комнату и перегородил путь Охотникам. Стволы сменили траекторию и теперь смотрели прямо на меня. Дункан молчал. Его взгляд был уставшим и каким-то пристыжённым.

— Что происходит? — с вызовом бросил я.

— Уйдите с дороги или мы будем стрелять, — голосом компьютерной программы произнёс один из конвоиров.

— Ты точно в этом уверен? — моя радужка сменила цвет с болотного на кровавый.

Дункан не был мне другом, но и не чужой человек с улиц. В конце концов, мы сражались плечом к плечу. А я не привык бросать боевых товарищей.

Да и Анджела бы расстроилась.

— Убрать оружие! — гаркнула Вероника и конвоиры подчинились, но в любой момент они готовы были вступить со мной в бой. — Моррисон, уйди.

— Я не сдвинусь с места, пока мне не объяснят, что за чертовщина тут твориться! — Анджела и Мерси с Цви присоединились к нам, встав немного за мной.

— Его ведут в la geôle, — вздохнула Вероника.

— Что? — не поняла Энджи.

Зато понял я.

— Тюрьма, — практически прорычал я. — Почему? Он ведь один из вас!

Вероника покачала головой и подошла к Дункану.

— Ты ошибаешься, Моррисон, — врачевательница задрала одежду парня.

На накаченном прессе отчётливо виднелись две выжженные перечёркнутые «V».

— Он le expatrié.

Я выругался и посмотрел в глаза Дункану.

Mo chreach!

— Что это такое? — ужаснулась Энджи, глядя на шрамы.

Ну да, в шрамировании нет ничего привлекательного для юной особы.

— Это *insigne*, — пояснила Вероника.

— Всегда считал это плагиатом, — бросил я и обернулся к племяшке. — Это метки, которые есть у всех Охотников. Отличительная черта.

Вероника кивнула, подтверждая мои слова. Готов поспорить, что если бы не обтянутость её формы, Кросс не постеснялась бы доказать на деле о том, что у неё самой есть похожий символ.

— Если такое есть у всех, то почему вы бурно реагируете?! Что не так? — Анджела переживала за Дункана, хоть они и были знакомы всего ничего.

Добрая душа. Но наивная.

— *la fillette*, помнишь мы говорили про кланы? — Энджи кивнула. — *Vampire Venandi* есть неотъемлемая часть нашего существования. У каждого из *de clans* он выглядит по-своему, а это, — с отвращением бросила Вероника, — метка *exclu*. Уничтоженного много веков назад клана.

— Уничтоженного?

— Неважно! — рявкнул я, прерывая бесконечный поток вопросов.

Анджела была очень любознательной, но сейчас её любопытство лишь мешалось. И похоже, девчонка осознала свою навязчивость. Рыжая замолчала и опустила взгляд.

— Вероника, отпусти его!

— Ты знаешь, что это невозможно.

Врачевательница была непреклонна.

Я знал, что Вероника была права. Знал я и чем закончится для Дункана сегодняшний вечер. Смерть. Пусть он хоть трижды Охотник, но эта братия не любила фанатиков не меньше нашего.

А метка, которую носил на себе щенок была хуже чумных пятен. Правда, решение обеих проблем было схожим. Инквизиторы никогда не отличались оригинальностью.

Я не был умником, но в экстренных ситуациях и я умел раскинуть мозгами, как никогда, быстро и умело.

— Допрос! — бросил я, когда конвоиры, подчиняясь жесту Вероники, попытались увезти Дункана.

Попытались, потому что я вцепился в плечо мальчишки, притянув его к себе.

— *Qu'est-ce que l'enfer, Morrison?! [Какого чёрта, Моррисон?!]* — брови сошлись на красивом лице моей пантеры.

— Ты сама сказала, что клан уничтоженный, а тут тебе живой представитель изгнанников. Не хочешь задать ему пару вопросов?

— *Êtes-vous sérieux? [Ты серьёзно?]* — Кросс скрестила руки на груди и выжидающе смотрела на меня. — Если ты не заметил, он уже допрошен.

Да видно по нему. Кровь на лице как-то весьма многозначительно об этом кричит. Но Вероника лукавила.

— И много вы достали информации? — я повторил жест врачевательницы.

Кросс молчала, но по еле заметному движению щёк я легко понял, что Охотница скрежетала от злости зубами. Пусть я знал Дункана всего по паре встреч, но этого хватило, чтобы уяснить одно — щенок был очень упёрт и силой из него нельзя было ничего достать. Я знал, как искусно обставлена пыточная, и сколь талантливы местные умельцы, но Дункан был из другого сырья. Его точно парой иголок не взять, а так как парень умудрялся ещё стоять на своих двоих, значит, встреча с мастерами железа и ментальных атак ему только предстояла.

Он не заслуживал этого.

— Давай я поговорю с ним, — все удивлённо посмотрели на меня. Да я и сам был удивлён не меньше, но отчаянные времена требуют отчаянных мер.

— *Vous êtes hors de votre esprit?* [Ты в своём уме?] — Вероника схватила меня за грудки и я еле удержался, чтобы не впиться поцелуем в её сочные губы, которые были так близки от моего лица. — Ты?! Допрашивать Охотника?!

Я дурацки улыбнулся.

— Во-о-от. Ты уже приравниваешь его к одному из своих, — я накрыл ладони Кросс своими. — Согласен, таких прецедентов ещё не было. Обычно ситуация обратная. Для того и есть клан инквизиторов. Но всё бывает в первый раз. Что ты теряешь?

— Уважение к самой себе, — цыкнула Вероника, но руки с моей шкуры убрала. — У тебя десять минут.

Я блеснул клыками и попытался поцеловать врачевательницу, но удар локтя в грудь поумерил мой пыл. Вероника была не из тех, кто проявлял романтические чувства при посторонних. Вот гнев, это да.

Я потёр ушиб, грозно зыркнул на смеющуюся Мерси и подмигнув конвоирам, увёл поражённого Дункана в ближайшую комнату. Вероника, махнув детворе, последовала за мной.

Толкнув щенка на ближайший стул, я навис над мальчишкой.

— Ну что, *Tolla-thon*, — оскалился я, — рассказывай.

— Хватит уже, — Вероника потёрла уставшие глаза и взглянула на меня снизу вверх.

Что весьма проблематично, учитывая, что я на полголовы ниже врачевательницы. Но это в обычных ситуациях, а сейчас, когда Охотница, сидела на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги, я был мельтешащим над ней волком, а она скучающей и прилично уставшей пантерой.

— Ты потратил больше, чем десять минут, закругляйся. Все уже устали.

Я оглянулся.

Мерси и Цви сидели в углу комнаты и играли в ладушки. Представьте себе это только — вампир и оборотень, усевшись на пол в позе лотоса, хлопают в ладоши то ускоряя, то замедляя темп, и один из них тихо напевает:

— Ладушки, ладушки, Пекарь. Испёк мне пирог, так быстро, как мог. Покрутил, похлопал и букву «Т» отгрохал. Забросил в духовку для меня и тебя. [очень авторский перевод: *Pat-a-cake, pat-a-cake, baker's man. Bake me a cake as fast as you can. Roll it, pat it, mark it with a «Т». And put it in the oven for baby and me!*]

Цви подвывал в такт, улыбаясь от уха до уха. Ребятишки были в своём маленьком мирке и им было плевать на происходящее.

Чего нельзя было сказать об Анджеле.

Я перевёл взгляд на племянку. Девчонка поставила второй стул сбоку от Дункана и мультяшным котом взирала на парнишку. Чем этот Tolla-thon так её зацепил? Знакомы они от силы несколько часов, а привязанности и симпатии друг к другу как у пары с десятком лет за спиной. Что это? Эффект принцессы? Дункан защитил рыжую от мордлаков и та в него сразу же влюбилась? Или же солидарность, так как из её окружения он единственный человек? Как бы то ни было, Анджела сжимала коленку парня, подбадривая.

А тот всё молчал.

Дункан смотрел на меня не как на врага, не было в его глазах и страха. А вот чувство стыда не покидало его ни на минуту. Чего бы он там ни совершал в своей жизни, сейчас, перед лицом внезапно появившихся товарищей среди тварей, он прекрасно понимал, что было в его действиях много ошибок.

Но и преданности тоже.

Как бы я ни убалтывал его, как бы ни давил, парника отказывался сообщать информацию о своём клане. Я мог бы, конечно, воспользоваться *внушением*, но что-то в прошлый раз особого эффекта не наблюдалось. Либо я лажаю, либо щенок чересчур упёрт.

Я сел на пол и подпёр рукой подбородок.

— Хорошо, ты не хочешь говорить о своём клане, — я решил попробовать ещё раз. — Давай тогда поговорим о тебе. Откуда ты?

— Омаха... Штат Небраска... — не ожидая такого поворота событий, пробормотал Дункан.

Я чувствовал на своей спине удивлённые взгляды и улыбался сам себе.

— Да мы, практически, соседи, — усмехнулся я. — И как тебе там?

— Там... было здорово, — не чувствуя опасности ни в вопросах, ни в ответах, Дункан стал более разговорчив.

— И что тебе там больше всего нравилось?

— Зоопарк, — с детской искренностью поделился парнишка.

— Часто там бывал?

— По выходным, когда у отца оказывалась свободная минутка.

— Он много работал?

— Да. Отцу приходилось растить троих детей и он всё время проводил в делах. Но он всегда старался уделить нам время.

— Он был хорошим отцом?

— Да, — улыбнулся Дункан, отдавшись воспоминаниям.

— И как звали твоего старика?

— Майкл Кетчерс.

А вот вам и ещё информация. Найти информацию на Охотника тяжело, тем более, о запрещённых кланах. А вот о простых людях, живущих по соседству, этой информации пруд пруди. По своим каналам, Вероника уже сейчас могла отыскать примерные подходы к поискам клана. Но я не желал останавливаться на достигнутом и незаметно для допрашиваемого подал ей знак не спешить.

— Как и любой мальчишка, ты хотел пойти по его стопам?

— Да, но...

И тут Дункан замолчал. На лицо легла тень, челюсть напряглась.

— Но?..

Попытался я подтолкнуть парнишку, но результат был нулевым. Ладно. Попробуем чуть иначе.

— «Но», — повторил я за Дунканом. — «Но» всегда значит что-то плохое. Веселье не начинается с «но». С «но» начинаются сообщения о смерти.

Дункан напрягся, а я продолжил.

— Всё шло хорошо, а потом твой отец умер. И ты с двумя братьями остался один на улицах большого города.

Тишина. Я не был спецом в области психологии, но за столько десятилетий даже я обучился паре трюков. Я ждал реакции, хоть малейшего знака. И дождался

— Сёстрами. Джесси и Сюзан. И нет, — твёрдо произнёс Дункан, — мы не остались на улице. Отец обеспечил нас на первое время, а после нас забрали к себе родители отца.

— Сколько вам тогда было, Дункан? — я вложил в этот вопрос всё своё сострадание. И по большей части, оно даже не было наигранным.

— Мне одиннадцать. Джесс и Сью пять и семь.

— Тебе было нелегко, но ты был умным парнем, правда ведь? Был и остаёшься, — чтобы получить нужные ответы, я должен был вернуть русло разговора в приятную сторону. — Признайся, в школе ты был заучкой, все дни проводил в кабинете биологии и заучивал учебники? Лягушек препарировал?

Я подмигнуло парнишке, как старому приятелю. Тот усмехнулся и покачал головой.

— Химия. И нет, я не любил препарировать. Я всегда предпочитал изучать мирным путём. Не люблю калечить.

— Но заучку ты не отрицаешь. Очки, клетчатые рубашки и брекеты?

— Не без этого.

— И что же заставило тебя из книжного червя стать крутым Охотником, которому удалось поймать одного из Апостолов?

— Это было нелегко, но Мастер Дарин всему меня научил, — произнёс Дункан и на его лице проступил ужас.

— Значит, Дарин, — я победно хлопнул в ладоши.

По скрипу и шороху одежды я понял, что мои наблюдатели встали с пола и подошли к нам в упор. Анджела, продолжающая молчать — какое послушание — погладила Дункана по плечу.

— Это тот самый Дарин, — продолжил я, — который твердил тебе о том, что все твари чудовища? Что нам одна дорога, в преисподнюю?

Я был уже близок к цели, так что на нежности можно не распыхляться.

— Отвечай, Дункан! — приличная дозавнушения.

Парнишка опустил глаза, прикусил нижнюю губу до крови и отвернулся. Он боролся с моим воздействием, старался сбросить его, но сколь бы силён он не был, я оставался одним из Двенадцати.

— Говори! — ещё один толчок.

Стон боли и капли крови падают на пыльный камень, когда Дункан начинает отвечать:

— Д-д-да. Это он.

— Он глава вашего клана?

— Я н-н-не знаю.

— Кто такой Дарин? Кто?

Тяжесть воздуха давит на всех собравшихся.

— Н-н-наш нас-с-ставник. Он обучает. Учит мастерству клана.

— Он один?

— Н-н-нет. Есть ещё. Учат разному.

— Где располагается ваш de clan?! — не выдержала Вероника.

Я огрызнулся. Чужое вмешательство могло сбить воздействие, особенно, если жертва сильна волей. Так и случилось.

— Я не знаю, — Дункан сплюнув кровь мне на штанину и поднял взгляд, полный ненависти.

За спиной раздалась отменная брань на французском, а Анджеला кинулась вытирать кровь с лица приятеля собственными рукавами. Племяшка одаривала меня презрением, но вслух хоть не высказывалась.

— А ты ведь не говоришь не от нежелания, — я поднялся с пола, отряхиваясь. — Так ведь, Дункан?

— Да что он тебе теперь скажет, Маска? — махнула рукой Мерси. — После того, что ты с ним...

— Да, — глухо бросил юный Охотник, удивляя собравшихся.

— Ответь, — тихо произнёс я. — Прошу.

А теперь компанию удивил я. Я редко был милым.

— Я не знаю, где клан, потому что меня выгнали.

— Аргх! За что могут изгнать из изгнанного клана? — Мерси от несуразности ситуации всплеснула руками.

— Как всегда, за инакомыслие, — усмехнулся я. — Так ведь?

Дункан кивнул.

Я оставил Дункана на попечение Анджелы, а сам отошёл с Вероникой в дальний угол.

— Как у тебя это получилось? Никто из наших не смог повлиять на него.

— Он открылся мне, а открытое сознание проще подчинить.

Хотя впервые за долгое время, я чувствовал себя погано после данной процедуры. Заболел, что ли?

— Этих данных мало, но хоть что-то, — размышляла Кросс. — Попробуем разузнать больше по своим каналам.

— И Рэйчел не забудь, — Вероника скривилась. Барышни между собой не особо ладили.

— Остаётся один вопрос. Что делать с ним? — врачевательница кивнула в сторону Дункана.

Я улыбнулся, оскалив клыки. В моих бордовых от *силы* глазах плясали чертенята.

— Вылечить и отпустить со мной.

— Ты шутишь или окончательно сошёл с ума? Зачем тебе Охотник, да ещё и из изгнанного клана?

— Ты сама сказала, данных мало. А у меня к парнишке есть ещё парочка десятков вопросов. Да и Анджеле так будет спокойней.

— Анджеде, ага, — лёгкая улыбка коснулась губ Кросс, но длилось это недолго. Вероника нахмурилась. — Ещё одна доза такого воздействия его убьёт.

Забавные существа эти люди. Как сама только что была готова отправить парня на верную смерть, так ей можно, а как я, существо тьмы, так бросилась в защиту. Смешная.

— Поверь, у меня есть и другие методы вести диалог.

— И какие же?

— Чай с печеньками, — произнёс я и Вероника рассмеялась.

— Уговорил. Но только ты полностью за него отвечаешь, Моррисон.

— Не переживай. Я знаю, что делаю.

Я взглянул на Дункана и усмехнулся. В моей квартире ожидалось пополнение нахлебников.

Дом встретил нас тишиной и обещанием мягкой постели. Стоило нашей разношёрстной компании переступить порог квартиры, как Мерси с Цви полезли в ванную, а Анджела принялась ухаживать за Дунканом, обрабатывая его раны. Охотники хоть и отпустили его на все четыре стороны — правда, все они вели ко мне — но лечить не собирались. Так что последним занялась рыжая. Правда, если мне не изменяют память и зрение, Вероника всё же пожертвовала на нужды страждущих что-то из своих врачевательных запасов. Главное, чтобы не яд.

Я же завалился на диван тут же, в гостиной. Шевелиться абсолютно не хотелось. И вообще, сейчас разгар дня, всем порядочным вампирам уже спать давно пора. Хорошо ещё, что конвоиры, отправленные вместе с нами и высадившие нас там же, где и подобрали — адрес своего жилья я не собирался раскрывать — обеспечили нас широкими зонтами, что отлично скрыли нас от не по-осеннему яркого солнца. Спасительные артефакты выполнили свой долг и теперь валялись у входной двери.

— У вас есть бинты? — раздался над ухом голос Энджи.

— Нет, но разрешаю пустить на них одну из рубаш Цви, — я убрал руку с глаз и оглядел племяшку. Выглядела она не лучше, чем при первой нашей встрече. — Можешь душ примешь? Тебе не помешало бы.

— Ванная занята Мерси и Цви, — смущённо заметила Анджела, заправляя выпавшую прядь за ухо. — Да и Дункану нужно раны зашить.

— Не знаю, что ты себе там напридумывала, — я нехотя поднялся с дивана, разминая мышцы, — но они не в таких отношениях. Хоть и до болезненного близки. В моей спальне отдельная ванная. Вода ни чуть не хуже, чем в гостевой. Я займусь Дунканом.

Скепсис во взгляде.

— Да не буду я его пытаться. С него и так хватит, — я прищурил взгляд, а губы медленно растянулись в улыбке. — И чего это ты так печёшься о нём? Запала на лохматого?

— И ничего я не запала, — выпалила Анджела и быстро прошлёпала в их с Цви комнату.

Через пару минут, с кучей свежей одежды, племяшка скрылась за дверью моей спальни, а я присоединился к Дункану. Неудавшийся Охотник сидел на кухне в окружении мазей, таблеток, всякой швейной мелочи (не знал, что у меня такое водится) и кучи грязной одежды, щеголяя голым торсом с уже знакомыми буквами V.

— Как тебя угораздило? — бросил я, перебирая нитки с иглками.

Дункан смотрел на меня волком. Ну хорошо ещё, что в глотку не вцепился.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, что не в том положении, чтобы обижаться, — я улыбнулся и вонзил иглу в его руку.

— Ай! Больно же!

Дункан дёрнулся в сторону, скривив лицо. Я же только усмехнулся.

— На допросе ты вёл себя сдержаннее.

— Там условия были другими.

Парнишка кривился каждый раз, как игла протыкала живую плоть.

— Так как?

— Я не буду говорить про клан.

— Хорошо. Расскажи тогда, почему тебя выгнали?

Дункан молчал и я было подумал, что не дождусь ответа, когда Охотник заговорил, подбирая слова.

— Я узнал... увидел то, что не следовало. Нечто неправильное... И рассказал об этом учителю.

— Учителя не устроило, что ты подсматривал?

— Нет. Он был даже рад. Он хотел, чтобы я рано или поздно узнал об этом. И присоединился, но я не хотел. Я был не таким, как они.

— Умнее? — пошутил я, и Дункан улыбнулся.

— И милосерднее, — Охотник взглянул мне прямо в глаза. — Вы знаете, что были не первой моей целью?

— Я не лишил тебя охотничьей невинности, какая жалость.

Мы посмеялись и Дункан продолжил. Я же, закончив зашивать рану, решил проверить что же за мазь передала Вероника.

— Самым первым был прыгун, убивший моего отца. Это я уже после узнал, как эта мелкая дрянь называется, а тогда, это было нечто очень быстрое, клыкастое и пугающее. Вы ведь знаете прыгунов? — я кивнул, припоминая этих вырожденков пикси и джекалопа [Рогатый заяц]. — Один такой напал на отца, когда мы возвращались с ним поздно вечером домой. Отец был пьян и грызун без труда повалил его на землю одним толчком. Дальше я помню лишь дикий рык и булькающий голос моего отца, которому разорвали горло. Как в моих руках оказался камень и я забил эту тварь — уже в тумане.

Я присвистнул. В столь юном возрасте голыми руками прихлопнуть эту быструю дрянь неплохое достижение.

— Как понимаю, именно после этого тебя и нашли представители клана? — Дункан, нехотя, кивнул. — Ты что-то там говорил про милосердие.

— Да, милосердие, — горько усмехнулся парень. — Дальше были и другие существа. Мерзкие, страшные и дикие. Нас учили не только как их убить, но и как поймать для дальнейшего изучения. И я изучал.

— Тогда ты и понял, что не все твари... твари?

Мазь в руках была неожиданно тёплой и вязкой. Лёгкий аромат сирени больше подходил бы парфюмерной косметике, а не лекарственному препарату.

— Да. Многие порождения они же как звери, просто живут инстинктами. А если так, то чем они хуже тех же волков или пум? Эти тоже нападают на людей.

Не так часто и не на постоянно основе, но я решил не перебивать парня.

— И вот тогда я стал придумывать новые методы ловли существ. Не освящённые кандалы с крючковатыми шипами, а...

— А странная жвачка.

— Точно.

Я наносил мазь на ушибы, кровоподтёки, синяки и просто царапины. Дункан не проявлял к ней интереса. Но думается, это только пока.

— И эти твои выходки считали неправильными?

— Типа того. А когда я увидел то, что делают с пойманными существами и высказал

наставнику, что это неправильно, что есть другой путь, меня заперли в камере.

— Ты же сказал, тебя изгнали.

— Ну, я скорее сам ушёл.

— И чего ты тогда ловил меня, если твой клан поступает неправильно?

— Чтобы доказать им, что мои методы эффективны. Что изучать можно и без вреда. А для этого мне нужен был ценный трофей.

— Приятно слышать, что моя голова так высоко ценится, — я шлёпнул мазь на губы парня и тот скривился. На вкус лекарство явно не сирень. — Ты всё ещё считаешь, что был прав?

— В том, что поступки моего клана неверны — да, — стерев с губ часть мази, проговорил Дункан. — Что мне нужно поймать вас — нет.

— Понял, что не сможешь?

— Понял, что не хочу, — абсолютно серьёзно произнёс Охотник. — Не хочу навредить вам или же вашим друзьям.

Лицо парня резко стало мягче, взгляд нежнее.

— И Анджеле.

— Ах, Анджеле, значит, — я поставил пустую баночку от мази на стол и похлопал паренька по спине, не особо стесняясь в силе. — Молодец.

Дункан закашлялся, глотая воздух, я же вытер руки о ближайшее полотенце и сделал шаг в сторону гостиной, когда почувствовал что-то странное. Воздух стал плотнее, а в нос ударил знакомый запах разложения.

Я дёрнулся в гостиную, пытаюсь уловить источник раздражителя. Судя по оглядывающимся Мерси и Цви, не я один уловил странность. Вампирша, одетая лишь в нижнее бельё и рубашу нараспашку, походила на мокрую, взъерошенную кошку, готовая вцепиться в горло любому, кто попытается протянуть к ней руку. Цви же стал Зубоскалам, принюхиваясь к воздуху. С шерсти на пол лилась вода, а запах мокрой псины был невыносим.

— Что-то случилось? — напряжённо спросил Дункан, стоявший за спиной.

Я *услышал* тяжёлое дыхание и скрежет когтей по камню.

Анджела вышла из спальни, уже переодевшаяся и вытирающая густую шевелюру одним из моих полотенец. Заметив нас, рыжая замерла на месте.

А дальше всё происходило со скоростью запущенного в небо ежа.

Окна разбились одновременно, запуская в помещение с десятков уродливых тварей. Словно сошедшие со стола патологоанатома, увлекающегося работами о Франкенштейне, они поражали своим разнообразием и мерзостью. Одни были как тот, что мы с Дунканом встретили на парковке, другие — как парни у клуба. Описать остальных мне не хватало даже моим писательских навыков. Но даже с моей вековой закалкой они вызывали отвращение. Одно радовало — размерами они были меньше своих предшественников, не больше собаки.

Я успел оттолкнуть Дункана прежде, чем костлявые лапы мордлака достали его. Тварь пролетела над нами и угодила в объятия оборотня, который не мешкая ни секунды, разорвал дрянь на куски, залив квартиру едкой кровью.

Ещё один пытался пронзить Мерси, защищавшую Анджелу, трезубчатым хвостом. Несколько удачных уклонений и вот вампирше удаётся перехватить оружие и со всей своей апостольской мощи запустить мордлака о ближайшую стену. Приложенных усилий вполне хватило, чтобы впечатать в неё поверженную тварь.

Две победы уже были на нашем счету, но врагов меньше не становилось, узкое пространство не способствовало маневрированию, да и увести тварей за собой на улицу мы не могли. Оставалось только защищаться.

Очередная тварь оказалась рядом, но вместо того, чтобы атаковать меня или Дункана, бросилась в сторону Анджелы. Мне хватило секунды, чтобы осознать происходящее.

Эти *Blaigeard* пришли за рыжей.

Мерси нанесла атаку раньше и прошмыгнувший мимо меня монстр, вступил в схватку с Кровавой Мэри. Ещё двое мордлаков были остановлены Зубоскалом, преградившим им путь к цели. Я же толкнул Дункана в сторону племяшки.

— Уводи её!

Больше Охотнику не требовалось объяснений. Перемахнув через диван, попутно приземлившись берцами на спину мордлака, Дункан быстро очутился возле Анджелы, схватил ту за руку и потащил в сторону выхода. Твари попытались их преследовать, но мы с Мерси помешали их планам. Входная дверь хлопнула, а в помещении началась бойня.

Мы с Мерси двигались на пределе своих вампирских сил разрывая, топча и дробя мордлаков. Рубаха Мерси давно уже превратилась в кровавые ошмётки и девчонка стала походить на персонажа типичных фильмов ужасов про подростков. Кровавая Мэри бабочкой порхала между врагов, нанося атаки. Буквально. Одной из уникальных особенностей Мери была возможность превращаться в стаю бабочек. Девчонка за секунды могла распастись на тысячную стаю чёрно-красных пархалок и даже в таком состоянии наносить ущерб. Это вам ни какие-нибудь там махаоны, а самые настоящие *calyptra*.

Шерсть Зубоскала успела покрыться слоем чужой крови, а оборотень продолжал рвать всё наступающих тварей. Его когти и клыки без усталости впивались в разлагающуюся плоть. Сейчас он как никогда походил на того, кем так мечтал стать — могущественным существом без страхов и слабостей. Как по мне, именно в эти секунды он был по-настоящему близок со своим внутренним зверем, духом древних, истинных оборотней.

Сражаясь против мордлаков, я применял все свои боевые навыки. В какой-то момент даже мелькнула мысль взяться за клеймор, да только идея была отброшена как идиотская. В таком пространстве клинком особо не поорудуешь. Сбрасывая со своей спины очередную тварь, я умудрялся ещё и анализировать происходящее.

А оно было странным. То, что мордлаки шли за Анджелой не подлежало сомнению, слишком многое на это указывало. И боюсь, сама племяшка была не в курсе причины. Возможно, это как-то связано с исчезновением её отца, а возможно, я просто паранойю. То, что твари напали днём, под лучами солнца, меня тоже не особо удивило. Все последние мордлаки были какими-то ненормальными и это стало даже какой-то степени нормой. Правда то, как они проникли в здание незамеченными было интересно, но этот вопрос я оставлю на изучении Вероники с её ребятами.

Странным был сам факт атаки. Ни меня, ни Мерси нельзя было найти, врождённые способности не позволяли. Да и *сокрытие* было моей личной плюшкой, усовершенствованной настолько, что позволяла скрывать не только меня, но и любого в определённом, пусть и небольшом, радиусе. Говоря простым языком, отследить Анджелу напрямую мордлаки не могли. Идти хвостом за Цви тоже. Оборотень слишком долго пробыл рядом со мной и часть моей силы успела на нём отпечататься. Оставался один вариант.

Дункан.

Я был уверен, что это не было намеренным действием, но не сомневался и в его вине.

Щенок мог сопротивляться *внушению*, это было ясно как день, а значит и *сокрытие* на него не распространялось.

С яростью раненого зверя я разорвал очередного мордлака, осознавая, что сам привёл в дом источник опасности. Угрозу для Анджелы.

Не знаю, сколько времени заняло наше сражение, но нам очень повезло, что в доме было пусто. Некогда шикарная квартира превратилась в свалку. Всё помещение было перечёркнуто мерзким следом, который так часто встречался мне в последние дни и от которого весь организм выл о пощаде.

Втроём, тяжело дыша, мы стояли посреди кусков плоти, внутренностей и погромленной мебели. Раны на наших телах затягивались, забирая последние силы. Здесь больше нельзя было оставаться. Хотелось всё залить бензином и поджечь, но здравый смысл говорил о том, что следовало позвонить Рэйчел и Веронике. Первой, чтобы та прибралась, коль издательское мафиози знала, где я живу. Второй — сообщить о случившемся. Такое не должно пройти мимо ни одной из них.

Я прошёл в свои комнаты, снял со стены клеймор и маску, и вернулся в гостиную. Мерси вышла из гостевой спальни, переодевшись и держа в руках рюкзак Анджелы. Зубоскал к своей человеческой ипостаси решил не возвращаться. Вот и правильно.

Я позвонил обеим девушкам, оставил им сообщения и в компании молодых монстров покинул квартиру, которая долго время служила мне домом, но в которую я, скорее всего, больше не вернусь.

Даже несмотря на разгар дня, мы не привлекли особого внимания. Соседи уже привыкли к эксцентричному лысому постояльцу с огромной собакой рядом. Да и *скрытность* помогла.

Дункана и Анджелу мы нашли тут же, в проходе между домов. Рыжая сидела на мусорных баках, обнимая себя за колени, а охотник сторожевым псом маячил рядом. К нему-то я и направился.

— С вами всё?..

Договорить парень не успел. Я схватил его за шею и прижал к ближайшей стене. Анджела попыталась было вмешаться, но Мерси молчаливым жестом остановила её. Как понимаю, Кровавая пришла к тем же выводам, что и я.

— Убирайся! — медленно и с расстановкой произнёс я. — Твари шли по твоему следу. Ты привёл их к нам. Ты привёл их к Анджеле. Следующая наша встреча станет последней для тебя, Охотник.

Я отпустил Дункана и тот, потирая шею и не сказав ни слова, кивнул Анджеле и пошёл прочь, скрываясь между домов от взоров людей.

Мне было плевать на щенка. Я обернулся к молодняку и взглянул в глаза рыжей. Мне предстояло защитить свою семью.

К тому времени, когда за нами приехал Макс, мы уже успели пропитаться мокрым снегом до самых костей. И если нам с Мерси на это по большей части было плевать, то Анджела смогла пережить ожидание только благодаря густому меху Зубоскала. Племяшка сидела у стены, набросив на плечи мой плащ, а её лицо и руки утопали в бурой шкуре.

Макса я вызвонил сразу, как сердцебиение Дункана скрылось из радиуса моей слышимости. Не знаю, намеренно ли парень привёл тварей в мой дом или случайно, но повторения истории я не желал. Не с домом Прайда. Максимилиан сразу уловил суть дела и добрался со всей возможной скоростью, которую позволяла столь внезапная перемена погоды: яркое солнце при Охотниках и грязные завихрения мокрого снега в компании вездесущих мордлаков.

К моему великому удивлению, на внешней стороне здания не было признаков боя. Даже осколков от разбитых окон, что должны были осыпаться вниз, не наблюдалось. Не спорю, большая часть осталась лежать среди разлагающихся трупов мерзких тварей, но мы говорим про стекло, которое всегда норовит внезапно обнаружиться, впившись в чей-то неудачливый зад. За время ожидания личного транспорта я успел обойти здание со всех сторон и не заметил ни единого стёклышка. Не было и следов когтей на стенах. Телепортировались они, что ли? Тогда это бы объяснило, почему они не привлекали внимания прохожих. То, что даже сейчас никто не обращал внимания на разбитые окна по всему периметру третьего этажа, меня не удивляло. Люди не привыкли поднимать глаз выше носков собственных ботинок.

Колёса скрипнули, разбрызгивая во все стороны противную кашу из грязи и тающего снега. Окошко опустилось, позволив взглянуть на водителя этого зелёного в яркий жёлтый цветочек транспорта. Чувство юмора у Макса было своеобразное. Да и логика тоже — вместо того чтобы привлекать как можно меньше внимания, автомобиль Прайда кричал о своей уникальности во всю глотку. На мой вопрос «зачем?», Макс как-то ответил — поправляя футболку с изображением глуповатого вида псиной, — что яркое не только отлично привлекает к себе внимание, но и быстро приедается, так что вскоре диковинка должна была стать такой же частью обыденности, как и серые здания по соседству. Я был весьма удивлён, когда так и произошло.

Вот и сейчас на мультивен никто не обратил внимания. Даже не удосужил яркую кляксу скольльзящим взглядом. Прямо обидно за старания Макса, который лично раскрашивал четырёхколёсного монстра.

Максимилиан помахал нам, подзывая, и открыл задние двери. Я подхватил племяшку на руки, закутав её полностью в плащ. Ставшая походить на гусеницу Энджи даже не стала противиться — произошедшие события и холод отлично измотали юный организм. Я первым ступил под железную крышу, где нас ожидала сменная одежда и тёплые одеяла, Мерси и Зубоскал запрыгнули следом, дав отмашку Максиму двигаться. Щёлкнула дверь и железное пузо тронулось.

За тонированными окнами — а как же иначе, если это бэтмобиль? — проносились непогода, а Мерси пыталась отогреть Энджи. Укутав рыжую в тёплое одеяло, Кровавая усиленно растирала ей ладони. Полумёртвые руки мало способствуют согреванию, но вот

скорость, с которой это делала Мерси, имела эффект. Зубоскал же всем своим немаленьким весом навалился на ступни девчонки, передавая звериное тепло голой коже.

Я же задумался о том, что всю ту творящуюся вокруг Энджи чертовщину, пора прекращать. Следовало скрыть племяшку куда подальше, и заняться уже всем этим дерьмом вплотную. Если раньше это были только проблемы Аллана и Энджи, то сейчас, эта неведомая напасть, бесила меня похлеще английского засилья.

Показались знакомые улицы и вскоре мы вывернули к дому Прайда. На пороге нас ожидала мама Ро, готовая принять под своё крыло не только малолеток, но и старого, ворчливого меня. Скрипнули тормоза, Макс припарковал машину и открыл дверь. Мерси и Зубоскал выскочили первыми, я же вновь взял племяшку на руки. К моему удивлению, в этот раз рыжее чудо обхватило мою шею, прижавшись всем телом. Девчонка дрожала, но уже не так сильно. Это радовало.

Я перехватил её поудобнее, и аккуратно внёс под крышу дома. Зашедший следом Макс закрыл входную дверь. Я отнёс Энджи в гостиную, усадил на диван рядом с Мерси и, успевшим перевоплотиться, Цви, и размял уставшие мышцы. Присутствие в доме живого, теплокровного создания, вызвало любопытство домочадцев. Не, к Зубоскалу они привыкли уже давно, но вот рыжая вызывала живой интерес: мама Ро выставляла на журнальный столик чай и печенье (надеюсь не из той партии, которую я, кхм, дегустировал); Серах заняла одно из кресел и внимательно изучала племяшку, заставляя ту ёжиться не столько от холода, сколько от колкого взгляда; Макс занял соседнее, закинув ногу на ногу, улыбаясь и постукивая пальцами по подлокотнику; Меган, моя дочь-подросток, стояла у стены, скрестив руки на груди и поглядывая на гостью из-под взъерошенной чёлки. Самая младшая сидела, как всегда, в комнате. С ней я ещё успею познакомить Анджелу, а пока можно было и старших представить.

— Добро пожаловать в дом ужасов, — усмехнулся я, разводя руки в стороны.

И тут же заработал шлепок по руке от Ро.

— Ну, хорошо, — я закатил глаза. — Логово вурдалаков. Ай!

Очередной шлепок, только сильнее и два. Серах поддержала кровную сестру.

— Не обращай внимания, — Серах поправила воротник джинсовки и укоризненно глянула на меня.

Я улыбнулся и пожал плечами.

— Да я уже как-то привыкла, — Энджи закуталась в плед сильнее, но я чувствовал, что племянница постепенно расслаблялась.

Да, мы были чудовищами, монстрами из кошмаров, популяризированными ужастиками. Анджела всё это прекрасно знала. А ещё мозгов под её рыжей шевелюрой хватало для того, чтобы понять — мы ей не враги. Мо chreach! В какой-то степени все мои дети приходились ей родней. Мы были её семьёй, хоть и весьма своеобразной.

— Пока я не разберусь, что за чертовщина происходит вокруг, ты останешься тут. Сейчас это самое безопасное место в городе. Ни одна тварь, ни одно живое существо не смогут найти тебя тут.

Аллан, правда, смог, да только мы его найти не можем. Чертовщина, одним словом.

— Вы думаете, они идут за мной? — тихо, но совсем без страха, спросила Энджи.

— А череда последних событий не навели тебя на такую мысль? — я горько усмехнулся. Энджи поёжилась, закинула плед на голову, став походить на мышонка Джерри.

— Но почему?

— Вот это нам и предстоит выяснить, а пока ты под присмотром моего Прайда.

Я улыбнулся, оглядываясь на детей.

— Надо проверить системы, — Макс встал и направился в сторону подвала. Цви последовал за ним.

— Меган, подружка, я тебе сейчас такое расскажу, — Мерси подскочила с дивана, поправила выпавшую прядь Энджи, и удалилась с моей дочерью на второй этаж.

— Мне нужно провести инвентаризацию запасов, — Серах ушла из гостиной, скрывшись за дверью в кладовку.

— Да вы издеваетесь?! — я в шоке оглядывался на своих отпрысков. В пределах видимости осталась только Ро. — Я верил в свою старшую дочь, я знал.

Мама Ро улыбнулась, показала несколько жестов и удалилась на кухню.

— И ты, Брут?!

Анджела захихикала. Ну хоть стресс прошёл, уже хорошо. А вот поведение Прайда меня оскорбило до глубины души. Нет, я понимаю, Энджи полностью моя пробле... полностью под моей ответственностью, но в самом деле, могли быть хоть посочувствовать.

Но ворчал я больше для проформы. Мои дети прекрасно понимали, что хоть они и не угроза Анджеле, но источник лишней нервотрёпки. Всё-таки они вампиры, а она человек. Не может кролик чувствовать себя в безопасности среди волков. И плевать, что у кролика у самого клыки о-го-го какие.

— Ладно. Пошли, — я развернулся к лестнице на второй этаж.

— Куда? — Энджи слезла с дивана и продолжая удерживать плед поверх макушки, пошлёпала за мной следом. Ну вот точно Джерри, как в мультике.

— Знакомить с последним членом моего Прайда.

Убранство прайдовского дома ничем не отличалось от сотни его собратьев: на стенах фотографии и картины с семьёй, на полочках мелочёвка приятного содержания из фарфора, цветы в горшках. Никаких кровавых потёков, паутины по углам, летучих мышей под потолком. Даже лестница и та не скрипела. Дом Прайда был прям эталоном нормальности.

На втором этаже располагались спальни моих детей, хотя Макс, к примеру, предпочитал свой кабинет, практически не выползая оттуда. Все двери были как двери, и лишь одна отличалась: на деревянном полотне висела табличка в виде чёрного мультяшного пони всего в дырках и с голубой гривой. В копытах животное держало именную табличку, на которой детским почерком было выведено «Ева».

Я постучал.

— Ева, это я. С гостьей.

Я открыл дверь, поманив за собой Анджелу. Мы переступили порог комнаты и очутились в царстве поняш. Всюду, куда ни посмотри, за нами следила пара зелёных глаз той самой кобылы, что висела на двери. Постеры, статуэтки, мягкие игрушки, кубики, пазлы, даже постель — везде клыкастая улыбка чудо-лошади. Посреди комнаты на полу сидела хозяйка сей обители — малышка, на вид лет четырёх, с парой иссиня-чёрных косичек. Ребёнок рисовал красками на огромном, во весь пол, листе бумаги, периодически вытирая грязные ладошки об некогда белое платице.

— Ева, малышка, — позвал я.

Малышка обернулась и её лицо озарилось улыбкой при виде меня. Девочка подбежала и обняла мою ногу. На большее роста не хватало.

— Ева, это Анджела.

Я погладил ребёнка по волосам и указал на племяшку.

— Анджела, — я перевёл взгляд с Евы на Энджи, — это Ева, моя дочь.

В следующую секунду мне в челюсть прилетел кулак.

— Ну вы и ублюдок, — зло бросила рыжая.

— Как вы могли?! Она же!.. Нет, я знала, что вы чудовище, но вы намного хуже! Вы монстр! Ублюдок! Старый извращенец! Больной!..

— Хватит! — рявкнул я.

Анджела прекратила свой невнятный поток мыслей, но продолжала громко сопеть и взирать на меня с яростью в глазах.

— Во-первых, ты пугаешь Еву, — моя дочь крепко вцепилась мне в штанину и спряталась за спиной. А во-вторых, какого дьявола сейчас было?!

Я потёр ушибленную челюсть. При всех своих габаритах, удар у племяшки был приличный.

— Вы ещё имеет наглость спрашивать?! — мне казалось, ещё секунда и волосы Энджи запыхают праведным огнём. — Вы превратили ребёнка в чудовище!

Я сразу расслабился, усмехнулся и опустившись на корточки так, чтобы мои глаза были на одном уровне с Евой, обратился к ребёнку.

— Ева, милая, сними платье.

Ева кивнула и потянулась к подолу.

— Что вы?.. — ошарашенно выдохнула Энджи.

— А ты молчи и смотри, — отрезал я.

Моя младшая дочь, не переставая улыбаться, но немного пыхтя от усилий, скинула с себя не по сезону лёгкую одежду, оставшись в трусах с изображением всё той же дырявой пони на мелкой заднице.

— Умница. А теперь медленно покрутись.

Ева стала вертеться, и было в её движениях многое от Мерси, большой любительницы покривляться. Надо бы переговорить с Кровавой на тему дурного влияния на мой Прайд, но это потом.

— Смотри, — повторил я.

— Вы и правда старый, больной извращенец, — Анджела скривилась так, словно я поднос ей подложил кучу дохлых крыс с копошившимися червями внутри.

Я закатил глаза.

— Выключи эмоции и включи, наконец, свой мозг. Смотри внимательно. Ты что-нибудь видишь?

— Что я должна увидеть? Я вижу только здорового ребёнка и больного взрослого.

— Вот именно! — я победно хлопнул в ладоши.

— Не поняла, — глаза Анджелы расширились до размера мультяшных.

— Ты на ней не видишь ничего, потому что она здорова. Ты же мечтаешь стать Охотником. Должна была и про наше племя читать. Как мы увеличиваем популяцию?

— Нападаете на невинных жертв, — начала Энджи и с каждым словом черты её лица разглаживались, осознавая происходящее, — оставляя на теле следы обращения... На ней нет следов... Но как?!

— Потому что она никогда и не была обращена, — я помог Еве одеться, подтолкнул к Анджеле и малышка, кивнув, обняла ошарашенную рыжую.

— Но разве так бывает?! Вы же мертвец, мертвецы не размножаются!

— Киношники бы поспорили с тобой на этот счёт. Но вообще, я не мертвец, а немёртвый.

— А есть разница?

— Да, но люди никогда не умели её чувствовать, — я потянулся, вдыхая полной грудью. — Но хватит об этом. Предлагаю вам принять ванную и согреться.

— Вы только что рассказали мне о необращённом вампире, которых вообще в природе быть не должно, и отправляете меня в ванную? — удивилась Энджи, но взяла Еву за руку, когда та протянула к ней свои маленькие ладошки.

— Ага, именно, — усмехнулся я, выйдя в коридор и закрыв за собой дверь.

Когда я спустился на первый этаж, то в гостиной меня ждал весь Прайд. Они обсуждали появление в доме человека, особо не конспирируясь.

— Предатели, — буркнул я, бухнувшись на диван, согнав с места Цви.

Парень фыркнул и сел на подлокотник кресла к Мерси.

— Нам надо это обсудить, — начала Серах.

— Я пытался, да вот только вы все меня бросили на произвол судьбы, — я скрестил руки на груди, насупившись.

— «Мы не могли обсуждать человека в присутствии человека», — перевела Меган жесты Роуз.

— Я знаю, что она сказала не «человек», а «девочка», — заметил я.

Меган лишь пожала плечами.

— Как бы то ни было, чего ты ожидаешь от всего этого? — поинтересовался Макс.

— Переждать, — сказал я. — Я уже сообщил о происходящем и Веронике и Рэйчел. Девушки со всем разберутся, пока мы тут.

— Ты не хочешь сам всё прояснить? — спросила Мерси. — Это ведь касается твоей племянницы.

— Хочу, но я в ответе не только за неё, — я пробежался взглядом по детям. — Мне есть за кого переживать. Я не могу защищая одного, подвергать опасности других. Необходимо разобраться со всем, но с безопасного расстояния. Для риска задницей есть Охотники.

— Но ты привёл её в этот дом. Разве это уже не подвергает Прайд опасности?

На лестнице послышались шаги. Похоже, девчонки решили долго не замачиваться.

— Мерси, ты забываешь о нашей силе. Никто не найдёт этот дом. Никогда.

Окно разбилось и в гостиную влетела граната. В ту же секунду всю комнату заволочло едким дымом. Глаза щипало так, словно в них насыпали известь или освящённое серебро. Последний раз я так себя чувствовал при драке с Анджелой.

Силы врубилась на полную мощь. Я соскочил с дивана, закрывая лицо рукой. Судя по тому, что мой Прайд занял оборонительную позицию, инстинкты заорали и у них. Хуже всего пришлось Цви — парень перевоплотился против своего желания, разрывая когтями одежду на груди. Волка шатало и трясло. Его обоняние было в сотни раз лучше нашего, значит и ущерб получило больший. Возле лестницы заходила кашлем Анджела, не переставая прикрывать своим телом Еву.

Сигнализация дома орала, как умалишённая, но внезапно её голос оборвался и в дом ввалились твари.

Это были те же доморощенные мордлаки, разрушившие мою квартиру, вот только в этот раз они были не одни. Среди этих жутких бурых пятен, *видимых* мной, отчётливо

различались человеческие силуэты.

— Захватить ангела! — раздался приказ и в Маму Ро, ближе всех стоящую к вышибленной двери, выпустили автоматную очередь.

Роуз зарычала от боли и ринулась на врага.

Вот только он был не один. Сотни мелких тварей ломались в дом под поддержкой автоматных очередей. Мы монстры, но когда в тебя всаживают несколько десятков унций серебра, то мало не покажется никому.

Биться в доме при такой осаде было невозможно. Мы находились в ловушке.

Словно медведя в пчелином улье, нас атаковали со всех сторон. Это было в десятки раз тяжелее, чем в квартире, несколько часов назад. Сил хватало только чтобы защищаться, но не атаковать. Узкое пространство, множественность врагов и целей — мы мешались сами себе. Даже наше силовое преимущество проигрывало против преимущества численного.

— Уведите девчонок! — рывкнул я, отрывая голову очередному вояке и всаживая ботинок в морду мелкой твари.

Зубоскал, выплюнув откушенные руки врага, бросился к Анджеле и Еве, подхватил их, и бросился в другую комнату. Да вот только стену кухни проломил тварь похожая на помесь паука и экскаватора. Хвостом-ковшом эта махина просто отбросила оборотня в сторону, вырывая его ношу. Девчонки болтались в его клешнях, и никто не мог им помочь.

Мы убивали и впивались в глотки врагов, хоть как-то компенсируя потери крови. Сквозь всю эту пелену шума, выстрелов и криков агонии, я чётко расслышал голос Анджелы. Девчонка кричала от боли. Я обернулся и, отбрасывая от лица очередную пакость, успел заметить, как Зубоскал повис на монстре, вцепившись в его конечности острыми клыками. Оборотень оторвал от чудовища кусок мяса и мордлак выпустил свою добычу и та рухнула на пол. Судя по неправильному положению ноги, рыжая получила тяжёлую травму.

Только девчонка была не сахарной девицей.

Превозмогая боль, племяшка отбивалась от тварей, не подпуская их ни к себе, ни к Еве.

Столь массовая баталия не могла пройти без последствия для дома. В какой-то момент одна из стен просто рухнула, погребая под своими останками мордлаков и людей. Вот только дальше сооружение не могло держаться.

— Уходим!

Повторять дважды не понадобилось. Прайд ринулся прочь из рушащейся конструкции. Зубоскал оторвался от разорванного врага, схватил Анджелу и Еву и в несколько прыжков оказался на улице.

Дом за нашими спинами сложился, обдав нас щепками и штукатурной пылью. Крики убитых врагов ласкали мой слух.

Да только не долго.

Пыль ещё не успела осесть, когда я понял, что ждало нас на улице. Вторая волна. Большая часть тварей была похоронена под завалом, но вот вооружённых людей ещё было полно. Скрывшись за грузовиками, они открыли по нам огонь и сквозь череду пуль я увидел как один из них запускает снаряд из какой-то странной пушки вверх. Секунда и небо озаряет яркая вспышка, которая... разгоняет облака, позволяя солнцу пробиться к земле.

Словно софит на сцене, солнечный свет ударил по нам. Поддавшись инстинкту, все мы припали к земле, пытаясь защититься от солнца. Не знаю, что это было за оружие, но чувствовал я себя словно муравей под лупой — дым подымался от меня, как от кострища. Стрельба прекратилась. Я видел, как Анджела накрыла свои телом Еву. К ним-то и подошёл

один из вооружённых людей. Мужчина схватил Анджелу и стащил её с Евы.

— Нет! — Анджела отбивалась, пытаясь вернуться к Еве, но человек был сильнее.

Пока разъярённый хищник не оторвал ему голову в прыжке. Солнце было отличным оружием против нас, но вот оборотень мог щеголять своей волосатой задницей под ним без каких-либо последствий. Стрельба возобновилась, но раненый зверь страшнее в сотни раз.

Зубоскал молнией атаковал врагов, убивая их одним чётким ударом и долго не задерживаясь на одном месте. Да и небо стало постепенно затягиваться облаками назад. Видимо, игрушка имела не долгий эффект.

Из-под развалин дома выползли несколько уцелевших мордлаков и ринулись к Анджеле. Твари запрыгнули на неё, повалили и поволокли к одному из грузовиков.

И тут улицу оглушили сирены, как во время учений или воздушной атаки. Наши враги запаниковали и стали грузиться в машины. Зубоскал бросил гоняться за людьми и вернувшись к Энджи, отшвырнул от неё тварей, припечатав их к бочине одного из грузовиков. Заревели двигатели и чёрная вереница машин, с тварями на корпусе, убралась прочь.

Их место быстро заняли машины пожарных, полицейских, скорых и военных. Была и парочка дорогих спортивных тачек. Я сидел на асфальте и восстанавливал куски отвалившейся плоти на лице, когда возле меня появилось две фигуры.

— Долго же вы ехали, — я сплюнул под ноги Вероники и Рэйчел Салливан.

— Ты это видел?

— Что они тут делают?

— Разве мы не должны их уничтожить?

Мне было плевать на шепотки за спиной. Волновали куда большие проблемы, чем переживания Охотников, на чью базу завалилась свора вампиров. Хотя согласен, такое не каждый день происходит, но другого выбора не было.

После атаки неизвестных на дом Прайда, на место сражения прибыли все местные Охотники, да и Рэйчел со своей мафиозной семейкой в придачу. Как оказалось, до этого девушки уже успели пересечься на развалинах моей квартиры. Повыясняв, кто из них главнее в городе и весомее, что смотрелось явно забавно, с учётом их разницы в росте, девоньки ринулись сюда по наводке одного из соглядатаев Рэй.

Вот только к такому они не были готовы.

И теперь, пока люди Салливан прочёсывали весь город в поисках нешуточной угрозы, Охотники приютили нас под своими сводами. Озлобленные, голодные, израненные и бездомные, мы были прям олицетворением ночных ужасов. Охотники расступались перед нашей компанией, предпочитая высказывать своё недовольство исключительно шёпотом и в глубине комнат.

— Как только Отец Матен разрешил такое?

Вот и я задавался тем же вопросом. Но видимо, местному аналогу Санты было от нас что-то нужно.

Всю нашу братию отвели в просторную комнату, где вместо стен красовались стеллажи с зельями, мазями и препарированными тварями в банках. Вероника отдала несколько приказов и сёстры-врачевательницы бросились нас штопать. Буквально. На каждого из вампиров приходилось по две-три девушки, которые вытаскивали из тел пули, обрабатывали раны какой-то вонючей мазью и зашивали прибором сильно смахивающим на степлер.

Процедура была достаточно болезненной, чтобы при каждой манипуляции одной из сестёр, члены Прайда шипели и обнажали клыки. Да только врачевательницам было плевать. Они чётко выполняли поставленную задачи — поставить нас на ноги.

Параллельно с извлечением инородных тел, в организм моих детей поступали специальные вещества по трубкам, которые, судя по ранам, немного тормозили регенерацию, но поддерживали нормальный уровень сил и у пациентов.

Зубоскал отказался перевоплощаться, предпочитая волчью шкуру смазливому личику. Оно и понятно. Нужно было оставаться начеку. Я был уверен в безопасности прайдовского дома куда больше, чем местной базы, но он был разрушен. Ожидать можно было чего угодно.

Я глянул на Анджелу, которая обнимала сидящую рядом Еву. Племяшка стоически переносила вправление костей в ногу. То ли дело в адреналине, то ли в той куче зелий, которые сёстры заставили её выпить, но рыжая была спокойна как удав.

Вероника занималась лично мной и Мерси, периодически сквернословя на родном языке. Мы были Апостолами, а значит более сильными и выносливыми, чем вампиры ступенью ниже. Нам требовался иной вид лечения. Если быть точнее, то нас с Мерси Вероника попросту напаивала отборной кровью, только и успевая, что боеприпасы из нас вытаскивать.

— Как вы всё это объясните?! — с порога начал Отец Матен.

Сейчас он абсолютно не походил на того добродушного дядечку, с которым я виделся не так давно. В нём проступили черты истинного инквизитора, который добавляли ему и статности и силы духа.

— Самому интересно, — огрызнулся я, отбрасывая в сторону очередной пакетик с кровью.

— Что нам делать со всеми этими разрушениями, что вы учинили?!

— Да хоть очередным терактом выставите, мне плевать. Хочу вам напомнить, это мой дом разрушили. Моя семья пострадала!

— Семья?! Да какая у вампира может быть семья? Люди пострадали...

Я *скользнул* со своего места и прижал святошу к стене. В помещении воцарилась тишина.

— Ещё одно поганое слово из твоего рта, и я разорву тебя на куски, как и тех Trusdar, что посягнули на мою кровь, — Отец Матен попытаться высвободиться, но я и в обычное-то время был сильнее, а сейчас, на взводе, был равен чудовищу. — Как только я узнаю, кто это был и узнаю, что им было нужно, я...

— Ангел...

Все обернулись к Анджеле. Та, словно в тумане, теребила край футболки.

— Да. Они шли за тобой, Анджела, но...

— Не Анджела, ангел. Твари забрали мою подвеску, — рыжая оттянула край футболки. На тонкой шеи виднелись следы когтей, а вот подвеска, с которой племяшка не расставалась, исчезла.

— Зачем кому-то твоя подвеска? — спросил я, отпуская инквизитора.

Толстяк упал на колени я тяжело задышал.

— Это ведь всего лишь украшение. Подарок твоего отца.

Зубоскал дёрнул ушами, отодвинул от себя врачевательниц, которые тут же на него заворчали, подошёл к одному из немногих ноутбуков, установленных в сей обители алхимии, и ткнул когтем в usb-порт.

— Флешка, — сообразила Мерси, которая лучше всех понимала лохматого. — Ангел был флешкой.

— Откуда ты знаешь? — спросил я у оборотня. Тот лишь пожал плечами и улыбнулся, хотя волчий оскал та ещё улыбочка.

— Даже если зверь прав, — откашлявшись и поднявшись на ноги, проговорил инквизитор, — и неизвестные пришли именно за ней, то мы не знаем, что там было за содержимое.

Оборотень сложил лапы наподобие крыльев, несколько раз ими взмахнул и попытался чирикнуть. То ещё зрелище.

— Он у вас бешеный? — сморщился Матен.

— Не, просто гениальный молчун, — я заулыбался и подошёл к ноутбуку. — Интернет есть?

— Конечно, — ответила Вероника.

— Отлично, — я быстро зашёл на свою почту и отправил сообщение.

Не прошло и пары минут, как на мониторе показалось ответное письмо, в теле которого красовалась птица с длинными и яркими перьями, созданная из компьютерных знаков. В сообщении был заархивированный файл. Пара нажатий кнопкой мыши и на экране появляются тексты, фото и какие-то формулы.

— Что это? — просила Вероника.

— Данные с флешки, — заулыбался я. — Благодаря любопытству нашего лохматого, у нас есть копия содержимого. Посмотрим...

Я быстро пробежал взглядом по данным. Хоть мой старый разум не позволял обрабатывать информацию, как современной молодёжи, но и совсем бесполезным он не был. Я читал и с каждым словом мне становилось дурно.

— Что там? — судя по взволнованному тону Мерси, своё состояние я как-то выдал.

— Я знаю, кто на нас напал, и что, а точнее — кто им нужен.

— Ну же, не тяни.

— Им нужна Ева...

Взгляды всех собравшихся устремились на мою младшую дочь.

— ...чистокровный вампир.

— Чистокровный вампир?

— Такое бывает?

— Как такое вообще возможно?

— И ты скрывал это от меня, *Le bâtard chauve*?!

Я отмахнулся от вопросов.

— Да. Да. Встретились пестик и тычинка. Так получилось.

Я не хотел продолжать эту тему, меня больше волновало содержимое файлов, но собравшаяся компания меня не отпускала.

— Ты так просто не отделаешься от нас, — Вероника схватила меня за плечо и развернула к себе лицом. — Какого *Le diable* у тебя в Прайде делает чистокровный вампир?!

— Серьёзно? — я начинал злиться. — А наличие в Прайде маленького ребёнка тебя не смущало?

Вероника пожала плечами, мол, мало ли что. Вот так и знал, что в её глазах я больной извращенец.

Я сбросил руку врачевательницы, вновь углубившись в изучение данных.

— Да, в моём Прайде есть чистокровный вампир, но вас всех это не должно касаться. Это не ваше смертное, — я особенно ярко выделил это слово, — дело.

Очень прозрачный намёк уловил даже инквизитор. Поток дурацких вопросов сменился вопросами по существу.

— Хорошо, — Вероника примирительно развела руки в стороны, ладонями в мою сторону. — Что в этих данных, Моррисон?

— Записи больного ублюдка, — пара нажатий и данные вывелись на оставшихся ноутбуках. Охотники и вампиры прильнули к ближайшим из них. — Смотрите. Здесь говорится о том, что все твари ночи, это ужасные чудовища.

— Это общеизвестный факт, мистер Моррисон, — проворчал Отец Матен, но я проигнорировал толстяка.

— И что тьма останавливается лишь тьмой, так как люди слишком слабы для этого, — я пробежал взглядом чуть ниже. — О, это особо забавно «...и племя наше, прогнившее от Отца своего, есть лишь путь тварей, в мир душ человеческих ибо нет спасения агнцам среди волков, что скрываются под ликом добродетели...». Ничего не напоминает?

— О чём ты, Моррисон? — не поняла Вероника.

Ох, моя Чёрная Пантера. Иногда и её сообразительность отключается.

— Это же вы, Охотники. Те самые «волки под ликом».

— С чего вы взяли?! — возмутился Матен, подходя ко мне в упор. — Упомянутые «волки», — брезгливо произнёс святоша, — идут от «прогнившего Отца».

— А не напомните ли вы мне, кто является главой всех Охотников, независимо от их вероисповедания и страны прибывания? — инквизитор хотел возразить, но замялся и замолчал. — То-то же.

— Почему прогнивший? — Анджела потихоньку отходила от наркотиков, которыми её накачали сёстры, а значит к ней возвращалось былое любопытство.

— Потому что у нас есть Пакт. И подпишей под пактом две. Отца нашего, — я кивнул на

Мерси, — и отца вашего, — я ткнул в толстое пузо Матена. — И я знаю прецедент в истории, когда кое-кого это сильно не устроило. До кровавой резни.

— Бургундские Псы, — выплюнула Вероника.

— Именно.

— Ну, хорошо. Предположим, эти ублюдки выжили спустя столько веков, но зачем им твоя дочь... внучка... сестра?.. — Вероника не могла подобрать нужного слова и махнула рукой, бросая это дело.

— Потому что они хотят создать оружие против тварей.

В помещении воцарилась тишина. Я не являлся любителем подобных пауз в кинематографе. Искусственное накаливание атмосферы всегда меня раздражало, но сейчас оно было весьма уместным. Окружающие меня существа не играли, они действительно были поражены: сёстры переглядывались, Мерси скомкала край юбки, шерсть Зубоскала встала дыбом, а мой Прайд понуро опустил головы. Вероника скрестила руки на груди, и мышцы заиграли под кожей, от напряжения. Даже святоша приуныл, нервно проводя рукой по влажной лысине.

— Как, *au nom de tous les saints*, ребёнок может им в этом помочь? — наконец воскликнула Вероника. — Я не спорю, что чистокровный вампир это редкость, но...

Тихий голос Анджелы разрезал бурную реакцию Охотницы, как лодка режет волны в шторм.

— Солнце, — племяшка провела ладонью по личику Евы, убирая налипшие пряди волос. — Она ведь неподвластна ему, да?

Я скривился. Энджи была слишком внимательной.

— О чём она, Моррисон?

— Ева отличается от нас, — нехотя начал я, глянув на Меган. Дочь сидела напряжённая, как электрический ёжик перед разрядом, но молчала. Она полностью доверилась мне в теме про Еву. — И дело не только в том, что оба её родителя вампиры. У неё другие силы. Мы сами понятия не имеем, что в дальнейшем сможет сделать наша малышка, но уже сейчас солнце ей не угроза, а обычная пища ею легко усваивается.

— Кто мог породить на свет такое существо?! — удивлению Отца Матена не было предела.

— А это уже не ваше, *Trusdar*, дело, — я оскалился, но удержался, чтобы не врезать этому лысому *Druisear*.

— Я предполагала, что чистокровный может быть другим, — размышляла Вероника, — но что бы настолько... Её следует немедленно скрыть.

— Изолировать, вы имели в виду? — Отец Матен поправил край воротника, возвращая себе сталь в голос. — Такому чудовищу место в самой дальней и глубокой темнице. Если некий клан обезумевших Охотников поставил себе цель извести всех тварей — кто мы такие, чтобы вставать у них на пути? А с этим исчадием мы сами разберёмся.

Даже захоти собравшиеся понять, что произошло, у них бы не получилось. Да я и сам мало что понимал. Просто ярость взяла верх над разумом и вот я уже впиваюсь в горло инквизитора. Я и раньше убивал Охотников, но это всегда было ради защиты, на свежую голову, а сейчас... Сейчас я был чудовищем, на чью кровь посягнули.

И если бы не Зубоскал с Вероникой, всё кончилось бы чьей-то скоропостижной кончиной. Я почувствовал, как клыки оборотня входят в моё плечо, а дальше рывок и вот я на полу в одном конце комнаты, а Вероника с Матенем на руках — в другой.

Врачевательница тут же сняла с пояса какой-то прибор и приставила его к шее инквизитора. Секунда, и кровь перестаёт бить из разорванных артерий, а святоша расслабленной тушей оседает на пол. Сёстры перепугано зашептались.

— Молчать! — рывкает Вероника и сёстры вновь смолкают, как и положено при их статусе. — Отнесите Отца Матена в его покои и проследите за состоянием.

Несколько сестёр, достаточно крепких, чтобы до этого обследовать оборотня, кивают. Подойдя к телу, приятно думать, что он всё-таки сдох, хотя я прекрасно слышу его сердце, девицы перехватывают инквизитора под руки и вытаскивают прочь. Интересно, как они будут объяснять его состояние встретившимся собратьям?

Вероника быстро сокращает расстояние между нами и тяжёлый ботинок прилетает мне точно в солнечное сплетение. Не был бы дохлым, точно бы копыта отбросил. Кашляю и сплёвываю на пол кровь. То ли свою, то ли святоши.

— Un imbécile sans cerveau! Comprenez-vous ce que vous venez de faire? Vous aurez de la chance si Maten se réveille et ne veut que votre sang et ne met pas tous les Hunters sur! — Вероника отдышалась после тирады, и проведя окровавленными руками по волосам, успокоившись, продолжила: — Мы спрячем Еву. Le traître остаются предателями. Их методы идут не только против Пакта, но и самой сути Охотников. Мы должны защищать людей от мордлаков и им подобным, а не порождать их.

— А вот тут ты права, — я встал с пола, вернулся к ноутбуку и открыл один из файлов. — Причина, почему Аллан скрывал эти данные не в Еве. Точнее, не только в ней. Оружие, которое они хотят создать — монстр, не уступающей по силе Отцу. И похоже, с результатами их экспериментов мы и встречались в последние дни.

— Вот и ответ, куда делись ваши бродяги, — усмехнулась Мерси, но в голосе не было и йоты веселья.

— Oh mon dieu, — выдохнула Охотница, но быстро взяла себя в руки. — Это не должно повториться. И первым делом, мы спрячем девочку.

— Я бы и рад, но куда? Сейчас самое безопасное для неё место рядом с Отцом, но где его носит, только Римлянину известно.

— Ты недооцениваешь наши возможности, — Вероника развернулась и, махнув нам, вышла из комнаты.

Я поплёлся следом. Члены прайда собрались было со мной, но я жестом остановил их. Пускай восстанавливаются. А вот компания Мерси и Зубоскала меня вполне устраивала. Последний посадил себе на спину Анджелу и Еву, которая не хотела отлипнуть от рыжей, и опустившись на четвереньки, пошёл рядом.

Вероника вела нас кучей коридоров. Никогда бы не подумал, что база Охотников похожа на муравейник. Хотя судя по реакции служивых, она вполне могла сойти за местную королеву. Чёрную Королеву. Мои мысли, видимо от стресса и пережитого, решили завернуть совсем в другую степь, так что к моменту, когда мы остановились у огромной бронированной двери, я уже успел примерить пару интересных поз и игрушек в компании моей врачевательницы.

— Ты, должно быть, шутишь?! — я вышел из оцепенения своих фантазий и огрызнулся на Веронику.

С десятков бравых ребят за её спиной нервно потянулись к затворам. Когда они только успели набежать?

— Матен, может, и Était impoli, но и прав тоже. Единственное место, которое

невозможно ouvert, это темница для особых гостей, — врачевательница похлопала по стальной поверхности. — Кроме того, я приставлю к ней охрану.

— Ты видела что эти Trusdar сделали с моими домами? Они снесут твоих оловянных солдатиков и не поморщатся.

— Возможно, — пожала плечами Вероника, и этот жест не остался незамеченным вояками. Ребятки переглянулись. Подыхать никому не нравится. — Но чтобы сделать это, мордлакам придётся проникнуть на базу. А сделать они это смогут, только наделав beaucoup de bruit. Не беспокойся, Моррисон. Ты был не подготовлен к атаке, мы же её ожидаем.

В чём-то Охотница была права, но меня не радовала идея запереть ребёнка в клетке. Пускай и для её защиты. Похоже, мои сомнения отразились на лице.

— Я останусь с ней, — Анджела пропустила сквозь пальцы волосы Евы. Моя девочка улыбалась, обнажая маленькие клыки. — И ей не так страшно, и вам спокойнее.

— Ну не знаю.

— Хватит ломаться, Моррисон. С каждой минутой твоих раздумий, враг становится plus fort. А сильного врага тяжело уничтожить.

— Ты помнишь, что ты врачевательница? — усмехнулся я.

Вероника закатила глаза. Её пальцы быстро забегали по кодовой панели, ввели какой-то замысловатый пароль и дверь отворилась. Не открылась, а именно отворилась. Как в фильмах: тихий щелчок, звук выходящего где-то за стеной пара, скрежет механизма и дым, стелющийся по полу. Показушники.

— Смазать не пробовали?

— Ох, tais-toi.

Вероника вошла первой. Следом мы с Мерси, да Зубоскал с девчонками на спине.

— Миленько, — заметила Мерси, проводя пальцем по стене, исписанной кучей магических символов, большую часть которых я знать не знал.

Кроме письменностей в комнате не было ничего. Вообще. Даже в одиночных камерах есть, ну вы понимаете, вещи первой необходимости, а тут совсем голяк. Я вопросительно глянул на Веронику. Та нажала ещё несколько клавиш и из стен выдвинулись спальное и отхожее место. Само собой, со спецэффектами.

Зубоскал прошёл до койки и помог Анджеле с Евой спуститься. Энджи, кривясь от боли, видимо, наркоз почти прошёл, уселась на постели и усадила рядом Еву. Я подошёл к ним, долго смотрел на обеих девчонок, а затем обнял, удивив этим и себя и племяшку.

— Всё будет хорошо, я обещаю, — клишешная фраза, но столь подходящая сейчас.

— Я знаю, — просто ответила рыжая, отвечая на объятие.

Отстранившись от детей, я быстро пошёл прочь, не оборачиваясь. Я боялся за них и не очень хотел признаваться в этом ни окружающим, ни самому себе. Надо отдать должное Мерси и Вероники — дамочки промолчали, предпочтя сделать вид, что ничего не было. Зубоскал ткнулся мордой в руки Энджи, лизнул Еву, заставив ту улыбнуться, и побрёл следом.

Дверь закрывалась за нашими спинами, куда менее пафоснее, чем открывалась, и медленнее.

— Отвечаете своими головами, — Вероника умела отдавать приказы.

Я слышал, как сердца вояк забились чаще. Ну, хоть в пятки не уши.

В какой момент раздался взрыв, я так и не понял. Вот мы смотрим на закрывающуюся дверь, а в следующую секунду лежим на полу под кучей обломков. В голове гудит так,

словно на неё сбросили наковальню. Вдалеке раздаётся стрельба, а в поле зрения окровавленная Вероника. Приподнявшись на локтях я заметил, как один из Охотников, сопровождавших нас, тащит прочь Еву и сопротивляющуюся Анджелу. Глаза застилала кровь, то ли от гнева, то ли от раны на лысине, но я пытался подняться, чтобы остановить врага. Вот только кусок обвалившегося потолка придавил мне ноги. Я рычал от бессилия и слабости. Когда очередная крепёжная балка обрушилась мне на спину, я провалился в беспмятство.

— Хватит меня бинтовать! — я пытался подняться с обломка, но крепкая рука врачевательницы-переростка легко удерживала меня на месте. — Мне нужно найти их! И убить этих поганых *Blaigeard*!

— Успокойся, Моррисон, — Вероника пыталась меня остановить, но больше для виду. Сейчас, будучи одной из пациенток собственного клана, она сама была готова разорвать на куски предателей.

А они были, ведь иначе на базу не попасть.

Когда я пришёл в себя, то находился неподалёку от места взрыва. Одна из сестёр накачивала меня зельями и зашивала раны. В голове продолжало гудеть, но в глазах больше не стоял туман. Рвануло знатно: кругом ошмётки человеческой плоти в остатках чёрного камуфляжа, часть крыла обвалилась, дверь темницы раскурочена в разные стороны.

Мерси и Зубоскал отыскились под кучей камней. Оборотень успел прикрыть своим телом вампиршу, так что большая часть удара пришлась на него. Сёстры вытаскивали из псины осколки, пока его морда покоилась на коленях Мерси. Та чесала волка за ухом, глядя куда-то в пустоту стальным взглядом убийцы.

Вероника была одной из немногих уцелевших. Если бы не все те настойки и препараты, что тестировала глава ордена, то от неё не осталось бы и мокрого места, а так сотрясение мозга и несколько сломанных рёбер.

Чуть больше повезло рабочему персоналу, что маячил на периферии уровня — ожоги, небольшие травмы, но без потерь.

Из Охотников, что сопровождали нас, не выжил никто. Это по официальной версии, но я точно знал, что несколько этих *Leam-leat* выжили и увели с собой девчонок. И я должен был их отыскать.

— Люди прочёсывают туннель, но пока никого не нашли. *Je ne le penserai pas*, как они смогли проникнуть сюда?

— Да они изначально были среди вас! — я сорвался на крик, чем удивил даже Веронику. — Предатель находился здесь с самого начала. Он лишь ждал подходящего случая и я лично его ему предоставил. Я подверг опасности жизни Евы и Анджелы!

Бесновался не только я. Если бы не взвод Охотников, маячивших у входа — где они только были, когда уводили Еву?! — мой Прайд давно бы бросился на поиски врага. А так, они походили на озверевших хищников на натянутой цепи, которые лишь ждали отмашки — воздух наэлектризован, в глазах жажда крови.

— Тяжело поверить, что среди нас могли быть *le espion*.

— Вероника, включи мозги! Среди вас всегда были шпионы! — в ярости я ударил кулаком по ближайшей стене и та треснула посередине. С этим ударом ушла часть гнева, так что закончил я более или менее спокойно. — У вас даже сейчас шпион мафиози бродит.

Я махнул рукой в сторону Грегори, что сновал рядом, помогая разгрести завал. Горилла

Рэйчел глянул сначала на меня, потом встретился взглядом с Вероникой, которая даже не была удивлена факту его существования. То ли уже знала, то ли слишком устала. Так как иных приказов не поступало, Грегори вернулся к своей работе, оттаскивая в сторону очередной бульжник, под которым смачно трещали кости случайной жертвы.

— Как бы то ни было, прежде чем спасти *Tes filles*, неплохо было бы знать, где именно это делать.

Зубоскал поднял морду с колен Мерси и зарычал, глядя в сторону уцелевшей части коридора. Там, среди устраняющих последствия взрыва Охотников, стоял Дункан. Его словно и не замечал никто. А как же иначе, если *Tolla-toine* ничем не отличался от окружающих: та же форма, то же оружие.

Гнев захлестнул меня. Я рванул с места, наплевав на ухищрения сестры, и вот уже моя рука сжимает горло предателя.

— *Leam-leat!* — реву я.

Стоявшие рядом Охотники пытались оттащить меня от жертвы, но они ничто, против вампира на грани. А я уже был одной ногой за чертой. Дункан старался разжать мои пальцы и что-то произнести, но у меня не было желания слушать его поганые слова. Если бы не он и его чёртов клан, ничего бы не было!

— Алэйсдэйр! — прокричала Вероника. — Прекрати, ты убьёшь его!

О, да. В этом и суть.

Я немного сменил хват и в этот момент Дункану удалось произнести «аю». Что-то внутри меня щёлкнуло и я разжал хват. Мальчишка упал на колени и, кашляя, начал говорить.

— Я зна... знаю где они. Знаю.

— Говори! — не просьба, приказ.

— За черто...той города есть старые заводы. Под ними целая с...сетка туннелей. Там наша база.

Это «наша» заставило меня вновь увидеть в *Tolla-thon* врага. Я со всей силой пнул его по рёбрам и кровь окрасила камни.

— *Leam-leat!* — повторил я, чувствую, как кровь взывает ко мне.

— Я не хотел, не знал, — извинения с грузом собственной вины звучат искренне, но мне нет до этого дела. Такое не прощают. — Я помогу вам. Я покажу, где это, проведу вас. Но туда тяжело попасть.

— Ничего страшного, — от стенки отлепилась миниатюрная фигура, которую я не заметил во вспышке гнева. — С этим я могу помочь.

Рэйчел улыбнулась подобно голодной волчице перед жаркой охотой.

— Это здесь, — Дункан уверенно указал на заброшенный район.

На раскрытой перед нами карте, словно из звёздной саги, развернулся не только Индианаполис, но и прилегающие к нему районы. Сотни акров земли, где смог разместить и скрыть свою базу наш враг.

— Я всегда проходил тут, — парнишка водил рукой по карте, показывая путь. — Но знаю, что здесь, здесь и здесь точно есть ещё проходы.

— Охрана? — вопрос Дункану, но ответил мне Уильям.

— Судя по нашей информации, с каждого входа располагается семь, десять Охотников. За время наблюдения был замечен ещё целый отряд.

Я даже не был удивлён, что в столь короткие сроки, мафиозные сети смогли раскопать в разы больше дружественных нам Охотников. Всё-таки, это их город.

— Похоже, что они собирают там армию, — Макс потёр подбородок, раздумывая и прикидывая. Прошное в органах давало о себе знать.

— И это не считая мордлаков, — Мерси с силой сжимала и разжимала кулаки, хоть как-то пытаюсь контролировать эмоции.

— Какова протяжённость базы, *le garçon*?

— Почти десять акров в длину и столько же вглубь.

— Зачем вам база таких размеров? — удивилась Мерси.

Перед ответом Дункан скривился от отвращения.

— Твари. На нижних ярусах содержатся чудовища, пойманные нами создания ночи. И люди, как оказалось.

— Если там хотя бы половина того количества мордлаков, что напала на нас, шансы у нас не самые лучезарные, — заметил Макс.

— Не стоит беспокоиться, — уверена произнесла Рэй. — Всё, что можно убить обычным свинцом мы берём на себя.

— Ты же хотела держаться подальше от дел семьи, нет? — перебил я.

— Да к дьяволу! — наманикюренный кулак прилетел в стол. — Никому не позволено так вести себя на территории семьи Салливан.

Я усмехнулся, не пытаюсь поправить Рэй. Мы честно делили город соседствуя. Да и помощь её ребят явно будет не лишней.

— Что же касается всякого рода чудовищ, — продолжила Рэйчел, — то именно для этого и существуют Охотники, или я не права?

Вероника кивнула без лишних слов.

— Наверху и около базы нас ожидают мои люди. Один сигнал и захват начнётся. Что же касается тебя, — Рэй кивнула мне, — то...

— То я пойду спасать девчонок, — я обратился к Дункану. — Где их могут держать?

— Если Ева действительно так важна для клана, как вы говорите, то её разместят в самом низу. Закрытая территория, куда есть доступ только учи... — парень осекся, но очень быстро поправил себя, — Дарину и старшему составу.

— И как же я найду их?

— На самом деле легко. Вдоль стен проложены трубы и из-за постоянных опытов на том ярусе, на них образовались наросты в виде ракушек. Чем ближе вы к месту, тем чаще встречаются завитки.

— Понял. Иду по следу ракушек, — отсалютовал я. — Прайд будет прикрывать меня. Всем ясны их задачи?

Своеобразный орден отмщения синхронно кивнул.

— Тогда за де!..

— Не спеши, — Вероника охладила мой пыл не просьбой, приказом. — В прошлук встречу с этим кланом ты сам и весь Прайд пострадал от их игрушек. Не стоит идти к ним с пустыми руками. *La sœur!*

Врачевательницы водрузили на стол ящик с ампулами золотистого цвета.

— Мы тоже изучали вашу кровь, но в отличие от этого *clan des psychopathes*, исследования было в области созидания. Содержимое этих ампул реагирует на вашу кровь как катализатор, усиливая все ваши силы.

— И зачем вам усилитель наших сил? — поинтересовалась Мерси.

— Chérie, они были не для вас, а для нас, — моя Пантера улыбнулась и улыбка её недалеко ушла от злобного оскала. — Но сейчас мы отдаём её вам. Bien sûr, потом мы создадим другую.

Мерси достала один из флакончиков и покрутила в руках. Содержимое переливалось под лучами ламп, словно масло с блёстками.

— Но хочу предупредить, у состава странная побочная реакция.

— И какая? — я сунул несколько ампул в карман.

— Усиливается и влияние le soleil. Даже цифра на вашей груди вас не защитит, — Вероника ткнула пальцем в район моего сердца. — Так что принимать только в крайнем случае.

— Обоюдоострый меч, — заметил я. — Неважно. Кроме того, мы выступаем ночью. Время на нашей стороне. Готовы?

И вновь кивок.

Я улыбнулся, обнажая клыки. Ночь обещала быть очень насыщенной.

Очередная тварь улетела в стенку. На рукаве плаща осталась едкая, зелёная слизь, отказывающаяся слазить с дорогой кожи. Липкая, как Лизун из фильмов восьмидесятых. Гадость.

Сверху слышались рёв, стрельба и крики агонии. Свои или чужие — неважно, дамочка-в-чёрном сегодня поживиться на славу.

Осада базы шла уже несколько часов. На нашу неудачу, противники были хорошо подготовлены, и даже эффект неожиданности не позволил нам быстро проникнуть внутрь. Клан предателей не был любителем долгих игр и сразу пошёл с козырей — на первую же волну атаки нам ответили стаяй мордлаков. Если бы не Прайд и обученные Охотники, то люди Рэйчел легли бы сразу, но на её удачу, Дункан смог провести небольшой отряд с тыла, проникая в стан врага. И пока люди и монстры ночи рвали друг друга на куски, я пробирался вглубь этой обители зла.

Мой путь можно было легко отследить по трупам с оторванными головами и сломанными шеями. Периодически я сожалел, что мой любимый клеймор остался погребённым под завалами коттеджа, так же, как и большая часть вещей, но здесь, в узких коридорах подземной базы, он бы лишь мешал продвижению.

Чем ниже я спускался, тем реже мне встречались люди, и чаще твари. Не знаю, кто хозяин этого места, но с головой он явно не дружит. Иначе не объяснить вмурованных в стены чудовищ, чьи когтистые лапы тянутся к твоей плоти, стоит тебе пройти мимо. Ага, как в старых фильмах ужасов. Только крови с потолка не хватает. Хотя, нет. Крови тут было с избытком.

— Ракушки... ракушки... — бормотал я, рассматривая трубы.

Как объяснил Дункан, на базе существовало пять уровней. Первые два, отведённые Охотникам и представляющие собой спальни со столовой и тренажёрными залами, я давно прошёл. На третьем хранилось оружие и именно отсюда началось моё знакомство с экспериментами местных Франкенштейнов.

— Ракушки... ракушки... Есть! — на одной из труб показались маленькие спиральные пирамидки.

Словно Дороти, я нашёл свою дорогу из жёлтого кирпича. С каждым пройденным

ярдом, количество ракушек становилось всё больше. Да и сами они увеличивались в размерах, и вот я притормозил у одного особо крупного представителя.

— Mo chreach! — я скривился, отдирая один из камней-ракушек от трубы. — Штопор Душ.

Я огляделся, осознавая происходящее. Всё это время я шёл не по ракушкам, а по камням, чья сила была столь велика, что даже кобольды предпочитали обходить их стороной. Как там говорил Дункан, чем глубже в базу, тем чаще и больше россыпи спиралек? Я не знаю как, и даже не хотел об этом думать, но похоже, местные мастеровые сумели не только создать один из редчайших камней мира, но и наладить его естественное производство. Это плохо. Очень-очень плохо.

В памяти всплыли события двадцатилетней давности. Десятки пропавших детей и встреча с их убийцами-каннибалами. И гусеницы. Огромные, мусорные монстры, подчиняемые воле камня и магии крови.

Я не верил в совпадения и случайности. Поводов уничтожить это треклятое место с каждой минутой становилось всё больше и больше.

Я сгрёб в охапку как можно больше крупных камней и заполнил ими карманы. Я не сомневался, что впереди встречу какую-нибудь тварь, поднятую с их помощью. И кукловода. С последним особо остро хотелось пообщаться.

Коридоры сменялись один за другим, а каменные наросты, столь опрометчиво принятые Дунканом за простые ракушки, становились всё гуще. Отделавшись на очередном повороте от твари, смахивающей на монстра из известного игрового ужастика, я вышел к массивной двери. Цифра рядом указывала на четвёртый уровень. Как предусмотрительно.

Даже не пытаясь разобраться с электронным замком, я врубил *силы* на полную и с разбегу впечатался в металл. Дверь прогнулась, а в плече что-то хрустнуло. Не беда. Я повторял процедуру до тех пор, пока выгнутая часть не открыла проём, способный меня пропустить.

Внутри оказались камеры. Не видео или криогенные, а самые настоящие тюремные клетки. И в каждой из них бесновались десятки экспериментальных мутантов. Назвать этих существа мордлаками язык не поворачивался — от ночных тварей остались лишь уродские облики, не более. На мою удачу, твари не были в состоянии выбраться — то ли пуленепробиваемое стекло, то ли особо прочный пластик, но какая-то прозрачная затворка крепко удерживала голодных уродов.

Я замедлил шаг и не зря. Из полутёмного угла на меня ринулась куча разлагающейся плоти. Рефлексы наше всё. *Скольжение* в сторону и вот я уже выбрасываю горсть Штопоров в поднятую тварь. Пропитанные моей кровью и силой слов, камни впиваются в куски трупов, слившиеся воедино в ужасный организм. Эта тварь не чета тем, металлическим колбаскам. Моей крови хватает, чтобы задержать её, но не подчинить. Мда. Немного не на это я рассчитывал. Чудовище кинулось на меня и я позволил ему взять себя на таран. Как только смердящая махина врезалась в меня, я пробил его «голову» самым крупным Штопором, что встретился мне на пути.

— Сдохни, Galla!

Существо трепыхалось, но в конце концов замерло и осело на пол кучей протухшего мяса.

— Так-то лучше, — я оглянулся и моё бессмертное сердце замерло.

У дальней стены, среди проводов, трубок и капельниц, прикованная по рукам и ногам, с

металлическим венцом на голове, висела моя Ева. У её маленьких, окровавленных ног, лежала Анджела. Я слышал их сердца, дыхание, но девочки без сознания.

Рывок вперёд и разряд тока отбросил к противоположной стене. Спине совсем несладко от столкновения с камнем. Встав с пола, я потряс головой. Какого дьявола?! Помещение, что ещё секунду назад освещалось редкими лампами, вспыхивает ярким полуденным светом знакомых мне софитов, угрожая испепелить меня до основания.

— Впечатляюще, но забрать их у вас не получится, — из тени, откуда несколько минут назад появилось чудовище, вышел мужчина.

Не низкий, не высокий, не худой, не полный — никакой. Такого на одинокой улице не заметишь, не то, что в толпе. Один вопрос: почему его не заметил я? Ни дыхания, ни сердца. Этот Trusdar что-то говорил, но я его не слушал. Я щёлкнул тумблерами и взглянул на Blaigeard иначе. По моим чувствам тут же самосвалом проехали отвратительные цвета и запахи. Рвотные и знакомые. Эти поганые пятна я встречал в последние дни слишком часто.

— ...твари подобные, должны умереть.

— Ith mo bhod!

Оттолкнувшись от стены, я на полном ходу припечатал мразь к силовому полю около девчонок. Хруст ломающихся костей и брызги крови из открытого рта заставляют меня оскалить улыбку. Leam-leat грудой дохлого мяса падает к моим ногам. Так. Теперь надо найти выключатель. И как можно быстрее. Софиты слой за слоем превращали меня в мулата.

Рукой прощупывая экран, я шёл вдоль его периметра, пытаюсь отыскать слабое место. Где-то же эта штука должна заканчиваться?

— ...смело... — бульканье за моей спиной мало походило на речь, но у меня получилось разобрать слово.

Не понял.

Если бы у меня всё ещё были волосы, то они точно встали бы дыбом от ощущений, что окатили меня. Резко бросаюсь в сторону — это вам не кино. Неспешный разворот назад, чтобы глянуть в лицо врага, может стоить вам жизни в реальном бою.

А бой предстоял мне нешуточный.

Перекатившись и развернувшись к врагу, я откровенно остолбенел от увиденного. Представьте себе самый жуткий свой ночной кошмар, от которого не только кровь стынет в жилах, но и сама жизнь пытается поскорей покинуть ваш будущий труп. Так вот. По сравнению с моим врагом, все ваши кошмары просто плюшевые мишки в розовой пачке. То, что стояло передом мной, не имело формы, и уж тем более названия. Подобно жележному монстру эта тварь перетекала из одного состояния в другое, да только под его кожей перемещался не желатин, а бугры мышц, человеческих, и не только, лиц и конечностей всех мастей.

Я был оптимистом, но не идиотом. Разумно оценивая свои силы, я достал из кармана ампулы с зельем Вероники и принял сразу парочку. И к чёрту предупреждения.

Вот вроде бы сейчас должен был по венам огонь разлиться, но нет. Я абсолютно ничего не испытал. Я глянул на осколки в руках. Неужели не подействовало?

Чудовищная масса протянула ко мне с десяток щупальцев и время на раздумье закончилось. Я скользнул прочь и вместо привычного расстояние, преодолел раза в два больше, впечатавшись плечом в стену. Неплохо. Всё-таки штука Вероники работала.

Попытка атаковать врага обошлась мне ещё одним полётом до стены. Но в этот раз я сжимал в своих руках кусок чужой, извивающейся плоти. Мерзость. Отбросив конечность, я

поднялся для очередного удара и вот тут-то до меня дошло. Я перестал дымиться. Когда этот Trusdar врубил свет, я запекался, как кабан на вертеле, но сейчас я был полностью восстановлен. Успев увернуться от атаки врага, я заметил, что скрыт под тенью в виде раскрытой длани. Интересно. Разве Вероника не упоминала, что эффект от солнца должен усилиться, а не сойти на нет? Но мои мысли были прерваны прилетевшим в мою сторону куском камня. Бейсболист недоделанный.

Я кружил вокруг монстра, пытаюсь придумать, как же эту тварь одолеть. Голыми руками такую махину не взять. Эх, надо было по дороге гранаты собирать. Кстати, о трофеях. Я пошарил в карманах и на мою удачу несколько Штопоров там ещё осталось в довольно приличном состоянии. Крепкие камушки. План был прост — камни создавали нечто новое из неоднородной массы любого характера. И вот мой соперник отлично подходил под это описание.

Скольжение, кувырок, подкат, рывок вперёд и вот я уже карабкаюсь по спине чудовища, уворачиваясь от возникающих тут и там враждебных конечностей. Даже не пытаюсь отыскать хоть какое-нибудь отверстие, я вогнал этому уроду в голову руку по самый локоть. Я кожей чувствовал, как там внутри него всё шевелиться. Не знаю, какие они тут ставили опыты, но подобный результат никак нельзя назвать удачным.

Я разжал кулак и камни вперемешку с моей кровью и остатками волшебного зелья Вероники впитались в тело врага. А, что? Эта тварь была неустойчивой, и если уж ампулы усиливали все мои плюшки, то и на эту мешанину должно сработать.

И сработало.

Бывший Охотник буквально пошёл волнами, танцуя подо мной, как электрический бычок. Я никогда не был хорошим наездником, так что быстро очутился рядом с защитным куполом девчонок.

Тварь буйствовала. Меняясь в размерах и формах, она металась из стороны в сторону. Не знаю, чего в зелье подмешивала Вероника, но явно не микстуру от кашля. Само собой, танцы чудовища не могли пройти без последствий. Машина рушила вокруг себя всё: куски стены погребали под собой эксперименты, давя мелких тварей; потолок с одной стороны обрушился, сломав защитное поле и позволив мне добраться наконец до пленниц.

Я пытался аккуратно, но как можно быстрее освободить Еву, постоянно оглядываясь назад. Не очень улыбалось получить удар от обезумевшего монстра.

Рядом послышался стон и я боковым зрением заметил, как Анджела приходит в себя. Может купол бы не только защитным, но и подавляющим? Хотя, неважно. Теперь, по крайней мере, мне не нужно было тащить на себе обоих детей. Племяшка села, покачала головой и огляделась. Судя по быстро сменяющимся эмоциям на лице, суть происходящего усваивалась ею молниеносно. Мгновение и вот уже рыжая вырывает из Евы какой-то провод.

За спиной слышатся голоса людей, раздающие приказы. Неужели кто-то смог пробраться до этого уровня? Стрельба, снова рёв и крики. Я обернулся как раз вовремя. Один из Охотников прицелился в монстра из гранатомёта.

Mo chreach!

Я вырвал Еву из трубочного захвата, а Анджела накрыла её своим телом, когда раздался взрыв. Игрушки Охотников были хороши. Или это люди Рэйчел? А, неважно. В голове стоял звон, а перед глазами пелена. Несколько раз прилично врезав себе, я привёл голову в порядок. Вокруг стояла относительная тишина: поверженная тварь, разлетевшаяся по всему уровню, не подавала признаков жизни, а люди отстреливали единично выживших тварей.

Ева была рядом со мной, целая и невредимая, не считая следов от труб и проводов, что затягивались прямо на глазах. Моя девочка продолжала удивлять.

Я обернулся к племяшке, которую отнесло силой удара и всякие слова застряли в моей глотке. Спина Анджелы была пронзена куском металла, что ещё минуту назад удерживал Еву на стене.

Никогда бы не подумал, что девочка-подросток может стать такой тяжёлой ношей. Вечные истерики, упрёки и стычки до крови меркли перед фактом того, что я больше не услышу её голоса. Её быстро остывающее тело тянуло мои руки вниз, ноги подкашивались.

Я не помнил, как меня отыскал Зубоскал и, осознав, что произошло, заставил подняться, вырвал из спины Энджи металл и аккуратно водрузил мне на руки. Я шёл как в тумане, стремясь быстрее покинуть это чёртово место.

— Отряд «Дельта» проверьте правый сектор, — Вероника раздавала приказы, когда я наконец выбрался из катакомб разрушенной базы. — Oh mon dieu...

Врачевательница прикрыла рот руками. Стоящая рядом с ней Рэйчел чертыхнулась.

— Обрати её! — рявкнула Рэй. — Она будет чудовищем, но хотя бы живой.

— Я не могу...

— Какого чёрта, Моррисон? Она же твоя племянница. Не можешь ты, то пускай это сделает она, — Салливан махнула в сторону Мерси, стоящую рядом с Зубоскалом. Та лишь печально покачала головой, сдерживая слёзы. — Да что с вами?!

— Они не могут, — тихо произнесла Вероника, положив руку на плечо Рэй. — Обращение это не просто укус в шею, это rituel. Его не провести так просто.

— И вы хотите сказать, что она умрёт здесь, среди кучи существ, которые могут дать ей бессмертие? — Рэйчел сбросила руку Вероники и, подойдя ко мне, врезала мне по лицу кулаком. — Ты урод, Моррисон. Она погибла из-за тебя.

В воздухе висела тишина. Никто не произносил ни слова. Я слышал, как плакала Мерси, как пел прощальную песню Зубоскал. Прайд находился тут, рядом. Каждый из них обнимал другого поддерживая. Рэйчел продолжала бесноваться, но Уильям остановил хозяйку, обняв её за плечи. Вероника отдавала приказы, но вяло и с долей злобы.

Да только мне было плевать на всё это. На моих руках бездыханно лежала последняя из рода Моррисонов. Я собственными руками оборвал нить, что связывала меня с моим смертным прошлым.

— Sei sempre stato troppo emotivo, Scot.

Хриплый голос заставил оторвать взгляд от Анджелы и посмотреть на мужчину. Этот статный старик в дорогом костюме-тройке смотрелся дико на фоне мёртвых тел и развалин.

— Римлянин, — появление брата даже не удивило меня. — Не рад тебя видеть.

— Взаимно. Моя бы воля, не видал бы тебя ещё сотню лет, но воля Отца — закон.

Из-за спины Первого Апостола вышел смуглый парень лет пятнадцати в простой, даже бедной, одежде. За спиной пискнула Мерси. Прайд смиренно опустил головы в поклоне. Мальчик подошёл ко мне, провёл ладонью по окровавленной щеке и склонил голову набок.

— Отец... — только и смог я вымолвить.

Появление Каина стало шоком не только для его отпрысков, но и для смертных. Не каждый день встречаешь прародителя всех вампиров.

— Как?..

— Ты ведь знаешь, что Отец приходит и уходит, по собственной воле. Причины нам

никогда не были ни ясны, ни известны, — пожал плечами брат.

Каин перевёл взгляд на Анджелу, прокусил нижнюю губу и не успел я опомниться, как Отец держал в руках сердце моей племянницы. Каин впился клыками в податливую плоть, словно целуя драгоценную ношу. Пара секунд и вот юношеские руки вставляют сердце в грудную клетку девушки. Тянутся долгие мгновения ожидания.

— Не выйдет... — шепчу я. — Она уже мер...

Рана над сердцем затянулась, образуя на девичьей коже шрам в форме цифры двенадцать. Вздох и глаза распахнулись, открывая взору бордовые зрачки.

— Анджела! — я прижал к себе племянницу, ставшую мне «сестрой».

1Безмозглый придурок! Ты хоть понимаешь, что только что натворил?! Тебе повезёт, если Матен придёт в себя и лишь пожелает твоей крови, а не натравит всех Охотников! (фр.)

2Ты всегда был слишком эмоциональным, Шотландец (ит.).

— Довези их в сохранности, Греги, — я постучал по крыше машины и лучезарно улыбнулся.

Головорез Рэйчел не оценил моего миролюбия, скривился и вдавил педаль газа, выворачивая с подземной парковки, что примыкала к базе Охотников. Два его пассажира, мужчина и юноша, были скрыты за тёмными стёклами окон. За сохранность Каина и Римлянина я не беспокоился, с ними уж точно не могло ничего произойти, а вот малышу Грегори предстояло пройти стирание памяти. А может, и вовсе — фальшивые воспоминания. В отличие от меня Каин умел играть сознанием и смертных, и бессмертных одинаково хорошо и виртуозно.

Проводив машину взглядом, я зашёл в кабину лифта, закрыл дверь и стал неспешно спускаться на нижний ярус. Механический агрегат плавно двигался, позволяя отдаться на волю мыслей.

После боя прошло всего полдня, а Вероника и её ребята успели всё зачистить и проверить дело как очередной теракт. Наутро в новостях появятся свежие фотографии взрывов и жертв атаки. Никто даже не сможет представить себе, что это всего лишь блеф и иллюзия, которую мастерски внушают Охотники. Ловкость рук, никакой магии.

К слову о магии.

Когда мы наконец оказались в комнатах Вероники, и врачевательница принялась осматривать меня, я сердечно поблагодарил её за теневой щит от солнца.

— Хотя длань тот ещё образ защиты, — усмехнулся я, задрал руки выше головы, чтобы Охотнице было удобнее.

Чёрная Пантера замерла и посмотрела на меня как на идиота.

— Не знаю, где ты так приложился головой, Mon ghoul, но никакого щита, а уж тем более в виде ладони, зелье не даёт.

Больше к этому вопросу мы не возвращались. Возможно, мне и правда почудилось в пылу сражения, но думается мне, что врачевательница знала о своём составе не всё.

Как и не знала многое о своём городе Рэйчел.

— Я найду всех этих ублюдков до последнего выжившего, — поделилась дальнейшими планами Рэй, снимая с себя амуницию, — и выясню, как давно они тут находятся и каким образом скрывались от семьи Салливан.

Уильям молча принимал оружие и складывал в специально подготовленные чемоданы.

— Всё-таки пойдёшь по стопам семьи? — я крутил за петлю метательный нож, но игрушка была изъята Уильямом, как только острое лезвие случайно пролетело в дюйме от его виска.

— Как видишь, выбора особого нет, — Рэй водрузила на нос свои большие, круглые очки. — Но это не мешает мне быть твоим издателем. И всё произошедшее не повод отлынивать, а лишь новый материал для рукописи.

Покидала базу Охотников уже не грозная валькирия, а милая, тихая женщина, неспешно болтающая со своим личным помощником.

Лифт дёрнуло и кабина остановилась на нужном мне этаже. Мимо меня проходили Охотники, приветствуя как равного, а не врага. Бой насмерть сближает кого угодно.

Встречающиеся сёстры бинтовали многочисленных раненых. Их было на удивление больше, чем погибших. Волшебные руки врачевательниц многих возвращали чуть ли не с того света.

Я остановился у одной из спален, что выделили мне и Прайду, взялся за ручку двери и замер. Прайд сражался в этой битве за свою семью и вернул её, такой же милой и улыбающейся. На Еве происходящее никак не отразилось. Как только малышка попала в объятия своих родных, то заснула блаженным сном. Дрыхли и Мерси с Цви, закрывшись от всех в одной комнате. Чем они там занимались, даже думать не хотелось. Ну а я...

Я не покидал комнат, в которой разместили нас с Анджелой до тех самых пор, пока Римлянин не объявил о своём отбытии. И вот сейчас я стоял перед дверью своей племянницы — нет, не племянницы, сестры — и боялся войти. Я не знал, как примет своё новое естество Энджи, будет испугана до чёртиков или же свихнётся здесь и сейчас. А может, возненавидит меня и в её бессмертных глазах я навсегда останусь чудовищем, который обрёк её не на жизнь, а на существование.

С той стороны послышался стон и все сомнения улетучились. Я открыл дверь, готовый принять любое наказание вселенной, но ничто не заставит меня покинуть Анджелу на её новом пути.

Больше книг на сайте — Knigoed.net